This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

SS
g

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

1323 п/76

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!

*

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

*

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

*

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

*

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

*

Возвращайте книги в установленные сроки.

*

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

*

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

Ков-11

НАШИ

СПИСАННЫЕ СЪ НАТУРЫ

РУССКИМИ

Изданіе Я. А. Исакова.

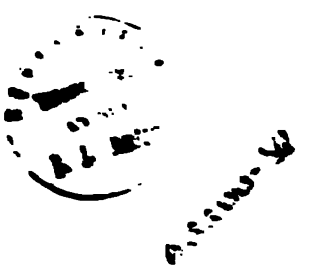
Санктпетербургъ

1841.

Наборъ Ревильона.

[illegible]

НАШИ!!
РУССКАЯ КОМПАНИЯ

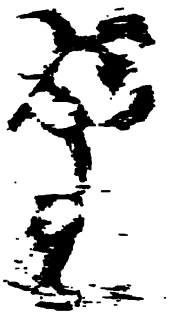


НАШИ,

СПИСАННЫЕ СЪ НАТУРЫ РУССКИМИ.

Въ теченіе непродолжительнаго времени, по двумъ летучимъ извѣстіямъ, помѣщеннымъ въ NN° V и VI *Отеч. Записокъ*, и краткому объявленію, разосланному только въ С. Петербургъ, это литературно - художественное предпріятіе обратило на себя вниманіе просвѣщенной публики. Всеобщій интересъ, безпрерывные спросы, присылка денегъ изъ Губерній [1]), наконецъ предложенія двухъ извѣстныхъ иностранныхъ литераторовъ переводить выпуски по мѣрѣ появленія, для изданія точно въ такомъ же видѣ во Франціи и въ Германіи, — все свидѣтельствуетъ, что подобной книги не доставало, что намѣренія наши поняты и оцѣнены. — Цѣль предпріятія и способы выполненія,

[1]) Подписка была объявлена *безденежная*, для соображенія, какое число экземп. можетъ разойтись.



и чтобъ не было излишества, которое, при чрезвычайной дороговизнѣ бумаги и печатанья, повлечетъ къ безвозвратной потерѣ значительнаго капитала. Возобновлять-же этого рода изданія — невозможно, а потому:

I. — Подписка, открытая нынѣ [1]), продолжится до 15 декабря. Иногородные могутъ въ теченіе этого времени адресовать требованія свои *исключительно* къ издателю Я. А. Исакову, внося за 7 выпусковъ впередъ, по 40 к. сер. и прибавляя 20 к. сер. на пересылку, всего *три рубля серебромъ*. Имъ будутъ высылать по *пяти* выпусковъ разомъ. Свѣжесть и чистота листовъ составляютъ важнѣйшее условіе красоты роскошнаго изданія.

II. — Съ 15 декабря подписка прекратится; число экземпляр. будетъ печатаемо по числу подписавшихся. Отдѣльно ни одного экземпляр. продаваться не будетъ; развѣ бы книгопродавцы продавали такъ тѣ экз., которые будутъ *пріобрѣтены ими заблаговременно, подпискою на общихъ правилахъ.*

III. — Отнынѣ выпуски будутъ выдаваемы черезъ каждые 7 или 10 дней; первыхъ, отпечатается на всякій случай болѣе.

IV. — Подписчики въ столицахъ, платя за получаемый выпускъ, вносятъ деньги за слѣдующій.

V. Каждый *выпускъ* будетъ состоять изъ 8—12 стр. текста. При каждой *отдѣльной статьѣ* будетъ одна особая картинка (собственно типъ); а въ текстѣ: двѣ, три картинки, (одна въ началѣ, другая въ концѣ статьи), и нѣсколько виньетокъ, украшенныхъ буквъ, и пр.

Приготовлены къ изданію статьи: *Водовозъ*, — *Барышня*, — *Книгопродавецъ-издатель*, — *Армейскій офицеръ*, — *Гробовой мастеръ*, — *Сплетницы*, — *Кавказецъ*, — *Неизвѣстный*, — *Комедіанты*, — *Человѣкъ, который помаленьку обдѣлалъ свои дѣла*, — *Левъ*, — *Самоотверженные*, — *Медвѣдь*, — *Петербургскій Нѣмецъ*, — *Русскій Фельетонистъ*, — *Знахарь*, — *Барыня*, — *Безсрочный*, — *Одно изъ видоизмѣненій*

[1]) Въ Санктпетербургѣ: у издателя Я. А. Исакова, въ Гостинномъ Дворѣ N. 22: — также въ книжномъ магазинѣ К. А. Полевого, на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Рогова: — въ конторѣ «Отечест. Записокъ», въ домѣ Петропавловской церкви на Невскомъ проспектѣ. — въ Москвѣ, въ магазинѣ К. А. Полевого.

просителя, — *Онагръ*, — *Сахаръ-Медовичъ-Папошинъ*, — *Дачники* и пр. — Ожидается множество статей отъ любимыхъ публикою литераторовъ, содѣйствующихъ своими произведеніями разнообразію, полнотѣ и занимательности НАШИХЪ.

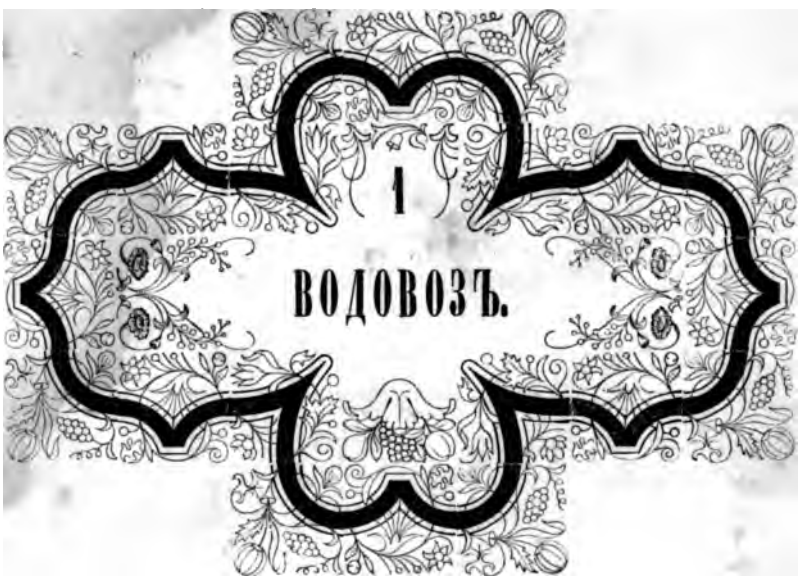
Редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ литераторовъ желающихъ видѣть труды свои въ этомъ изящномъ сборникѣ, препровождать статьи къ издателю. Въ необъятной Россіи столько оригинальнаго, самобытнаго, особеннаго — гдѣ лучше списывать какъ не на мѣстѣ, съ натуры? Принятіе или не-принятіе статей, будетъ зависѣть отъ условій ихъ изложенія, и сообразности съ основною идеею изданія.

Этотъ листокъ мы предлагаемъ какъ образецъ формата и бумаги, а только первую страницу его — какъ образецъ величины шрифта, который для нашего текста нарочно отлитъ.

На приложенныя (не къ мѣсту) виньетки просимъ взглянуть, какъ на образцы безчисленныхъ и умныхъ произведеній художниковъ, украшающихъ своими трудами страницы нашего изданія.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, октября 10-го, 1841 года. Цензоръ А. Очкинъ

Печатано въ типографіи JOURNAL DE SAINT-PÉTERSBOURG.


1
ВОДОВОЗЪ.

ВОДОВОЗЪ.

Вы, которымъ поддѣльный грузъ вашей жизни кажется столь невыразимо-значительнымъ, столь нестерпимо-тяжелымъ; — вы, полагающіе, что на Атлантовыхъ раменахъ вашей *свѣтскости* и важности держите шаръ земной съ блаженствомъ его обитателей, что низвергнете все въ безбрежныя пространства безконечнаго и раздробите судьбы смертныхъ, если вздумаете только уклонить одно плечо отъ привычнаго его положенія; — вы, посвящающіе ежедневно три часа на животненный актъ питанія, для котораго собрана изысканною причудливостью хитрой и роскошной науки пресыщенія все, драгоцѣннѣйшее, производимое природою, въ воздухѣ, въ водѣ и на землѣ отдаленнѣйшихъ концевъ нашей

планеты, — и все это для поддержанія бѣднаго вашего тѣла; — вы, проводящіе четыре часа на вечерѣ, въ которомъ развитіемъ избалованнаго вкуса и неутомимой жажды наслажденій, дана жизнь самымъ дивнымъ, самымъ невѣроятнымъ снамъ огненнаго воображенія и ненасытимой чувственности; гдѣ вихрь, блескъ, угаръ, нѣга, обманъ, истомляя, обольщая ваше естество, уносятъ васъ изъ міра существенности въ неестественный міръ волшебнаго самозабвенія; — вы, отнимающіе отъ жизни лучшую часть на рысканье, необходимое для поддержанія связей и вліянія; на мотовство, усиливающее ваше значеніе, достоинство и превосходство; на карточную игру, въ которой переходятъ по зеленому сукну суммы достаточныя для осчастливленія многочисленныхъ семействъ, и собранныя кровавымъ пóтомъ рукъ, изтомленныхъ, чтобъ добыть себѣ — кусокъ хлѣба а вамъ, возможность метать золото; вы, дивящіеся, что послѣ всего этого, вамъ остается на день только два часа истомы, пустоты, скуки и ослабѣнія, для семьи, для духа, для мысли; и только семь, восемь часовъ для тревожнаго сна ..... скажите: жалуясь всегда, на все, въ этой жизни, созданной вами для себя, по волѣ своей, думали-ли вы когда-нибудь о тѣхъ, которые никогда не жалуются на жизнь, не избранную ими, но тяжело упавшую на нихъ изъ урны судьбы? Знаете ли вы, кто эти не жалующіеся, и сколько ихъ, и сколько васъ? — и почему не жалуются они?! — Вы, рѣшающіе все окончательно, разрѣшили-ли вопросъ: кто изъ васъ и ихъ имѣетъ права жаловаться?

Видали-ли вы по-крайней-мѣрѣ когда-нибудь, вблизи, одного изъ тѣхъ *низшихъ*, необходимыхъ тружениковъ земли, которые носятъ одинаковое съ вами, родовое всѣмъ намъ названіе? — которые, по милости Бога, надѣлены точно такою же, какъ мы, душею; въ груди которыхъ бьются сердца, столько же, какъ наши, способныя глубоко и прекрасно чувствовать; но отъ которыхъ отнята возможность красиво изображать свои чувства; картинностью выясненій, лоскомъ и художественною отдѣлкою формъ — заслуживать наше вниманіе? которые, не имѣя нарядовъ

и маскъ, возбуждающихъ въ насъ участіе, страдаютъ молчаливо, терпятъ съ христіанскимъ смиреніемъ? — Нѣтъ, вы этого не рѣшали; вы объ этомъ не думали; вы не видали этого близко! Вамъ некогда! — Жалко; низшая братія наша, тоже люди. И въ нихъ рукою вѣчнаго дѣлателя вложены чудесные звуки дивной гармоніи чувствъ, обще-доступныхъ человѣку. Имъ не достаетъ только тѣхъ устъ, тѣхъ перстовъ, дѣтей науки, которые бы извлекали звуки сіи въ проявленіи нами условленномъ; но если, вырванные изъ души невольно, они раздадутся въ первобытной дикости, и въ величіи простоты неподдѣльной, — кто виноватъ, что мы, не понимая ихъ природнаго значенія, затыкаемъ уши или отдаляемся презрительно, чтобъ не слышать?

Мирясь съ своею судьбой, бѣдняки не ищутъ, не вымаливаютъ, не выкланиваютъ участія отъ нашей безчувственности ко всему природно-трогательному, но терпятъ безропотно, и, съ благородною гордостью самосознанія собственной силы, несутъ свой крестъ! Они полезны, и увѣрены въ томъ; вотъ ихъ награда и утѣшеніе. Карабкаясь по Вавилонской лѣстницѣ не естественныхъ страстей, требованій и причудъ, мы, слабые, въ твердую грудь терпѣливыхъ уперли острые ея концы, и деремся и боремся на ступеняхъ, скидываемъ, тащимъ, кусаемъ, подталкиваемъ другъ друга и давимъ грудь людей, отягченную этимъ грузомъ; но они не ворочаются, зная что могутъ уронить всю лѣстницу.... вотъ ихъ добродѣтель!

Съ однимъ изъ этихъ низшихъ я хочу васъ сблизить .... не бойтесь, на минуту только, — простымъ разсказомъ самаго простаго произшествія. Выпивая свою чашу, отъ-чего же не узнать, изъ какой пьютъ другіе?

Осьмнадцати-градусный морозъ щипалъ лице; я шелъ отыскивать товарища юности, обстоятельствами жизни разлученнаго со мною въ теченіе многихъ лѣтъ. Войдя во дворъ дома, въ которомъ онъ нанялъ квартиру, я постучалъ въ обмерзлую подвальную дверь, заключая, по проведенной надъ нею изъ подъворотѣ проволокѣ къ колокольчику, что въ этомъ подземельномъ логовищѣ долженъ помѣщаться трудолюбивѣйшій или, по-крайней-мѣрѣ, наиболѣе трудящійся изъ жителей огромнаго дома. Черезъ минуту дверь разтворилась; густые клубы пара, съ которымъ смѣшивался запахъ сырой гнили, гари, тютюну, капусты и прѣлой овчины, пахнувъ въ холодный воздухъ — отбросили меня на нѣсколько шаговъ назадъ; въ туманѣ ихъ появился мужикъ-татаринъ, въ пестрядинной рубахѣ и суконномъ жилетѣ. « Гдѣ живетъ Жигитовъ, тотъ-что не давно пріѣхалъ? » — спросилъ я. « Жгутовъ? знаемъ! одинадцать нумиръ, бачка; на правай-та лѣстницы, въ верхахъ; вишъ, баринъ, гдѣ каранна въ стеклѣ? »

Я направился по этому подробному указанію. Лѣстница, по обыкновенію весьма многихъ жителей и лѣстницъ въ Петербургѣ, была двухличная, *парадная* для малыхъ, *грязная* для большихъ квартиръ. Ступени, заплесканныя смерзшеюся въ сосульки водою, были страшно скользки. Съ перваго шага меня поразили болѣзненные вздохи, раздававшіеся сверху. Каждый звукъ имѣетъ свое особенное значеніе; по выраженію этихъ тяжелыхъ вздоховъ должно было заключать, что они вырывались изъ груди невольно. Я осторожно шелъ по ступенямъ, но по мѣрѣ приближенія къ мѣсту, откуда слышалась печальная гармонія, она становилась рѣже, стихала и наконецъ замолкла, въ ту минуту, когда я вступалъ на площадку между третьимъ и четвертымъ этажами.

Тамъ, на окнѣ, свѣсивъ руки между раздвинутыхъ колѣнъ, съ признаками совершеннаго ослабѣнія склонивъ къ лядвеямъ туловище, сидѣлъ мужикъ, худенькій, свѣтлорусый, лѣтъ тридцати. У ногъ его лежала здоровая оледенѣлая веревка. Обильная испарина, какъ будто выгнанная изъ его тѣла усиліями чрезвычайной работы, пропитавъ насквозь толстую шестрядинную рубаху, прильнувшую къ плечамъ, спинѣ и груди, отдѣлялась въ воздухѣ, который, сгущая ея пары, окружалъ ими этого бѣднаго человѣка, какъ будто дымомъ. Когда я ступилъ на площадку, онъ болѣзненно приподнялъ голову; я испугался; — въ кроткомъ, тоскливо-миловидномъ лицѣ, выражалось столько жестокаго страданія и вмѣстѣ столько терпѣнія, что я остановился невольно. Уста были открыты, нижняя губа замѣтно втянута, вѣки не имѣли силы подняться выше полуглаза, впалыя щеки лоснились какъ мраморъ.

— « Что съ тобою? спросилъ я.

Онъ, слабо покачавъ на обѣ стороны головою, произнесъ глухо: — « ничего, баринъ. »

— « Какъ ничего! ты боленъ? »

— « Убился, » — отвѣчалъ онъ равнодушно.

— « Убился? »

— « Съ грузомъ дровъ, съ верьха́ съѣхалъ, по льду, до-сюлева; больно скользко.....

— « Когда жь? »

— « Почитай съ часъ буде.

— « Съ часъ? »

— « Отдохнуть, вишь, не могу, » — сказалъ онъ, усиливаясь улыбнуться.

— « Не зашибъ-ли головы? не сломалъ ли чего? »

— « Цѣло все; грудь, кажись, примялъ....

— « Грудь? »

— « Духъ захватывать, подъ сердце подступило....

— « Ты здѣшній? »

— « Водовозъ, батюшка.

— « Нужно итти домой, скорѣе натереть грудь саломъ, напиться горячего. »

— « Ноги подкосило, пыталъ, баринъ, встать, да оказія такая — силъ не хватаетъ.

— « Попробуй еще, я помогу. »

Я долженъ былъ крѣпко держать его, цѣпляясь по скользкой лѣстницѣ. Одною рукой упираясь о стѣну, другою невольно налегая на меня, бѣдный, съ неимовѣрнымъ трудомъ, волоча ногу за ногу, дошелъ до низу безмолвно; что шагъ, то страданіе и побѣда духа надъ тѣломъ.

— « Есть-ли у тебя летучая мазь? » спросилъ я. Онъ не понялъ.

— « А чай? »

— « Гдѣ намъ чаями заниматься, сударь.

— « Возьми-же это на лекарство. »

Не принимая моего цѣлковаго, но взглянувъ мнѣ въ глаза съ удовольствіемъ, внезапно выразившимся на печальномъ его ли-

цѣ, онъ произнесъ робко. « Куда намъ съ лекарствами, ваше благородье! А вотъ тамъ, на верхахъ жильцы сидятъ безъ дровъ, несмогъ перетаскать еще съ пол-сажёнки.... »

— « Полно, братецъ, ты едва движешься! »

— « Чтожь, батюшка, изъ-за меня не оставаться людямъ безъ огня и воды; силъ не хватаетъ... а коли позволишь, — » продолжалъ онъ робко — « такъ я принанялъ бы на эти деньги? »

— « Конечно, конечно! » — сказалъ я присоединяя къ первой монетѣ ещѣ три такія же, — « ты добрый парень, возьми, тутъ станетъ и на наемъ и на лекарство; нужно лечиться. »

Онъ быстро взялъ одною рукой мою руку, которую поднесъ къ устамъ, а другою отиралъ глаза. Рука его была мокра, жгла какъ огонь и сильно тряслась.

Въ больномъ проявлялось столько покорности къ судьбѣ, столько терпѣнія и благородной благодарности, что я былъ глубоко разтроганъ.

Вызвавъ дворника, я нашелъ легкое средство убѣдить его отвести домой водовоза, положеніе котораго казалось опаснымъ, и пустился къ своему пріятелю.

О томъ ли было говорить съ другомъ, котораго я не видалъ съ юности. Уходя домой, я хотѣлъ спросить о своемъ бѣдномъ знакомцѣ у дворника, — его ужѣ тутъ не было; но дней черезъ шесть, я встрѣтилъ его на томъ же дворѣ и, на вопросы о больномъ, онъ сказалъ мнѣ:

— « На другой день, бачка́, таварищъ-пріятиль за нихъ разнесъ дровъ и воды, а тутъ ужь все стали таскать разные, пока оправится, говорятъ, самъ, чтобъ мѣста́-та́ ему не потерять....

— « Гдѣ живетъ этотъ водовозъ?

— « А, вонъ, пряма, бачка́ въ К-мъ пріулкѣ, въ Струбничихинамъ-та́ доми! »

Съ трудомъ отыскавъ домъ, хозяинъ котораго носилъ имя даже и приблизительно не похожее на сказанное мнѣ дворникомъ, я проникъ въ погребную каморку, занимаемую артелью водовозовъ. Было темно, душно, тихо; затхлый паръ ледянымъ матовымъ слоемъ тотчасъ легъ на нахолодѣлыя стекла моихъ очковъ; не видя ничего, я крикнулъ довольно громко.

— « Тише-тамъ, ну! » сказалъ кто-то сердито, но въ полголоса; то былъ крестьянинъ лѣтъ тридцати-пяти.

— « Не здѣсь ли, » — спросилъ я, « водовозъ, который работалъ въ Л–а домѣ и на дняхъ зашибся.

— « Здѣсь, здѣсь, баринъ! — Извините, » шопотомъ отвѣчалъ мужикъ, и съ выраженіемъ удовольствія, глядя мнѣ въ лице, прибавилъ: — « а не ты-ли, ваше благородье, помогъ ему тогда?

— « Что съ нимъ?

— « Много воспоминалъ о васъ; вѣдь мы, сударь сироты-горемычные, добро на сердцѣ зарубаемъ; все говорилъ: вотъ ужь баринъ, такъ баринъ, — дай ему богъ здоровья! Ка-бы пришелъ? !....

— « Гдѣ-жъ онъ?

— « Отходитъ, родимый, совсѣмъ отходитъ; съ позапрошлаго полдня страшно мается; узнаётъ еще и ухомъ слышитъ, да языкъ-то ужъ отбило!

Подъ окномъ, убраннымъ фантастическими сталактитами льду, близъ стѣны, на которой зеленая, заиндевшая плесень раскинулась живописными орнаментами, по мѣстамъ испещренными черными пятнами, на рогожахъ, прикрытыхъ дрянною овчиной, лежалъ мой больной, на спинѣ, какъ мертвый, вытянувшись. Изъ разкрытыхъ устъ, изрѣдка излетало дыханіе, обращавшееся въ холодномъ воздухѣ, сперва въ тонкую струю пара, потомъ въ клубы, все больше рѣдѣвшіе. Глаза его были закрыты; къ сложеннымъ рукамъ былъ прислоненъ простой мѣдный крестикъ, поставленный вѣроятно за неимѣніемъ образка и колеблемый повременамъ судорожнымъ движеніемъ груди. На лицѣ выражалось величественно-страдальческое спокойствіе съ миромъ отходящаго.

— « Пантелеймонъ! » — тихо произнесъ встрѣтившій меня мужикъ, спустясь на колѣна, и осторожно припадая къ больному. « А! Пантелеймонъ!....

— « Оставь, оставь! — сказалъ я.

— « Нѣтъ, баринъ, самъ наказалъ, па случай; все вспоминалъ про васъ; ну, говоритъ, братцы, вотъ ужъ умру легко, если увижу. Пантелеймонъ! Барина-то къ тебѣ Богъ послалъ!

Умирающій открылъ медленно глаза, повелъ кругомъ, вперилъ туманный взоръ въ мое лице, и высвободивъ съ чрезвычайнымъ усиліемъ руку изъ-подъ полушубка, протянулъ ее, какъ-бы ища чего-то. Я подалъ ему свою руку. Онъ поднесъ ее сперва къ устамъ, которыя трепетали, потомъ къ сердцу; слабо пожалъ и, выпуская, указалъ небо перстомъ и очами. По мускуламъ его лица пробѣжало что-то, какъ тѣнь, но ни малѣйшей въ нихъ перемѣны, ни одного звука изъ спертыхъ устъ. Онъ стиснулъ мѣдный крестъ на своей груди, потомъ приблизилъ

его ко мнѣ, и на глазахъ страдальца выкатились двѣ крупныя слезы, какъ двѣ жемчужины, блестящія отливами неба!....

Ни мнѣ, ни кому не достало бы умѣнья передать все невыразимо-печальное, все горькое и вмѣстѣ таинственно-умилительное, что стѣснило тогда мою душу!! Эта безмолвная драма смерти бѣднаго человѣка, эта черта вѣры и сердечной памяти на порогѣ другой жизни, поучительно встревожила меня и озарила мой разумъ. Мнѣ казалось, что въ ту самую минуту я сталъ лучше душею, что я въ тысячу разъ счастливѣе, нежели когда либо думалъ; что я, жаловавшійся на жизнь, не достоинъ подобной кончины!!

Изъ разсказа товарища умирающаго я узналъ, что докторъ, котораго они съ общаго рѣшенія съ трудомъ добыли, сказалъ только: « какое здѣсь леченье, нужно отвезти въ больницу;» — въ больницѣ, ни въ тотъ день, ни на другой, не было мѣста; его привезли назадъ почти мертваго ; « завтра, » сказали имъ — «умрутъ человѣка три, мѣста очистятся, попытайтесь, коли захватите. » Но въ это завтра до больнаго ужѣ нельзя было дотронуться, такъ онъ страдалъ. Послѣ совѣта артели положено на общія деньги взять въ лавочкѣ шалфею и мяты, которые настояли кипяткомъ съ медомъ и предложили Пантелеймону; но онъ не пилъ. Сбѣгали еще за цирюльникомъ, полагая, не поможетъ-ли отворить кровь; но тотъ, взглянувъ на больнаго, не рѣшился на это. Наконецъ придумывая все что знали, эти добрые люди хотѣли больнаго тереть подогрѣтымъ виномъ, онъ не допустилъ, а только просилъ шопотомъ: « дайте, други, священника. » Артель тотчасъ пригласила изъ ближайшаго прихода отца Алексѣя, который исповѣдовалъ, пріобщилъ Пантелеймона, навѣстилъ его на другой день, принесъ подушку, новый полушубокъ, и обѣщался еще зайти, не принявъ *синей*, предложенной ему бѣдными людьми. « Еще, батюшка, приказалъ онъ васъ слезно просить о дѣлѣ, если-бъ отыскали.... » прибавилъ мужичекъ, — « да ужъ дозвольте доложить послѣ. »

Я сказалъ ему, что пока въ человѣкѣ есть искра жизни, грѣшно не помогать, а потому обѣщалъ тотчасъ прислать своего доктора; растолковалъ гдѣ живу, и велѣлъ непремѣнно явиться, если бы что случилось.

На другой день докторъ объявилъ мнѣ, что не засталъ уже въ живыхъ водовоза. Часа два спустя, ко мнѣ пришелъ и добрый товарищъ покойнаго.

— « Что, братецъ, Пантелеймонъ нашъ умеръ?

— « Приказалъ долго жить, батюшка; воля Божья, умремъ всѣ! Дѣтки остались, жалко, трое, малъ-мала меньше!

— « Такъ онъ былъ женатъ?

— « Женатъ, батюшка, пятый годокъ, на Аксиньѣ Чубаровой изъ шабровъ; красивая баба, что кровь съ молокомъ, и разумница! Не разстался бы онъ съ нею ни за-что и на день, да худыя въ нашей сторонѣ настали времена; покойникъ принанялъ мужика, брата мéньшаго поставилъ въ домѣ, а самому здѣсь, въ заработкѣ-тѣ, хотѣлось попытать счастія; анъ вотъ и не посчастливилось.

— « Давно ли онъ изъ деревни?

— Всего мѣсяцевъ восемь, родимой; сотенку и двѣ переслалъ женѣ; дюжій былъ работникъ! съ амбицыей!! Гроша бывало на себя не прогуляетъ, всякую копѣйку, пóтомъ вымѣняетъ, да и наровитъ слать къ своимъ, чтобъ было, говоритъ, на что имъ бѣднымъ прокормиться и пóдати да оброки выполнить. Больно скучалъ, батюшка, о нихъ на-послѣдяхъ; какъ вспомню, говоритъ, объ Оксютѣ да о ребятишкахъ, сердце такъ и щемитъ; и умирая все-крѣпко о нихъ же тосковалъ.

— « Что же дѣлать, любезный, отъ смерти никто не избавился.

— «Точно! Не осердитесь, ваше благородье, покойникъ велѣлъ броситься въ ноги вашей милости, и слезно просить, о дѣлѣ....

— « Говори, говори, я все сдѣлаю что могу.

— Какъ стало ему хуже, на другой день, намъ и за нимъ-то присмотрѣть хочется, жалко парня, больно добрый! и работать-

то нужно; наше дѣло такое, батюшка, чуть день пропустилъ, такъ и потерялъ всѣ мѣста, не спросятъ, боленъ-ли, умеръ-ли, а чтобъ была вода и дрова, подавай. Мѣста же не скоро достанешь, за шести-рублевымъ ходишь мѣсяца два; насъ, бѣднаго народу, теперь много развелось въ Питерѣ. Ну, подумалъ я, какъ уйдемъ мы все съ утра, а его бѣднаго одного оставимъ — не гоже! Вотъ я говорю ему: Пантелеймонъ, я посторожу тебя сегодня, вишь, захирѣлъ ты совсѣмъ. « Ни, ни, Михайло, » сказалъ онъ «и слышать, братъ, не хочу; ступай-себѣ, а то всѣ мѣста потеряешь, — что мнѣ? пришелъ часъ воли Божіей; оставь, братъ, — не жилецъ ужь я, а смертью своей разорять товарищей грѣхъ; да и тебѣ не хорошо, для чужаго мертваго покидать своихъ живыхъ. Отслужи мнѣ лучше другую службу, отыщи, братъ, коли можно, того барина,... тамъ въ домѣ ужь вѣрно знаютъ; унади въ ноги, да и скажи, собралъ-бы съ жильцовъ деньжонки, въ долгахъ у меня ходитъ 34 р. 20 к. и отослалъ бы Оксютѣ; да и письмецо-бы написалъ, писарь и за цѣлковый ужь такъ не напишетъ: со мною, дескать, смерть приключилась, до послѣдняго часа о женѣ да ребятахъ помнилъ, и слезно плакалъ, и благословлялъ, а тамъ буду Бога о нихъ молить! »..... Тутъ, батюшка, Пантелеймонъ зарыдалъ горько, да послѣ ужь и проговорилъ такъ сквозь слезъ : « вышла бы моя Оксюша послѣ меня за Петруху Кононова, куда ей бѣдной одной съ тремя мальчами маячиться, въ-конецъ разорится, горемычная !... »

Разсказчикъ остановился, чтобъ отереть чистыя свои слезы, концемъ нечистаго, смураго кафтана.

— « Ты очень любилъ Пантелеймона? — спросилъ я.

— « Какъ, ваше благородье, не любить; сами видите, какой былъ! Коли мы другъ друга любить не станемъ, одно горе горюя, такъ отъ кого же намъ, бѣднымъ людямъ, ждать любви-то ?

— « Ну, говори, что было послѣ ?

— « А послѣ, батюшка, было то, что я артели какъ переска-

залъ все, надорвались у бѣдныхъ сердца, и порѣшили мы въ одинъ голосъ обмануть Пантелеймона....

— « Какъ обмануть?

— « А, вотъ, батюшка, тотчасъ доскажу, не сбиться бы съ толку, да не забыть чего. » Тутъ онъ вынулъ изъ-за пазухи узелокъ. « Это, ваше благородье, образокъ и обручальное кольцо, Пантелеймонъ приказалъ послать къ своимъ; а вотъ ваши три цѣлковыхъ съ полтинникомъ, велѣлъ отдать вамъ; одну полтину, дескать, скажи, только издержалъ, съ позволенья, нанялъ за себя человѣка поработать въ намеднишній день. А вотъ еще 13 р. 8 к. у него въ коробѣ нашлось движенности; а это ужь мы сложили, по два четвертака съ брата, съ четырнадцати душъ артели; чѣмъ богаты тѣмъ и рады, т. е. для вдовы и сиротъ. Вы, батюшка, ваша милость, въ письмецѣ-то не извольте писать, что отъ насъ, а такъ т. е. просто.....

— « Богъ васъ наградитъ, добрые люди; въ чемъ же и какъ вы его обманули?

— « А мы, изволишь видѣть, порѣшили такъ, чтобъ, не говоря ему, такой т. е. онъ былъ великатной, до конца мѣсяца работать по-очереди на его мѣстахъ; другой день хоть измаешься больно, ну, чтожь, за сиротъ Богъ заплатитъ, батюшка; такъ деньги-то за цѣлый мѣсяцъ за него получимъ; выйдетъ поразчету за остальные дни рублевъ 17, да долгу соберемъ 34 р. 20 к., оно семьѣ подспорье. Я все тутъ принесъ, ваше благородіе, потрудитесь сосчитать: 13 р. 8 к., да 14 полтинъ серебра, да 34 р. 20 к., да 17 рублевъ....

— « Восемдесятъ девять рублей, семьдесятъ восемь копѣекъ. Послѣднихъ 34 р. и 17 р. вы еще не получили, за-чѣмъ же отдаете теперь?

— « Мы ужь получимъ, батюшка, и подѣлимъ по-свойски, а теперь собрали свои крохи, чтобъ сиротамъ-то послать скорѣе. Восемьдесять девять рублевъ семдесять восемь копѣекъ? Ну, слава Богу: Эхъ, до сотни-то малаго не дохватило!

— « Нѣтъ, любезный, дѣло нужно сдѣлать вотъ какъ, послушай: ваши деньги и мои вы возьмите назадъ, у меня есть добрые знакомые, которые немножко по-богаче васъ, понимаешь?

— « Смекаю, государь; въ томъ воля твоя, что угодно, то сдѣлаешь; только ужь я не смѣю т. е. противъ артели поперечить; какъ положено на міру, такъ тому и быть. А твои три съ половиною цѣлковые, не наши, батюшка, покойниковы; воля покойника святая, по его приказу тебѣ слѣдуетъ ихъ взять....

— « Правда, правда; но вы и безъ того издержались на похороны?

— Мужицкія похороны не какія, сударь, двухъ цѣлковыхъ заглаза хватило и съ угощеніемъ; онъ намъ былъ другъ.

— « По-крайней-мѣрѣ, отнеси вотъ это въ артель, пусть уладятъ, чтобъ поминали покойника въ церкви.

— « Это, батюшка, можно! »

Вотъ исторія бѣднаго Пантелеймона и его товарищей, т. е. исторія наибо́льшей части Петербургскихъ водовозовъ, преимущественно добрыхъ и честныхъ изъ рабочаго народа. Но что намъ, скажете вы, въ столь пошло-обыкновенной исторіи?

« Nous sommes de ceux qui disent: c'est rien,
« Ce n'est qu'une femme qui se noie!

Вамъ извѣстно, что промыслы и занятія Петербургцевъ низшаго разряда разпредѣлились у насъ по губерніямъ; здѣсь не мѣсто входить въ объясненіе началъ этого любопытнаго явленія, — губерніи, будто школы нашего столичнаго трудоваго народа, шлютъ намъ: одна каменотесцевъ, другая землекоповъ, та — половыхъ въ трактиры, эта — плотниковъ, стекольщиковъ, мѣлочныхъ разносчиковъ и пр.; *Водовозы* почти всѣ изъ Твери. Ихъ въ городѣ нѣсколько болѣе тысячи человѣкъ. Вы понимаете, что одна тысяча не можетъ доставлять воду всѣмъ Петербургскимъ жителямъ, что въ наименьшей части домовъ воду возятъ на своихъ лошадяхъ, а почти двѣ трети полумилліоннаго народо-

населенія столицы, носитъ для себя воду на собственныхъ плечахъ, точно такъ же, какъ мы всѣ, аристократы и водовозы носимъ на своихъ плечахъ ужасный грузъ воздуха, необходимаго для жизни. Вездѣ и все дѣло привычки: къ этой ношѣ мы привыкли, потому только и не гнушаемся ею. Наконецъ, въ нѣкоторые домы, по берегамъ Невы и даже Фонтанки, нынѣ вода проведена трубами; но все это мелочь, въ сравненіи съ числомъ людей, получающихъ воду отъ водовозовъ.

Водовозы не имѣютъ никакого оффиціальнаго состава, не представляютъ отдѣльной общины или цеха, не состоятъ въ чьемъ-либо особомъ завѣдываніи. Они просто городскіе жители, по паспортамъ и билетамъ, имѣющіе право дышать петербургскимъ воздухомъ, топтать мостовыя, но не имѣющіе права, ни брать даромъ воду, какъ многіе, ни подобно еще бо́льшему числу существовать, — не говорю наслаждаться — ничего не дѣлая. По милости Провидѣнія къ водовозамъ, эта отрасль промышлености, до времени, ускользнула отъ всезахватывающихъ подрядчиковъ, отъ всеглотающихъ подрядовъ и тѣхъ компаній, при которыхъ тысячи людей должны тяжко работать, считая богатствомъ лоскутья на плечахъ и кусокъ хлѣба въ желудкѣ, для того только, чтобъ одинъ, или десять, могли имѣть мебель boule или Pompadour. Нѣтъ однако-же сомнѣнія въ томъ, судя по направленію столичной промышлености, что мы отобьемъ у водовозовъ ихъ работу, когда увѣримся, что ею можно нажить лишнюю тысячу въ годъ на эти необходимые элементы условій, составляющихъ *порядочнаго* человѣка.

Чтобъ быть водовозомъ, нужно прежде всего быть человѣкомъ,..... не торопитесь, я тотчасъ объяснюсь, — нужно имѣть твердую волю, большую силу духа и тѣла, крѣпкую вѣру въ судьбу и въ неотразимость своего назначенія. Нужно, чтобъ душа не смутилась и сер..це не замерло при ясномъ разумѣніи, что слѣ-

дуетъ умеретъ съ голода, или рѣшиться работать какъ лошадь, одинаково, безпрерывно, на солнечномъ пеклѣ и трескучемъ морозѣ, подъ дождемъ и вѣчнымъ петербургскимъ вѣтромъ, круглый годъ, для того только, чтобъ сперва заплатить оброкъ, а послѣ съѣсть фунта два хлѣба и нѣсколько пригоршень разпареннаго гороху и вытрудить право на нѣсколько часовъ уложить измученные члены на рогожу, въ подвалѣ, изъ котораго мы убѣжали бы не только живые, но мертвые, если бъ могли и не поздно было бѣгать за лучшимъ послѣ смерти. Съ шести часовъ утра до ночи черпать воду изъ канала въ чанъ, возить ее въ домы, разливать въ ведра, разносить ихъ по крутымъ лѣстницамъ въ третьи и четвертые этажи, сносить оттуда помои, переколоть нѣсколько саженей дровъ, перетаскать ихъ со дворовъ, въ тѣ же этажи вязанками, подъ которыми туловище должно пригнуться къ колѣнамъ; для отдыха волочить на плотъ и обратно тяжелыя корзины мокраго бѣлья... вотъ ежедневная пытка-работа водовоза. Съ-тѣхъ-поръ-какъ наша огромная дворня достаточно образовалось комфортомъ столичной жизни размноженіемъ винной продажи, удачно обогащающей, и выводящей ея господъ въ люди изъ поставщиковъ и винокуровъ, устройствомъ *Расторацый* и пр., она возчувствовала свое достоинство, и ни въ одномъ домѣ, мало-мальски порядочномъ, ни одинъ изъ ея членовъ, начиная отъ дворецкаго до мужика на конюшнѣ, не приложитъ рукъ къ подобной работѣ; она слишкомъ трудна, слѣдовательно унизительна, господа должны нанимать для нея водовоза: порядочные люди нужны вездѣ только для показу. Водовозъ есть необходимое дополненіе этой касты, а чуть-ли не каждая каста имѣетъ своихъ водовозовъ! Такъ было, такъ будетъ; нельзя же намъ самимъ возить воду; помилуйте, будто мало того, что мы ее употребляемъ.

Вы не увидите водовоза старика; потому-что до старости они не доживаютъ, а старикомъ начинать эту службу — не возможно. Водовозъ человѣкъ между 22 и 40 лѣтъ. Онъ человѣкъ, говорю я, но *человѣкъ-товаръ*; онъ ежегодно продаетъ намъ, т. е.

убиваетъ на-столько — не страстей своихъ, мнѣній, чувствъ, совѣсти, исповѣданій, не того что можно теперь продавать, за такъ называемое благосостояніе, а просто лучшаго цвѣта своей здоровой жизни, которую, при общей продажѣ всего, каждый бережетъ для себя; онъ продаетъ ее за-столько, сколько едва-ли достанетъ свѣтскому франту на жилетъ и дюжину перчатокъ..... и для чего-же, спросите вы? Для хлѣба!! Скажите, будто это жизнь? стóитъ ли она, чтобъ ею заниматься? Справедливо ею и не занимаются. Однакоже это точно жизнь; спросите водовоза. Онъ въ ней находитъ, наслажденія—безъ угрызеній совѣсти, надежду — безъ честолюбія, горе — безъ скуки, существованіе и мѣсто на свѣтѣ — безъ интригъ.

Водовозъ, если онъ не испугается своей истомы и не броситъ занятій, умираетъ преждевременно, отъ чахотки, отъ натуги мышицъ, отъ истощенія силъ, отъ опасныхъ изломовъ и ушибовъ. Ни одному изъ многихъ тысячъ владѣльцевъ богатыхъ домовъ никогда еще не приходило на мысль, что по грязнымъ, темнымъ лѣстницамъ его, долженъ ежедневно цѣпляться, съ опасностью живота, человѣкъ, непостижимо гнущійся подъ тяжестью непомѣрныхъ ношъ; пыхтящій и охающій такъ, что даже у васъ поворотится сердце; съ лицемъ до-того налитымъ кровью, съ веревкой до-того наддавившей черепъ, что вы не поймете, какъ не разлетится эта голова въ дребезги?! Лишь бы парадная лѣстница, которую видятъ, была удобна, что́ заботиться объ устройствѣ этой, если на ней *сломаются* два — три человѣка, не бѣда, они изъ такихъ, которые будутъ замѣнены другими, они для того и сотворены; хозяинъ дома и не узна́етъ о томъ. Водовозы рѣдко выносятъ такую жизнь 5—8 лѣтъ, послѣ чего, почти ни къ чему уже не способные, они приносятъ семьѣ, съ нѣсколькими сотнями рублей, изломанныя кости, измученное тѣло, жизнь оскудѣвшую и зараженную неизлечимыми болѣзнями, мучительно, но вѣрно ведущими къ ранней могилѣ.

Не забудьте еще, чтобъ быть водовозомъ, нужно непремѣнно быть совершенно здоровымъ человѣкомъ, здоровымъ не такъ,

какъ мы здоровы; но въ полнѣйшемъ значеніи этого выраженія. Вспомните, что мы прячемъ безчисленныя и, можетъ-быть, довольно грязныя болѣзни, давно живущія въ братской связи въ тѣлѣ нашемъ, подъ мягкую фланель фуфайки, подъ лоснящееся сукно моднаго фрака, подъ бархатъ жилета и ратинъ пальто. Мы кутаемъ ихъ богатыми енотами; спокойно возимъ ихъ съ собою въ свѣтъ; безпечно старѣемся вмѣстѣ съ ними, и кто знаетъ, кто побожится, исправившійся–ли я или еще настоящій, хотя сѣдой шалунъ? Водовозу это невозможно: безпрерывныя усилія, ужасающая ходьба, въ снѣгъ, въ слякоть, въ жаръ и холодъ, прямое безперемежное вліяніе воздушныхъ перемѣнъ; горячая испарина, обильно извлекаемая тяжкимъ трудомъ и мгновенно изсушаемая вѣтромъ, обмываемая дождемъ, оледеняемая морозомъ, — не бархатъ, не ратинъ; они быстро и страшно разовьютъ въ немъ малѣйшее зерно всякой болѣзни, несомнѣнно убьютъ его въ нѣсколько дней; онъ не успѣетъ даже собрать консультаціи единственныхъ друзей человѣчества, богатыхъ и модныхъ медиковъ.

Чтобъ быть водовозомъ, нужно еще обладать вещественнымъ капиталомъ отъ 40, до 125 рублей, для первоначальнаго обзаведенія. Пѣшій водовозъ долженъ имѣть на зиму салазки, къ которымъ, въ видѣ оглоблей, привязана веревка и на которыхъ утвержденъ обрѣзъ или чанъ; на лѣто—двухколесныя дровеньки съ лежащею на нихъ небольшою бочкою или нѣсколькими анкерками. Конный водовозъ имѣетъ всю эту *снасть* въ бо́льшемъ размѣрѣ, потому что онъ не самъ ее возитъ, а владѣетъ лошадью. Если бочка его выкрашена, что очень рѣдко, — если лошадь его можетъ еще иногда пройти двадцать шаговъ рысью и послужною вѣдомостью своею не докажетъ 15 лѣтъ постоянной работы, если наконецъ онъ самъ имѣетъ одежду, похожую немного на армякъ и что-нибудь въ родѣ шляпы, — тогда онъ уже *водовозъ-аристократъ*.

Наконецъ; чтобъ быть водовозомъ, нужно еще, и это главное, обладать значительнымъ невещественнымъ капиталомъ терпѣнія, аккуратности, добронравія и честности. Много, скажете вы? чтожъ дѣлать! отъ малыхъ всегда много требуютъ. Отсутствіе одного изъ этихъ качествъ пагубно для водовоза. Опоздай онъ доставить дрова, воду — кончено, потеряно мѣсто. Не подслужись водовозъ къ кому-нибудь изъ многочисленной вашей дворни; дай ей поводъ закапризничать — хотя бы вы сами покровительствовали водовозу— что вы? развѣ не извѣстна вамъ ужасная, хотя мало видимая власть такъ называемыхъ мелкихъ гонителей и покровителей? До васъ дойдутъ слухи, что водовозъ доставляетъ на кухню не воду, а отраву; что послѣдняя болѣзнь ваша была произведена ею; къ-тому же водовозъ не носитъ дровъ, и вы вчера чуть-чуть не замерзли; онъ ужасный грубіянъ, онъ ударилъ вашу собачку!.... его не только должно прогнать, но еще наказать при полиціи! Няньки, дворецкій, поваръ, камердинеръ, горничная —гордая аристократія передней, другъ передъ другомъ хотятъ показать свое превосходство и власть, и все это, полною тяжестью, ежедневно, падаетъ на бѣднаго водо-

воза (и на маленькаго казачка, если, къ несчастью, такой есть въ домѣ).

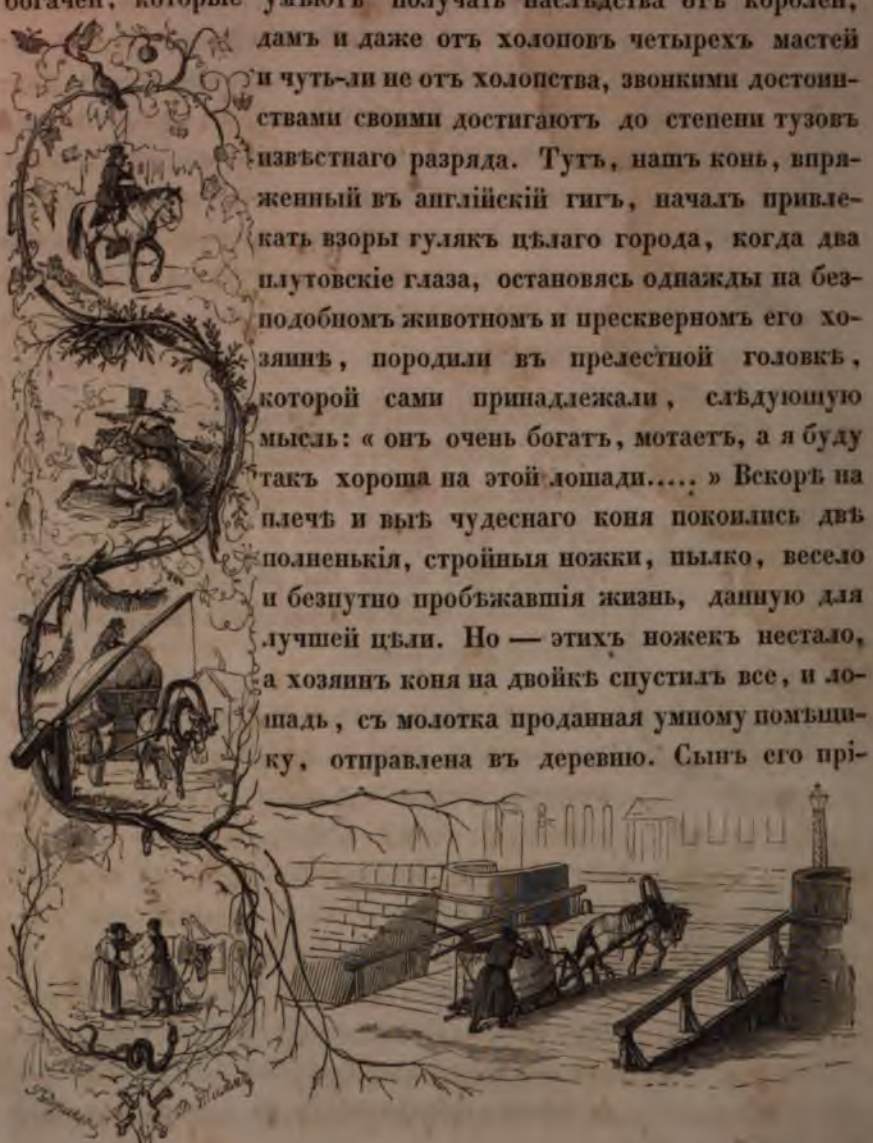
« *Les petits pâtissent toujours des sottises des grands!* » Занемогъ водовозъ на три часа, онъ выгнанъ; понятно, дворецкому, если у него и нѣтъ своихъ *protégés*, все же не худо, при случаѣ, показать, что онъ дворецкій. Будто не вездѣ такъ? Но вы говорите, что рапортуетесь больнымъ уже десятый мѣсяцъ, и получаете изъ двухъ мѣстъ свое содержаніе... Помилуйте, тутъ совсѣмъ другое дѣло, отъ вашей службы никому, какъ извѣстно, не приходится воды напиться — а отъ его?.... Выгнать водовоза гораздо легче, нежели раздавить чернаго таракана; повѣрьте! черный тараканъ есть власть; онъ баловень предразсудка; въ кухнѣ на него мода, — а кто въ модѣ, тотъ владыка счастія; онъ можетъ и днемъ гордо ходить по столамъ и полкамъ, деспотически откушивать, прежде хозяина, отъ любаго блюда, разводить свое интересное семейство въ любомъ углу. « Черный тараканъ, » скажутъ вамъ: « Божія тварь; какъ можно его убить? Онъ приноситъ въ домъ счастье; » а водовозъ, что такое! извѣстно! — Мужикъ!! Онъ только носитъ воду да дрова; онъ насоритъ вездѣ и наплещетъ; впрочемъ его и не убиваютъ, а только *откажутъ* ему.... Только откажутъ! Но отказать отъ мѣста этому бѣдному труженику гораздо хуже, нежели убить его. У него тотчасъ отъ 7 до 15 р. въ мѣсяцъ менѣе, а вы не знаете, какъ важны ему эти деньги; мѣста въ околоткѣ всѣ заняты, ими дорожатъ, за нихъ крѣпко держатся; того что онъ выслуживаетъ теперь ему едва достаточно, чтобъ поѣсть и прикрыться наночь отъ холода; неурожай въ его сторонѣ, его семейство нищенствуетъ, онъ не заплатитъ вамъ оброка, а въ казну подати — и вы знаете чѣмъ это кончится? Онъ, бѣдный, въ отчаяніи; тяжелое, не фантастическое горе-каприза, но настоящее и безпомощное горе его души, стоитъ только 15—20 р. въ мѣсяцъ!! « Какая ничтожность! » говорите вы, презрительно смѣясь. Купите же это горе за годъ, хоть за одинъ мѣсяцъ; бросьте эту сумму, чтобъ сдѣлать человѣка счастливымъ? « Дорого, » говорите вы « та-

кое ли нынѣ время, чтобъ бросать деньги?» Говоря это, вы торопитесь на вечеръ, гдѣ должны проиграть въ экарте, въ палки или въ *шортъ-унстъ* 3000 р. а жена ваша должна гордо показать головной уборъ и бархатную мантилью, выписанные ею изъ очаровательнаго Парижа за такую сумму, которой было бы достаточно составить на три мѣсяца счастье всѣхъ петербургскихъ водовозовъ и ихъ семействъ! Вы скажете: «нельзя же за другихъ идти по міру;» справедливо, весьма справедливо!! Но взгляните въ окно: вашъ бѣдный выгнанный водовозъ остановился на улицѣ, онъ хлопотливо вынимаетъ что-то изъ сапога..... это грошъ изъ гривны, составляющей все его имущество: этотъ грошъ поданъ нищему!!

Лошадь коннаго водовоза есть любопытный фактъ непрочности земнаго величія и измѣнчивости фортуны. Свѣтскій человѣкъ долженъ изучать ея физіономію и философію ея біографіи. Мы могли бы разсказать вамъ многія любопытныя исторіи этихъ лошадей: довольствуйтесь одною.

Всѣ, вѣроятно, видѣли бѣлую, нѣкогда сѣрую въ яблокахъ лошадь, въ безпрерывной задумчивости, печально и медленно влачащую широкобокую бочку вдоль Литейной и смежныхъ улицъ? Впереди бочки, почти упираясь лицемъ въ хвостъ лошади, ужасно скорчась, сидитъ водовозъ, оборванный и столь же худой и грустный, какъ его конь, котораго онъ изрѣдка понукаетъ только голосомъ. Рожденная отъ смѣси крови черкесской и британской, краса завода, образованная на славу, цѣненная

свыше 7000 р. эта лошадь гордо и бойко лансадировала нѣкогда на зависть не только лошадямъ, но людямъ, между шенкелями превосходительнаго наѣздника, не менѣе пылкаго и картиннаго; много выслужила она ему самыхъ сладкихъ побѣдъ! Карточный случай перевелъ ее внезапно въ конюшню одного изъ тѣхъ богачей, которые умѣютъ получать наслѣдства отъ королей, дамъ и даже отъ холоповъ четырехъ мастей и чуть-ли не отъ холопства, звонкими достоинствами своими достигаютъ до степени тузовъ извѣстнаго разряда. Тутъ, нашъ конь, впряженный въ англійскій гигъ, началъ привлекать взоры гулякъ цѣлаго города, когда два плутовскіе глаза, остановясь однажды на безподобномъ животномъ и прескверномъ его хозяинѣ, породили въ прелестной головкѣ, которой сами принадлежали, слѣдующую мысль: « онъ очень богатъ, мотаетъ, а я буду такъ хороша на этой лошади..... » Вскорѣ на плечѣ и выѣ чудеснаго коня покоились двѣ полненькія, стройныя ножки, пылко, весело и безпутно пробѣжавшія жизнь, данную для лучшей цѣли. Но — этихъ ножекъ нестало, а хозяинъ коня на двойкѣ спустилъ все, и лошадь, съ молотка проданная умному помѣщику, отправлена въ деревню. Сынъ его при-



ѣхалъ проститься съ отцемъ передъ кампаніею; опытнымъ глазомъ оцѣнивъ достоинства еще не очень стараго, прекраснаго коня, онъ выпросилъ его. Благородное животное ожило новою жизнью; оно пышитъ и порывается подъ молодымъ воиномъ..... на долго-ли?.... Всадникъ палъ; конь живъ: онъ возвращенъ въ деревенскую барскую конюшню; тамъ, въ воспоминаніе горестной утраты, его хотятъ сохранить неприкосновеннымъ, спокойнымъ — до смерти. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, лошадь изнываетъ, старѣется одиноко; ей грустны даже заботы о ней..... но она переживаетъ хозяина. Является наслѣдникъ покойнаго, онъ получилъ порядочное состояніе: скорѣе, скорѣе издерживать его! въ столицу! въ столицу!... онъ рожденъ не для деревни! Выводятъ заслуженнаго благороднаго старика; несчастнаго запрягаютъ въ подлый возъ, и заставляютъ тащиться съ обозомъ въ глухую осень. Печаль, болѣзнь, старость истомили остатокъ его силъ; едва въ столицѣ уже помышляютъ, куда сбыть клячу, не стоящую корму! Является татаринъ, онъ предлагаетъ 15 р. и ведетъ хромающаго старика на живодёрню, обдумывая, сколько возьметъ барыша на сухомъ его мясѣ.... но въ эту минуту, на встрѣчу имъ, судьба посылаетъ водовоза, несчастнаго какъ несчастная лошадь. Съ перваго взгляда животное и человѣкъ сдружились; предложено сперва 15, потомъ 25 р. 30 рублей; условились.... Лошадь спасена отъ смерти; но какъ, чѣмъ, и на долго ли? Въ мучительной новой жизни своей, она умна и благодарна, какъ всегда; она усильно вырабатываетъ насущную пищу хозяину своему и себѣ, бѣдной, столь же скудную. Она терпитъ, но не одна. Зубцы, скребницы нѣсколько лѣтъ не прикасались къ ея шерсти; зерно овса давно не попадало на ея съѣденный зубъ; ее презираютъ, надъ нею издѣваются; за-то, никогда кнутъ хозяина не тронулъ ея, она слышитъ отъ него только ласковое увѣщаніе, доброе слово; она неразлучна съ водовозомъ, она какъ будто понимаетъ свое и его положеніе, и тихо, но полезно, отживаетъ послѣдніе дни свои, съ участіемъ и печалью глядя, бѣдная, на бѣднаго хозяина своего! Всмотритесь

въ хорошую старую лошадь, не возможно не признать въ ней чувства, понятія, почти разума. Она постигла суету славы! Подумайте, не такова ли судьба не однихъ лошадей, переживающихъ свой блескъ, свой вѣкъ?....

Водовозы размѣщаются на жительство такъ, чтобъ быть, по-возможности, въ центрѣ круга своей дѣятельности. Водовозъ нашелъ бы уголъ гораздо дешевле; но тогда онъ бы долженъ былъ издерживать физической силы гораздо болѣе, а это невозможно, потому что онъ издерживаетъ безъ остатка всю силу, данную ему природою. Они живутъ артелями, отъ 12 до 20 человѣкъ, безхозяйственно; съ нихъ берутъ за квартиру дорого, отъ 18 до 22 рублей въ мѣсяцъ; потому во-первыхъ, что имъ нужна именно *эта* квартира, во-вторыхъ потому, что они бѣдны. Найми такой подвалъ баринъ, онъ не далъ бы за него 20 р. въ годъ; онъ скажетъ: « это не годно для моихъ собакъ, » и ему тотчасъ отдадутъ его даромъ. Бѣдный за все платитъ дороже!

Водовозы почти не ѣдятъ мяса, у нихъ рѣдко бываетъ кухня; они держали когда-то стряпуху, но она, нищая, обкрадывала ихъ бѣдныхъ! Съ-тѣхъ-поръ они *забираютъ* все, въ тридорога, въ ближайшей мелочной лавочкѣ; привычная ихъ пища болѣе пучащая, нежели дающая силы тѣлу: хлѣбъ, горохъ, лукъ, квасъ, изрѣдка только роскошный студень; и за это приходится съ брата отъ 19 до 22 р. въ мѣсяцъ! Но водовозъ тоже мечтатель по-своему; онъ мечтаетъ что сытъ, когда въ сущности только надутъ сильно бродящею пищей; онъ мечтаетъ, что спалъ ночью, когда только вертѣлся на голой доскѣ; достаточно видѣть его хоть одинъ разъ, когда, остановясь съ своими боченками середи улицы, онъ зѣваетъ; о, какъ зѣваетъ онъ [1])?! вы угадаете, что этотъ человѣкъ не имѣетъ понятія о томъ, что по-нашему называется спать. Никакія другія мечты ему не извѣстны. За-то силы его, изтрачиваемыя съ непостижимою разточительностью,

([1]) *Смотри картинку (типъ).*

никогда не вознаграждаются ни сномъ, ни пищею. Онъ хилъ, блѣденъ, тосклив̀ъ, сухъ, утомлённъ; онъ кажется дряхлымъ старикомъ, хотя еще молодъ. Взгляните на него, когда онъ присядетъ, — положеніе каждаго члена тотчасъ выражаетъ, до какой степени мышцы натружены. Онъ говоритъ тихо, робко; ходитъ склоняя впередъ туловище, привыкшее тащить плечами бочку, и носить на спинѣ дрова. Одежда его – только что одежда: рубаха, шаровары — иногда два фартуха, бѣлый спереди, кожаный, закрывающій спину, если достанетъ *капиталу*, и почти всегда родъ жилета изъ стараго солдатскаго мундира, безъ рукавовъ и фалдъ; это мода; водовозъ какъ будто бодрѣе подъ курткою военнаго человѣка; когда я спрашивалъ, онъ отвѣчалъ мнѣ: « чтожь, батюшка, и мы *Божьи салдатики*. » Главное то, что дешевле ничего на свѣтѣ купить нельзя. На головѣ водовоза не шляпа, не шапка и не фуражка, а что-то непонятнаго вида и не имѣющее названія.

Сообразите, вычислите все сказанное, положите произведеніе на вѣсы чувства, и вы сознáетесь, что съ каждою каплею воды пьете каплю крови водовоза, частичку его жизни; вы согласитесь, что прекрасно жертвовать своею жизнью, какъ онъ жертвуетъ, съ рѣшимостью, спокойно, безропотно, безъ корысти, безъ надежды на лучшее! Прекрасно, потому-что благородно и полезно.

Для-чего же это все? для того единственно, чтобъ исполнить прежде всего обязанность человѣка, мужа, отца! Отсюда извлекаетъ бѣдный смертный необходимыя ему силы и рѣшимость. Вамъ любо жить съ вашими, такъ называемыми, тяжкими трудами; вы вѣчно надѣетесь, и не безъ причины; вы все выискиваете, вы все переноситесь, переползáете, перескакиваете туда, гдѣ лучше и—вездѣ вамъ худо; попробуйте помѣняться съ нимъ! Онъ не жалуется, не надѣется; онъ видитъ ясно, что ему позволено и возможно жить на томъ только неизмѣнномъ условіи, чтобъ работать, какъ животное; такъ онъ и работаетъ. Условіе

имъ принято, и онъ свято его сдержитъ; потому-то онъ и остался честнымъ и добрымъ; онъ знаетъ что не перейдетъ за свое назначеніе; быть безчестнымъ его не поведетъ ни къ чему; каждый кусокъ, пріобрѣтенный неправдою, остановится у него въ горлѣ; онъ знаетъ, что будетъ *трудовымъ мужикомъ*, честнымъ или безчестнымъ, но все же трудовымъ мужикомъ. За воровство, грабежъ, взятку его тотчасъ осудятъ, накажутъ, и назовутъ эти дѣйствія прямо, по именованію ихъ; по деньгамъ его не только не возвысятъ или не пріймутъ въ высшій разрядъ, но едва лишъ узнаютъ, что онѣ пріобрѣтены неправдою, изгонятъ его еще ниже, крича громко о правосудіи. Главное же: онъ помнитъ, (и на этотъ счетъ онъ одаренъ памятью, которой можно позавидовать), онъ помнитъ, что прійдетъ страшный часъ, когда его спросятъ: « что дѣлалъ ты въ жизни? » Онъ, бѣдный, мыслитъ объ этомъ часто и ужасно затрудняется, какъ отвѣчать! О, простодушный! Намъ нужно готовить длинныя рѣчи, да мы не заботимся; а у него готовъ такой ясный и короткій отвѣтъ: « Господи! возилъ воду! »

Вотъ отъ-чего водовозъ сперва удивляется лакею, кучеру, дворецкому, повару, которые, живя безнуждно, въ холѣ и довольствѣ, грабятъ и обкрадываютъ господъ своихъ, ихъ гостей, торговцевъ и даже его, водовоза! Далѣе передней онъ не видитъ, онъ только слышитъ иногда о томъ, что́ тамъ дѣлается, молчитъ и удивляется опять. Послѣ долговременнаго удивленія, ему случается вдругъ понять, что онъ имѣетъ полное право не столько уважать весьма многихъ, которымъ онъ удивлялся; тогда онъ, въ душѣ не уважаетъ ихъ, и ему это горько. Но именно тогда другіе, которымъ онъ прежде удивлялся, вдругъ начинаютъ удивляться ему, и говорятъ глубокомысленно и значительно: » что это, какъ нынѣ народъ избаловался!! » Но чѣмъ же, скажите? Онъ по-прежнему работящъ, тихъ и добръ.

Изъ всего этого вы видите, что если мы имѣемъ многія качества, которыхъ бѣдный водовозъ совершенно лишенъ, то онъ

лишенъ ихъ не потому, чтобъ былъ другое животное, а потому только что, судьбѣ не угодно было, на третій или дѣсятый мѣсяцъ послѣ его рожденія, ночью перенесть его изъ курной избы, и положить въ люльку наслѣдника богатаго состоянія, а этого перебросить въ изломанную корзину, изъ которой взятъ мужиченка. За-то, наши пороки – полиглоты и космополиты, въ палевыхъ перчаткахъ, въ чудесныхъ галстухахъ съ обворожительными булавочками, съ увлекательными ужимками, дивными манерами и музыкальными рѣчами, ему тоже неизвѣстны. И онъ, какъ мы, живетъ въ разлукѣ съ женою; но не потому чтобъ онъ на ней женился не *для* себя и не *для* нея; а потому именно, что онъ живетъ вѣчно *для* нея, *для* дѣтей своихъ и *для* чужихъ людей, которыхъ питаетъ, какъ будто свою семью. А какъ горько ему разставаться съ своею женой! Посмотрите, а-то вы не вѣрите. Онъ никогда не былъ съ нею такъ милъ и учтивъ, какъ мы съ своими; онъ, подъ-часъ, ругнетъ ее крупно и пріударитъ больно, и ничего, потому что его жена не скудельное фабричное произведеніе, сотканное изъ шелку, гримасъ, капризовъ и хитрыхъ понятій о жизни; но просто, хорошее по природѣ, безъ причудъ, существо; здоровая и добрая баба, созданная Богомъ изъ красоты настоящей, а не изъ красоты-illusion, какъ tule-illusion; и *для* настоящей, а не *для* выдуманной любви, чтобы быть *заправскою*, а не маскарадною-женою и матерью; наконецъ *для* прямой жизни, въ которой горемъ и работою покупаются хлѣбъ и радость, можетъ-быть, не невзрачные, но за то-врядъ-ли не лучшіе.

Изъ многихъ низшихъ *водовозъ* — офиціально — перла, потому, можетъ-быть, что онъ болѣе и тяжелѣе всѣхъ другихъ занятъ; « трудъ честный и полезный есть отецъ всякаго добра, » это давно рѣшено. Вообще водовозъ трезвъ, ему пить *есть на что*, — но *не для чего*; за нѣсколько часовъ хмѣльнаго сна онъ и семья его будутъ наказаны нищетою; если же онъ пьяный вздумаетъ идти на работу, то врядъ-ли воротится; вы знаете, какъ трудны спуски къ каналамъ, какъ тяжело черпать, какъ

скользко отъ намерзлой воды около плотовъ и прорубей, и каковы грязныя лѣстницы!? Изправительная полиція никогда еще не имѣла надобности исправлять водовоза за буйство, воровство или пьянство. А сколько разъ онъ спасалъ несчастныхъ! Нѣтъ почти часа въ днѣ, отъ ранняго утра до поздняго вечера, когда бы на плотахъ и пристаняхъ не было одного, двухъ водовозовъ; человѣкъ оступился или кинулся въ безуміи.... водовозъ тутъ, и онъ спасенъ.

Остановите на улицѣ водовоза, почти обезсилѣвшаго отъ работы, посмотрите, какъ онъ хорошъ, когда на вопросъ вашъ: « что, усталъ? » — бросивъ шапку на боченокъ, и, отирая грубымъ рукавомъ крупный потъ, онъ отвѣчаетъ спокойно, довѣрчиво и взглянувъ на небо: « ничего, отдохнемъ, батюшка! »

Когда этотъ труженикъ умираетъ отъ истомы (а сколько ихъ умираетъ такимъ образомъ?) тяжко страдая, одинъ-одинешенекъ, въ сыромъ, вонючемъ углу, на рогожѣ, безъ помощи, безъ призора, безъ ласки—кто знаетъ о томъ? И кто знаетъ еще, не лучше ли ему, нежели тому, который въ это же время умираетъ на рѣзной кровати, купленной едва-ли не за кровать Франциска I., окруженный мудрыми латинистами по 50 р. за часъ и нѣжными наслѣдниками по 1000 р. за ласку?! Кто знаетъ еще, каково и тому бѣдному товарищу умирающаго водовоза, который, до глубины сердца разтроганный его страданьемъ, обдумавъ и понимая слѣдствія своего поступка, тихо проговоритъ это великодушное, хотя очень простое слово: « *останусь сегодня при немъ.* » И точно онъ остается.... завтра онъ закрываетъ усопшему глаза, а послѣ-завтра идетъ на привычную работу..... напрасно, мѣста его заняты; всѣ двери куда онъ носилъ воду и дрова, заперты для него; онъ надолго безъ хлѣба! За прекрасное дѣло онъ лишился всей надежды, всего жалкаго благосостоянія своего, добываемаго кровавымъ потомъ! Но если иначе быть не можетъ, то удивительно ли, что нынѣ такъ мало дѣлъ прекрасныхъ, какъ это—хотя бы не между водовозами?

— « Слышали вы, вчера прибило волною мертвое тѣло къ самому ***мосту?

— « Скажите! мертвое тѣло! кто это?

— « Неизвѣстно.

— « Несчастный любовникъ? отчаянный игрокъ? Оскорбленный честолюбецъ!.... можетъ-быть, даже... любопытно, очень любопытно!....

— « Дѣятельно разыскиваютъ, собираютъ свѣдѣнія.

— « Одежда сохранилась? Онъ не военный?

— « Нѣтъ.

— « Стало быть статскій?.... не промоталъ-ли казенныхъ денегъ?.... По платью можно узнать однако же, принадлежалъ ли онъ къ *обществу*?.....

— « Нужно полагать, что онъ изъ рыбаковъ, или водовозъ....

— « Во-до-возъ!!! О, представьте! А я думалъ.... » Тутъ, поднявъ брови и испустивъ презрительно « Пфф!... » вы хладнокровно удаляетесь.

А. Башуцкій.

II.
БАРЫШНЯ.

БАРЫШНЯ.

Возьмите любую книгу, гдѣ выведена на сцену старая дѣвушка, вы найдете всегда одно и тоже. Старая дѣвушка причудлива, жеманна, ненавидитъ молоденькихъ и особливо хорошенькихъ дѣвицъ, любитъ кошекъ, собакъ, птицъ!.... Конечно есть много такихъ, но не всѣ старыя дѣвушки одинаковы.

Старая дѣвушка, которая смолода была дурна, очень хладнокровно смотритъ на красавицъ, и почему ей смотрѣть на нихъ иначе? она увѣрена, что *пріятность* лица лучше красоты.

Старая дѣвушка, не видя цѣли въ жизни своей, предалась учености; она педантствуетъ, безпрестанно окружена книгами, безпрерывно погружена въ важныя занятія; кошки, птицы, собаки мѣшали бы ей, она терпѣть ихъ не можетъ.

Старая дѣвушка, боясь всего смѣшнаго, приписываемаго обыкновенно всѣмъ старымъ дѣвушкамъ, рѣшилась сама всему и почти надъ всѣми смѣяться; она бросила лишнюю скромность, стала выше общаго мнѣнія, и впала въ противоположную крайность....

Вотъ черты характера, которымъ надѣляютъ обыкновенно всѣхъ пожилыхъ дѣвушекъ; вы видите, до какой степени онѣ разнообразны; такая дѣвушка не *типъ* а нѣсколько *типовъ*. Съ однимъ изъ нихъ, носящимъ имя *барышни*, намѣренъ я васъ познакомить.

Вы пріѣхали утромъ къ княгинѣ С. Въ гостиной встрѣчаетъ васъ *барышня*, которая *гоститъ* у княгини. Барышнѣ давно, всегда около 30 лѣтъ; неизвѣстно положительно, дошла ли она до этихъ завѣтныхъ годовъ жизни или ужъ переступила ихъ. Лице ея не противно, и тѣ, которые не знавали ея прежде, полагаютъ, что она была хорошенькая дѣвочка. Увидя васъ, она встала изъ-за пялецъ, въ которыхъ вышивала *fond* княгининой работы, и, глядя вамъ прямо въ лицо, привѣтствовала васъ особеннымъ наклоненіемъ тѣла впередъ, составляющимъ нѣчто между присяданіемъ и поклономъ. « Не угодно ли сѣсть? » — сказала она, « княгиня сейчасъ выйдетъ, она что-то не очень здорова-съ! » Потомъ учредился разговоръ о погодѣ.

На барышнѣ ситцевое платье, а на плеча ея накинутъ большой платокъ, подъ которымъ она нѣсколько пожимается и подъ который прячетъ руки такъ, что только виденъ висящій на одной изъ нихъ ридикюль, теперь уже полинявшій, но причудливо вышитый смѣсью шерсти, бисера и золота. Странно, барышня не побоялась бы выйти такъ, въ одномъ платьѣ, зимою, на крыльцо, а въ комнатѣ она нерѣдко зябнетъ; у нея часто болятъ зубы.

Княгиня вошла; барышня отходитъ къ окну. Она можетъ прислушиваться къ разговорамъ княгини съ посѣтителемъ, занимаясь работой; вотъ она уже вынула изъ ридикюля шитье проборкой по тюлю, натянутому на зеленую бумажку. Она когда-то шивала очень хорошо бисеромъ, но съ-тѣхъ-поръ-какъ ее постигло не-

счастье, послѣ котораго ей не-кому вышивать бумажника, кошелька, вязать шнурочки, ея глаза что то стали слабы; кто знаетъ, можетъ быть и отъ слезъ! Она теперь въ разговоръ не вмѣшивается: говорятъ по-французски. Барышня понимаетъ все, она въ ребячествѣ гащивала у Р., и всегда слушала какъ дѣти учились; но выговоръ ея смоло да былъ немного дуренъ.

По-русски она читаетъ очень хорошо газеты, для другаго чтенія голосъ ея однозвученъ и поднимается гораздо выше обыкновеннаго ея разговорнаго голоса. Держа газеты въ обѣихъ рукахъ барышня сидитъ всегда очень прямо, только наклоняетъ немного голову на правую сторону, такъ, чтобъ смотрѣть на страницы вкось. Романы любитъ она страстно читать про себя. Вообще въ ней много поэзіи. Когда княгини нѣтъ дома, она садится за фортепіано и отыскавъ нужныя клавиши, играетъ затверженный по-слуху, немного ускоренный акомпаньиментъ, всегда въ тонѣ *ut majeur*; при этомъ она поетъ уныло; но, услышавъ стукъ экипажа, вскакиваетъ отъ фортопіанъ и растроганная музыкою до слезъ, продолжаетъ въ-полголоса напѣвать любимый романсъ свой.

Княгиня обѣщала отвезти ее вечеромъ къ Ѳ. тамъ завтра имянины, да и барышня ужé такъ давно обѣщала *погостить* у нихъ. Простясь съ княгинею, она зашла въ дѣвичью проститься тоже и взять свой неразлучный картонъ съ имѣньемъ; вотъ она уже отправилась. Барышню отвозятъ не въ прихотливомъ экипажѣ: обшивни въ одну лошадь, кучеръ въ картузѣ, лакей въ затасканой, давно брошенной ливреѣ и въ какой-нибудь фуражкѣ, или въ круглой шляпѣ, садится на облучекъ..... Барышню отвезли.....

У Ѳ.— много гостей; барышня проходитъ прямо въ дѣтскую; ее съ радостными восклицаніями встрѣчаютъ нянюшки, дѣти кидаются ей на шею съ визгомъ.... всѣ и вездѣ любятъ ее, всѣ ей *свои*, и, все-же, у нея нѣтъ никого близкаго; она одна одинешенька въ мірѣ! Безпрестанная кочевая жизнь, переѣзды изъ

дома въ домъ, кое-гдѣ ласка, кое-гдѣ радостная встрѣча, какъ у Ѳ., заставляютъ ее забывать свое сиротство. Куда ни явится барышня, она вездѣ нужна: тамъ походитъ за больнымъ: здѣсь сводитъ дѣтей погулять; тутъ поможетъ шить платье, съѣздитъ въ ряды купить что нужно, выслушаетъ жалобу на горькую участь...съ нею дѣлятся всѣми хлопотами, всѣми тягостями жизни. За то, въ радостныхъ случаяхъ, барышня можетъ сама принимать участіе, ея не зовутъ на это, но и не мѣшаютъ; даже не замѣтятъ, когда она украдкою оботретъ горькую слезу, глядя на чужое семейное счастіе. Бѣдная! зачѣмъ же она тутъ? ей бы лучше ѣхать гостить въ другой домъ, тамъ на нее уже сердятся, что она забыла, давно не была; тамъ о ней всѣ вспомнили, потому что заболѣло дитя, мужъ уѣхалъ на-долго, или нужно кроить бѣлье для дочери! Къ Ѳ. она пріѣхала не на горе; когда хозяйка осталась одна, барышня вошла къ ней, черезъ спальню.

— « А? душа моя, Катерина Астафьевна! давно ли вы здѣсь? вотъ это мило! Да что же вы не вошли къ чаю? »

— « Я, видите, не одѣта, а у васъ гости; я съ дѣтьми напилась; они мнѣ такъ обрадовались. »

— « Вы насъ совсѣмъ забыли. Завтра мои имянины, у меня

обѣдаютъ гости, а тамъ ужъ мы съ вами вмѣстѣ поговѣемъ; вы ко мнѣ не на одинъ день пріѣхали, неправда-ли? »

Тутъ пойдутъ разпросы, разсказы. Гдѣ барышня была, кого видѣла; барышня знаетъ тоже кое-какія новости, но она не злословна, ей надобно каждаго беречь; да она же такъ счастлива, ее вездѣ любятъ....

Поздно, пора спать....

Барышнѣ приготовили постель въ дѣтской; тамъ всѣ уже спятъ, только старшая няня, пользуясь свободной минутою, готовитъ себѣ чепецъ, къ завтрашнему торжественному дню. Барышнѣ тоже надо кой-что заготовить; она подсѣла къ нянѣ.

Глубокая тишина, легкое дыханье сонныхъ дѣтей, храпѣнье здоровой кормилицы, полусвѣтъ ночника, разговоръ шопотомъ барышни съ нянею, все расположило ея душу къ довѣренности; она незамѣтно высказала свою жизнь.

«Вотъ она, еще малолѣтная, лишилась отца и матери, и съ-тѣхъ поръ взростала и вскармливалась въ чужихъ людяхъ; тутъ она терпѣла и привыкала приноравливаться ко всѣмъ. Не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ! Ей присватали жениха, умнаго, даже красиваго! имя его.... она его ни кому не сказываетъ! Это имя завѣтное; она хранитъ его въ сердцѣ, для себя одной! За нѣсколько дней до свадьбы женихъ занемогъ и умеръ, съ-тѣхъ поръ барышня обрекла себя на одиночество; съ-тѣхъ-поръ она не сымаетъ съ пальца безимяннаго перстенька съ незабудочкой.

Барышня, поговоривъ съ нянюшкой, наплакалась до-сыта, это отрада для нея; она усерднѣе помолилась Богу, не забывъ помянуть въ молитвѣ завѣтное имя; потомъ легла спать съ сладкою грустью, и заснула, думая, какъ бы завтра одѣться понарядпѣе къ имянинному обѣду. »

Барышня не пренебрегаетъ нарядами; взгляните на нее за обѣдомъ; она сидитъ въ концѣ длиннаго стола, тутъ ей лучше, этотъ край ей знакомый; подлѣ нея гувернантка, по другую сторону учитель музыки, подальше старичекъ, который лѣтъ двадцать почти каждый день ходитъ въ домъ, а рядомъ молодой че-

ловѣкъ, воспитанникъ гимназіи, котораго Ѳ— берутъ по воскресеньямъ и праздникамъ. Барышнѣ весело съ ними; она смѣется, шутитъ, щеки ея разгорѣлись яркимъ румянцемъ; волосы гладко причесанные блестятъ какъ зеркало и благоухаютъ розами, височки, какъ кистью выведены надъ ушами; бѣлое платье — что̀ можетъ быть наряднѣе бѣлаго? разкрахмалено пышно, и сверхъ тюлевой шитой пелеринки, скрѣпленъ бирюзовою птичкой голубой газовый платочекъ! Платочекъ этотъ такъ милъ! но часто онъ сердитъ барышню, путаясь въ длинныхъ бронзовыхъ ея серьгахъ; хорошо еще, что она такъ ловко умѣетъ разправить его, отъ-времени-до-времени, прикасаясь къ нему слегка двумя пальцами.

Этотъ день — день торжества барышни! Сегодня ей, наровнѣ съ гостями, человѣкъ церемонно подноситъ кофе; обыкновенно она лучше любитъ пойти въ комнату экономки, спросить «не осталось ли чашечки кофе?» Она весело угощаетъ нѣсколько лицъ вышедшихъ изъ гостиной въ кабинетъ; живо вмѣшивается въ рѣчи, изрѣдка обмахивая платкомъ разгорѣвшееся лице и разговаривая съ учителемъ, который присѣлъ тутъ къ писменному столу, осторожно отворачивается отъ полуразтворенной двери, боясь встрѣтить слишкомъ дружескую улыбку или безцеремонный взоръ горничныхъ дѣвушекъ, съ любопытствомъ выглядывающихъ другъ изъ-за друга. Барышня такъ добра, что въ другіе дни позволяетъ себѣ шутить, разговаривать съ ними пріятельски; но при гостяхъ, которымъ изъ салона все видно, когда она такъ нарядна, они не должны съ нею забываться.

Барышня, говѣя съ Ѳ. была ей чрезвычайно полезна: она знаетъ лучшее мѣсто въ церкви, ей извѣстно, какую свѣчу куда поставить, когда во время службы можно присѣсть, отдохнуть. Священника она очень любитъ, и онъ ее такъ же, да и весь причетъ ей знакомъ. Она всегда найдетъ сказать ласковое словцо и пономарю и дьячку и даже просвирнѣ.

Послѣ Святой Недѣли барышня уѣхала отъ Ѳ—; она долго у нихъ гостила; теперь въ первыхъ числахъ мая она ѣдетъ съ Т— въ деревню. Сколько удовольствій ожидаетъ ее тамъ!

Она встаетъ въ деревнѣ ранѣе всѣхъ, и успѣваетъ нагуляться вдоволь, до того времени, когда зазвонятъ къ чаю. Но это не помѣшаетъ ей опять итти гулять съ дѣтьми: добрая барышня! она ихъ такъ любитъ. За-то нужно видѣть радость милыхъ малютокъ, когда-въ ту минуту какъ старшая сестра въ десятый разъ прослушиваетъ худо вытверженный ими урокъ,—они вдругъ заслышатъ изъ-за отворенной въ садъ двери тяжелые шаги барышни, возвѣщающей, что маменька позволила итти гулять. Впрочемъ барышнѣ въ прогулкѣ не скучно и одной. Тогда-то роятся у нея въ головѣ воспоминанія о прошедшемъ; отъ него мысль переходитъ къ настоящему, мысль не очень веселая, иногда даже горькая: за-то будущее?.. будущее!!.... Почемъ знать! можетъ-быть, впереди есть лучше! .... « Дай-узнаю будущее, » думаетъ барышня. Вотъ, какъ-тутъ Божья-коровка! Барышня легонько сажаетъ ее на руку и, притаивъ дыханіе, въ несчетный разъ въ жизни своей, тихо повторяетъ трижды: « гдѣ мнѣ домъ строить? » Божья коровка выправила изъ-подъ ярко-красной скорлупки своей крылышки и вспорхнула въ-право. Барышня слѣдитъ за нею внимательнымъ взоромъ. Коровка полетѣла къ церкви. « Ужъ не умирать ли мнѣ нынѣшній годъ? » сказала печально барышня. « Умирать?... а, можетъ-быть, и подъ вѣнецъ!? » прибавила она съ неизъяснимою улыбкой. Вотъ, по бархатному клеверному газону капризная дорожка: барышня въ-сторону, садится на зеленую травку и начинаетъ пристально смотрѣть вокругъ себя. Она ищетъ трилистника о четырехъ листкахъ; это ужъ вѣрная примѣта къ счастью! О! если только ей удастся набрать нѣсколько такихъ стебельковъ, она какъ сокровище принесетъ ихъ домой, бережно.

положитъ между листовъ книги, и съ довольнымъ лицемъ явится къ чаю.

Въ деревнѣ барышня молодѣетъ, она даже танцуетъ часто. По воскресеньямъ съѣзжаются къ Т— офицеры армейскаго полка, квартирующаго въ селѣ и вокругъ; вечеръ всегда оканчивается танцами, и барышнѣ нѣтъ недостатка въ кавалерахъ; видно, она имъ нравится, кто знаетъ?... можетъ-быть, между ими ея суженый?... а Божья-коровка!?... а трилистникъ о четырехъ листочкахъ?!....

Но вотъ Августъ подходитъ къ концу; Т— собираются въ городъ. Барышня съ перемѣною времени года перемѣняетъ мѣсто пребыванія своего... Ей все равно, она вездѣ дома, она нигдѣ не у себя. Но чѣмъ же все это кончится? Гдѣ рубежи этой судьбы? — что на дальнемъ краѣ поприща? — какъ умираетъ барышня? Она должна же умереть подобно всѣмъ?

Барышня все живетъ такъ и никогда не умираетъ! Да, она возраждается, какъ фениксъ. Барышня существуетъ всегда, не измѣняясь, мѣняется только ея прозваніе; рамка ея жизни однообразна, заготовлена одинаково для всѣхъ членовъ ея касты, все равно, какое бы вы ни вставили въ нее имя.

Спросите княгиню: « гдѣ та дѣвица, которую я видѣлъ у васъ въ прошломъ году? »

« Какая?... Ахъ! да; та барышня, которая у меня *гащивала*? право не знаю, что̀ съ нею.... теперь гоститъ у меня другая! »

Княжна —а.

III.
АРМЕЙСКІЙ ОФИЦЕРЪ.

АРМЕЙСКІЙ ОФИЦЕРЪ.

Подпоручику Бубликову двадцать четыре года. Онъ мнѣ сказывалъ, что тятенька его былъ человѣкъ бѣдный, состоялъ въ военной службѣ, безпереходно въ *** полку, и командовалъ сряду шестнадцать лѣтъ баталіономъ въ чинѣ маіора. Не стану описывать наружность маіора, судите о ней по портрету, доставленному мнѣ его сыномъ; онъ изображенъ въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда совершаетъ военный кейфъ, въ

АРМЕЙСКІЙ ОФИЦЕРЪ.

Подпоручику Бубликову двадцать четыре года. Онъ мнѣ сказывалъ, что тятенька его былъ человѣкъ бѣдный, состоялъ въ военной службѣ, безпереходно въ *** полку, и командовалъ сряду шестнадцать лѣтъ баталіономъ въ чинѣ маіора. Не стану описывать наружность маіора, судите о ней по портрету, доставленному мнѣ его сыномъ: онъ изображенъ въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда совершаетъ военный собѣсъ, и

окнѣ избы, послѣ утренныхъ занятій батальона. На одномъ изъ смотровъ корпусный командиръ обѣщалъ старику Бубликову представить его въ слѣдующій чинъ. Но представленіе еще не было утверждено, какъ смерть посѣтила на 56 году старика, лелѣемаго надеждою со временемъ получить полкъ, и тѣмъ упрочить, хотя немного, положеніе малолѣтнаго сына своего, помѣщеннаго имъ въ кадетскій корпусъ.

« Тятенька мой умеръ, » говорилъ мнѣ Бубликовъ, « и я остался круглымъ сиротою-кадетомъ, за три года до моего выпуска въ офицеры. »

Я долженъ вамъ сказать, какъ я сошелся съ сыномъ почтеннаго маіора Бубликова. Лѣтъ семнадцать тому назадъ, жилъ я у себя въ деревнѣ; въ этотъ годъ полки *** пѣхотнаго корпуса находились на работахъ Московскаго шоссе и одна рота *** полка разположена была у меня въ самомъ селѣ. Однажды утромъ явился ко мнѣ староста и донесъ, что офицеръ *фатерующій* у Петра Самсонова, дѣлаетъ обиды хозяевамъ, ставитъ самоваръ въ сѣняхъ, за все про все бранится, колотитъ, да и дѣвкамъ проходу не даетъ. Обязанность помѣщика стараться, въ подобномъ случаѣ, снестись съ постояльцемъ, и я, чтобъ вѣрнѣе достичь цѣли, обѣщалъ старостѣ, что зайду въ тотъ же день самъ къ офицеру и уговорю его— немного поберегать своихъ хозяевъ. Часу въ первомъ отправился я во дворъ къ Петру Самсонову. У воротъ сидѣлъ на солнцѣ, въ синихъ портканхъ и желтой рубашкѣ, какой-то человѣкъ; онъ вязалъ шерстяной чулокъ. « Вотъ самъ Савельевъ, » сказалъ мнѣ староста, указывая на него. А кто такой Савельевъ, спросилъ я? Деньщикъ *ахвщерской* — батюшка! Савельевъ мнѣ объявилъ, что подпоручикъ еще не возвращался съ работъ, но какъ *уже должно-быть есть* за полдень, продолжалъ онъ, то не замедлитъ вернуться скоро. Я спросилъ, можно ли мнѣ войти въ избу. Савельевъ отвѣчалъ: какъ угодно вашему благородію. Найдя двери комнаты отпертыми настежь въ сѣни, я подумалъ: неосторожно живетъ нашъ подпоручикъ! но осмо-

трѣвъ порядкомъ жилище Бубликова, убѣдился, что мѣры предосторожности были бы излишними. Не только роскошь, но даже довольство не заглянули въ избу крестьянина съ прибытіемъ постояльца. Столъ былъ придвинутъ къ лавкѣ, облегающей стѣну, на немъ стояла чернильница съ привязанною пробкой и воткнутымъ перомъ, разные вензеля, подписи *подпоручикъ Бубликовъ* съ прибавкою всѣхъ возможныхъ чиновъ до генералъ-маіора, украшали доску стола, и выказывали мечту, льстившую юнаго война. На окнѣ лежало дрянное и склееное пестрою бумажкой зеркальцо, близъ него лишившаяся многихъ зубьевъ роговая гребенка, или *разческа*, какъ Савельевъ и баринъ его звали это орудіе. Нѣсколько рукописей, три книжки, двѣ въ кожаномъ, отъ времени почерневшемъ переплетѣ и третья безъ переплета и заглавнаго листа, находились тутъ-же; на лавкѣ покоилось свернутое и тщательно связанное сѣро-синее сукно, вѣроятно, заготовленое на шинель. На другомъ окнѣ красовались самоваръ, фарфоровый чайникъ съ отбитымъ носикомъ, стаканъ съ поддоникомъ, ситечко и чайная ложечка отъ употребленія позеленѣвшими, а подъ скамьей небольшой чемоданъ и пара сапоговъ: вотъ все что въ избѣ составляло имущество временнаго жильца Петра Самсонова. Я сѣлъ у окна и сталъ глядѣть вдоль улицы, въ ожиданіи Бубликова. Прошло съ полчаса, онъ не возвращался; чтобъ не много сократить скучныя минуты ожиданія, наложилъ я руку на скромную библіотеку подпоручика и сталъ разсматривать содержаніе ея. Нѣжныя письма Элоизы скрывались подъ засаленнымъ переплетомъ въ двухъ книгахъ; грамматика, сохранившая въ наготѣ своей нѣсколько листовъ и толстая тетрадь писанныхъ сочиненій Б***, романсовъ, посланій изкаженныхъ безимянныхъ сочинителей, открылись моему любопытству. Странное положеніе армейскаго офицера, думалъ я, укладывая въ прежній порядокъ разстроенные мною томы. Чудное положеніе! почти цѣлое утро онъ проводитъ на солнцѣ или подъ дождемъ, и что ожидаетъ его измученнаго, усталаго, на квартирѣ: жесткая скамья, тараканы въ замѣнъ собесѣдниковъ! и

даже ни одной порядочной книги, которая могла бы его отвлечь, хотя въ воображеніи, отъ его настоящаго положенія! Я угадывалъ, что Бубликовъ былъ не богатъ; его имущество и хозяйство ясно это показывали. Мнѣ стало жалко и пріятно; въ подобной жизни есть что-то высокое, благородное: я прощалъ офицеру его строптивость и вѣтреность. Мое воображеніе зашло было далеко! Я представлялъ себѣ, до какой степени можетъ человѣкъ измѣниться, находясь въ необходимости вести этотъ родъ жизни. Я видѣлъ уже Бубликова истощеннаго, блѣднаго, скучнаго, придавалъ ему образъ поэтическій, какъ вдругъ вошелъ Савельевъ, положилъ чулокъ свой на печь, и, быстро вставъ однимъ бокомъ ко мнѣ, а другимъ къ двери, какъ на часы, важно вымолвилъ: подпоручикъ идетъ, ваше благородіе! Вслѣдъ за этимъ послышался голосъ Бубликова: « Савельевъ! обѣдать! скорѣй! »Въ ту же минуту въ избу не вошелъ, а влетѣлъ подпоручикъ. Въ то время какъ послушный слуга–деньщикъ исполняетъ приказаніе своего начальника, я вамъ опишу моего героя, и вы тотчасъ поймете, что въ мечтаніяхъ своихъ я никакъ не могъ его представить себѣ такимъ, каковъ онъ былъ дѣйствительно, повидимому, совершенно довольнымъ своимъ положеніемъ. Бубликовъ былъ въ изношеномъ, мѣстами украшенномъ заплатами и принявшемъ травяной цвѣтъ мундирномъ сюртукѣ; пыль и грязь покрывавшія его, обратили красный воротникъ въ темно-малиновый. Мѣдныя пуговицы, утративъ совершенно свою залотистость, казалось были выточены изъ чего-то подъ цвѣтъ сукна. Его опоясывалъ мишурный шарфъ, въ которомъ нити давно уже замѣнили блескъ серебра. Въ лѣвой рукѣ Бубликовъ держалъ клеенчатый киверъ, въ правой — трубку съ большимъ деревяннымъ чернымъ чубукомъ, на груди его въ петлицѣ, висѣлъ кожаный кисетъ съ табакомъ. Нужно ли прибавить къ этому, что стоптанные сапоги его были продырепы во многихъ мѣстахъ? Подпоручикъ довольно большаго роста, хорошо сложенъ; совсѣмъ свѣтлорусые его волосы и такіе же усы хотя не придавали ему вида аристократическаго, за-то прекрасно шли къ его на-

стоящему одѣянію, какъ и пріятныя его довольно правильныя черты лица, бѣлые будто изъ слоновой кости зубы и сѣрые ничего не выражающіе глаза. Я пошелъ на встрѣчу хозяину, и подпоручикъ Бубликовъ, ни мало, какъ кажется, не удивясь моему посѣщенію, разсыпался въ извиненіяхъ: что онъ *по обязанности своей поставилъ бы долгомъ рекомендовать себя лично и предупредить тѣмъ безпокойства, которыя я принялъ на себя, желая его видѣть, но что служба до-сихъ-поръ была препятствіемъ въ томъ, и не позволила исполнить его ревностное намѣреніе....* Изъ его длинныхъ фразъ замѣтилъ я только, что онъ хотѣлъ быть учтивымъ и нѣсколько затруднялся въ изысканіи отборныхъ словъ, чрезъ что разговоръ его былъ не слишкомъ ясенъ. Отложивъ до ближайшаго знакомства цѣль моего прихода, въ той надеждѣ, что Бубликовъ сойдясь съ самимъ помѣщикомъ, поостережется и не станетъ болѣе оскорблять своихъ хозяевъ, я слушалъ только его разсказы.

Таковы мы, люди военные, говорилъ мнѣ подпоручикъ, « усталость намъ незнакома, непогоды мы не боимся. Солнце прижаритъ — чтожь: прохладитъ дождь; дождь промочитъ? — солнце согрѣетъ. Это Петръ Владиміровичъ (меня зовутъ Петромъ Владиміровичемъ) не бѣда. Я счастливымъ считаю себя, что попалъ въ *** полкъ; общество офицеровъ у насъ прекрасное, все молодые люди съ воспитаніемъ, конечно, и въ гвардіи дай Богъ все такіе полки. Знаете, Петръ Владиміровичъ, большой свѣтъ утомляетъ душу и тѣло. Мы, прошедшую зиму, стояли въ Калужской губерніи, въ Мещовскѣ. Право, пріятно отдохнуть и на работахъ послѣ такой зимы. Вы *извѣстны*, какъ у насъ вездѣ бросаются на военныхъ; барышни всегда какъ-то-болѣе отличаютъ мундиръ отъ стат-

скихъ кавалеровъ, за то мы бывали приглашаемы на всѣ балы, а кромѣ-того каждое воскресенье было собраніе! Общество въ Мещовскѣ большое, прекраснѣйшее! воспитанное; изъ нашихъ трое поженились. Сего-дня бригадный адъютантъ говорилъ, будто намъ зимовка нынѣшній годъ приходится опять въ Мещовскѣ. »

Въ это же свиданіе подпоручикъ Бубликовъ открылъ мнѣ, что ему двадцать четыре года, и что тятенька его былъ маіоромъ. Я поспѣшилъ оставить его, замѣтивъ что Савельевъ, изготовя обѣденный столъ начальника своего, внесъ въ комнату штофъ водки, поставилъ на столъ стаканъ, и прикрылъ его большимъ ломтемъ чернаго хлѣба. Когда я всталъ, Бубликовъ сказалъ: не прикажете ли, Петръ Владиміровичъ... вы не употребляете? это горькая, желудочная. Теперь часъ адмиральскій: право не дурно бы. Отблагодаривъ подпоручика, я отказался и вышелъ на улицу; Бубликовъ проводилъ меня нанѣсколько шаговъ за ворота, по солнцу, безъ фуражки! Не подумайте изъ сказаннаго о стаканѣ, что Бубликовъ употребляетъ много водки. Стаканъ не мѣра у армейскихъ офицеровъ; этотъ сосудъ есть просто общій пріемникъ всѣхъ жидкостей: чай, вода, квасъ, подъ-часъ пуншъ, вино или водка, смѣняются въ немъ поочередно. Армейскій офицеръ вливаетъ въ стаканъ водку, не по зарубчикъ, какъ охотникъ до крѣпкихъ напитковъ, а такъ, на глазъ, сколько душа приметъ. За-то иногда Бубликовъ говоритъ шутя, прикладывая губы къ стакану, въ который налито нѣсколько водки: *Посторонись душа оболью*! и хвать на лобъ, что было въ стаканѣ! нельзя опредѣлить, говорилъ онъ мнѣ, сколько такъ можно выпить, смотря у кого какая *глотка*. У Бубликова глотка не велика, она съ хорошую столовую рюмку,

До воскресенья я не встрѣчалъ подпоручика, у обѣдни же замѣтилъ его, у праваго клироса, но уже не такимъ, какъ у Петра Самсонова; тутъ онъ былъ въ мундирѣ совершенно новомъ, перетянутъ, пуговицы и эполеты горѣли огнемъ. Онъ стоялъ сложа руки и разнималъ ихъ только чтобъ перекреститься. Бубликовъ

тщательно разчесалъ свои волосы; принималъ самыя живописныя положенія, то выставлялъ одну ногу впередъ, какъ Наполеонъ, поставленный на вандомской колоннѣ, то небрежно прислонялся къ клиросу. Подъ-часъ густымъ басомъ своимъ онъ поддерживалъ хоръ дьячковъ. Эге! подумалъ я, сильно же я ошибся въ подпоручикѣ, да онъ жестокій франтъ! И въ-самомъ-дѣлѣ, въ послѣдствіи я узналъ, что Бубликовъ былъ кориѳей своего полка. Сукно, которое я замѣтилъ въ избѣ, дѣйствительно готовилось на шинель; но подпоручикъ Бубликовъ, какъ наибо́льшее число его товарищей, не имѣя способовъ сшить себѣ въ одинъ разъ вещь, сто́ящую болѣе двухъ сотъ рублей, (ибо жалованье, получаемое по третямъ, составляло единственный его годовой доходъ), и понимая все счастіе владѣть хорошею шинелью, послѣдовалъ примѣру опытныхъ и разчетливыхъ товарищей своихъ; въ январскую треть онъ купилъ сукно, въ майскую воротникъ и прикладъ, а въ сентябрскую долженствовала быть закуплена окончательно подкладка, и все вмѣстѣ поступить подъ ножницы полковаго закройщика. Какъ сладко улыбалась Бубликову мечта, когда онъ воображалъ себя въ новой шинели! какъ гордо будетъ онъ гулять въ ней по улицамъ Мещовска! сколько пламенныхъ сердецъ неопытныхъ провинціялокъ забьется при видѣ алаго воротника, славной сѣросиней шинели, подбитой.... Подбитой?.... Тутъ Бубликовъ останавливался. Чѣмъ подбить шинель?... Онъ ужь болѣе пятидесяти разъ показывалъ закупки свои обществу офицеровъ, не одинъ разъ онъ говорилъ имъ съ видомъ важнымъ и съ мыслію, которая какъ будто только сейчасъ ему пришла въ голову: *Знаете, Господа, я думаю ее подбить диверласомъ*, и не одинъ разъ ему всѣ единогласно отвѣчали: *конечно диверласомъ, такое сукно жаль портить каленкоромъ*. Но лишь только товарищи его оставляли, снова недоумѣніе овладѣвало подпоручикомъ! Не знаю кому обязаны пѣхотные армейскіе полки изобрѣтеніемъ столь важнаго открытія, какъ диверласъ! Вы, можетъ-быть, не знаете, что́ такое *диверласъ*? Въ гостинныхъ дворахъ его зовутъ *демикотономъ*.

Это изящное тканье всѣхъ цвѣтовъ имѣетъ блескъ шелковой матеріи и дешевизну пареной рѣпы, хотя дороже каленкора, а это именно и останавливало Бубликова. Да развѣ одинъ Бубликовъ находился въ столь несносномъ, нерѣшительномъ положеніи? развѣ диверласъ изобрѣтенъ не для всѣхъ армейскихъ офицеровъ и развѣ, наконецъ, не подбили имъ товарищи его своихъ шинелей? Сердце не каменное у подпоручика, онъ вѣрно рѣшится отказаться отъ чаю на цѣлый мѣсяцъ, и переплатитъ двѣнадцать рублей за подкладку. Подпоручикъ, не довольствуясь совѣщаніемъ съ товарищами своими, часто, ложась спать утомленный отъ дневныхъ работъ, и, увидѣвъ шинельное сукно свое, заготовленное подъ изголовьемъ, относился къ Савельеву: «Знаешь, Савельевъ, славная шинель будетъ,» говорилъ онъ ему; а тотъ отвѣчалъ: «Такъ-съ:» Я ее хочу подбить диверласомъ. «Такъ-съ.» А вѣдь диверласъ дорогъ. «Такъ-съ.» Каленкоръ вѣдь дешевле? «Такъ-съ.» А за то, тотъ точно шелкъ. «Такъ-съ.» Хватитъ ли денегъ? «Такъ-съ.» Иди спать. «Счастливо оставаться, ваше благородіе.» — Савельевъ уйдетъ, а Бубликовъ заснетъ крѣпко.

[illegible] ему

грезится, будто онъ требуетъ, чтобъ Савельевъ чистилъ безпрерывно, холилъ, берегъ шинель, какъ зеницу ока.... Вотъ онъ уже идетъ по улицамъ Мещовска, рука-объ-руку съ невѣстою подъ вѣнецъ; на немъ шинель подбита дивнымъ диверласомъ; его нареченная, нѣжно приклонясь къ нему, шепчетъ на ухо: диверласъ! диверласъ!!... Солнце горитъ на небѣ свѣтлѣе праздничнаго дня, подпоручикъ ликуетъ!.... Сердце сильно забилось, Бубликовъ проснулся; передъ нимъ Савельевъ, стоя чинитъ его зеленый сюртукъ, подъ окномъ бьетъ барабанъ на работу, и дождь ливмя льетъ съ сѣраго, обложившаго кругомъ неба....

По окончаніи обѣдни, Бубликовъ подошелъ ко кресту, потомъ поклонился мнѣ и вышелъ изъ церкви съ семействомъ священника. Я возвратился домой, и, четверть часа спустя, посѣтилъ меня подпоручикъ. Я пригласилъ его отобѣдать, но онъ былъ званъ къ священнику на пирогъ, и начисто отказался отъ моего обѣда. Тутъ-же я отъ него узналъ, что онъ въ ночь выходитъ съ полкомъ въ Москву. Мы съ нимъ такъ же коротко простились, какъ и познакомились; хотя онъ не пропустилъ случая, составить нѣсколько прощальныхъ фразъ, довольно не удобопонятныхъ. Можетъ, теперь не скоро увижу васъ! говорилъ я ему: на будущее лѣто просимъ опять ко мнѣ въ село. И точно, я не думалъ встрѣтить его болѣе до отхода: вечеромъ же, часу въ десятомъ, когда луна смѣнила солнце, я замѣтилъ Бубликова на поповкѣ, ходящаго съ запрятанными руками въ карманы широкихъ своихъ шароваровъ, въ бисерной ермолкѣ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, съ березовой вѣткой во рту. Онъ фредонировалъ: «одно « сокровище безцѣнно я въ мірѣ зналъ и проч. »

Алины въ этотъ разъ я не подмѣтилъ, а Альсима долго не встрѣчалъ. Однажды въ Москвѣ, (это было въ октябрѣ мѣсяцѣ), не подалеку отъ Спасскихъ казармъ, ѣхалъ я на дрожкахъ, часу въ одинадцатомъ утра, по грязной улицѣ. Мнѣ попался взводъ солдатъ; впереди его шелъ подпоручикъ Бубликовъ, такъже ще-

гольски одѣтый, какъ я его видѣлъ въ церкви въ селѣ, а по тротуару шелъ Савельевъ; онъ несъ кожаный кисетъ, трубку и и свернутую подъ мышкой, подложенную уже *дивераасомъ* шинель.

Съ-тѣхъ-поръ я опять потерялъ подпоручика Бубликова изъ виду; знаю, что въ ту же зиму полкъ ихъ дѣйствительно, какъ говорилъ бригадный адъютантъ, стоялъ въ Мещовскѣ. Знаю, что всякое собраніе и балъ не обходились безъ присутствія нашего знакомца. Барышни Мещовскія, неравнодушныя къ гостю-воину, завидѣвъ еще въ передней, на гвоздѣ, висящую шинель съ блестящею подкладкою, перешептовались между собою: «Бубликовъ здѣсь! здѣсь Бубликовъ!» А Бубликовъ, въ бѣломъ жилетѣ, давно уже разхаживалъ по залѣ, ожидая своихъ жертвъ; онъ то подходилъ къ зеркалу поправлять рукой свою прическу, то допрашивалъ музыкантовъ, какія они принесли съ собою кадрили и мазурки.... Но вотъ музыка ударила, и Бубликовъ, приподнявъ плеча, съ раздушеннымъ платкомъ въ рукахъ, подходитъ подымать на кадриль провинціялку. Что вамъ до нея? хороша-ли, дурна-ли она, все-равно; намъ нуженъ Бубликовъ; Бубликовъ ею, повидимому, также вовсе не занимается, онъ весь для себя; онъ молчитъ, слѣдуетъ лишь за своими движеніями, и боится, кажется, пропустить время начинать фигуру. Смотрите, какъ онъ граціозно дѣлаетъ dos à dos; какъ небрежно балансируетъ противъ дамы и будто не нарочно (такъ вскользь) ударяетъ каблукомъ о паркетъ? Онъ однимъ взглядомъ обхватываетъ всѣхъ танцующихъ въ кадрили, и кончая фигуру, становится въ красивомъ положеніи подлѣ своей дамы, опять молча,

и только обмахиваясь платкомъ. Бубликовъ говоритъ, что онъ любитъ безъ памяти танцовать; вотъ уже восемь кадрилей и нѣсколько вальцовъ прогремѣла полковая мазурка, а подпоручикъ не пропускаетъ ни одного танца, мазурка, въ Мещовскѣ, какъ и въ столицахъ, вѣнчаетъ балъ; Бубликовъ заблаговременно изготовилъ стулъ для своей дамы, онъ ее подводитъ къ мѣсту, сажаетъ, а самъ, раскланявшись, заходитъ за стулъ и, облокотясь на спинку, съ нетерпѣніемъ ждетъ очереди пуститься въ плясы. Между-тѣмъ дама его заговариваетъ съ нимъ, Бубликовъ съ честію отдѣлывается отъ нея; его спрашиваютъ: любитъ ли онъ танцовать, онъ отвѣчаетъ: « очень-съ; а вы? » Его спрашиваютъ: усталъ ли онъ? онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ-съ, не усталъ, а взпотѣлъ. » Эти вопросы его не пугаютъ; «рѣшившись быть человѣкомъ свѣтскимъ» говоритъ Бубликовъ, «можно скоро привыкнуть къ вопросамъ барышень, и умѣть хорошо отвѣчать имъ на все. » Постоянно смущало подпоручика только одно, когда барышни его называли не просто по имени, а «Mousier Boublikoff,» въ эту минуту онъ непремѣнно блѣднѣлъ и совершенно терялся, ему всякой разъ воображалось, что съ нимъ хотятъ заговорить по-французски, а онъ не знаетъ французскаго языка. «Вотъ одно, чего во мнѣ не достаетъ» говорилъ съ увѣренностью Бубликовъ, « чтобъ быть совсѣмъ бонтономъ. »

Трудно рѣшительно указать пальцемъ ту, на которую Бубликовъ обратилъ стрѣлы свои. Думаю, если бы ему предоставили обычай востока бросить платокъ на избранную имъ, онъ, вмѣсто платка, взялъ бы большую шаль, съ-тѣмъ-чтобы накрыть всѣхъ разомъ. Право, такъ влюбчиво сердце подпоручика! Все что носитъ женское одѣяніе, располагаетъ душу его къ самымъ сладостнымъ мечтаніямъ; но, къ-несчастію, это тогда лишь, когда прекрасный полъ отъ него далекъ. Въ воображеніи своемъ онъ превозходитъ себя; какъ краснорѣчиво излагаетъ онъ передъ красавицею чувства къ ней почтенія! какъ искусно переходитъ къ выраженіямъ чистѣйшей дружбы и любви! какъ ловко Бубликовъ падаетъ на колѣна..... Но все это только въ воображеніи!

Едва онъ среди гостиной — все пугаетъ его; та заговоритъ съ нимъ по-французски, у другой пятьдесятъ душъ, а у него ничего: смѣетъ ли бѣдный подпоручикъ надѣяться, чтобъ любовь принята была ею? За третьей ухаживаетъ полковой командиръ... Повсюду ему препятствія! Бубликовъ рѣшается, не говоря ни съ одной, танцовать со всѣми, и ловкостію своею заставить страдать весь прекрасный полъ! Балъ кончился. Бубликовъ, завернувшись въ свою шинель, идетъ домой. На дворѣ морозно, снѣгъ хруститъ подъ ногами подпоручика, но онъ не чувствуетъ холода, его согрѣваетъ одна теплая надежда.... Ему мыслится, что сонъ, видѣнный имъ лѣтомъ въ деревнѣ, приходитъ въ изполненіе... Помните? та, которая спросила его въ мазуркѣ, усталъ ли онъ?... При разъѣздѣ, въ сѣняхъ ужѐ, нѣжно, нѣжно она взглянула прежде на него, а тамъ — на его шинель....

Прошло девять лѣтъ послѣ этого бала, по смоленской дорогѣ, тянулся * * * полкъ! Шумъ, пѣсни, говоръ сопровождали военную ватагу. Тамъ слышались слова: «Не оттягивай ребята!» Тутъ раздавался хохотъ молодыхъ солдатъ, незнакомыхъ съ усталостью; ихъ смѣшилъ старый забавникъ-сотоварищъ, который то каркалъ вороною, то плясалъ, то корчилъ жида или цыгана, и безпрестанно смѣнялъ прибаутки или лаемъ собаки, или свистомъ соловья. Въ головѣ полка шли пѣсенники. Арьергардъ не былъ такъ оживленъ; здѣсь представлялась другая картина: впереди, тотчасъ за баталіонами, ѣхала аптека, за нею лазаретъ, а тамъ везлись тяжести полковыя. Изрѣдка стонъ больнаго, или понуканія лошадей фурлейтами, прерывали грустный и однообразный шумъ фурныхъ колесъ. Тутъ же тащилась въ одну лошадь, шагъ-за-шагъ, кибитка, обитая снаружи кожею, и загроможденная, почти съ низу до верху, перинами и подушками, на которыхъ сидѣла женщина, въ офицерской шинели, держа на рукахъ ребенка лѣтъ семи. Савельевъ управлялъ лошадью. Бубликовъ подошелъ къ кибиткѣ, взкочилъ на облучокъ, вынулъ изъ кармана коротенькую трубку, набилъ ее табакомъ и закурилъ. Онъ молча выпускалъ на вѣтеръ большіе клубы дыма и

посматривалъ то на женщину, то на ребенка, спокойно спавшаго подъ шинелью. Чрезъ нѣсколько минутъ, ребенокъ проснулся, привсталъ — и снова было сжался отъ холоду, но увидѣвъ отца на облучкѣ, закричалъ: « Тятенька, холодно. » «Постой, Ванька, молчи; завтра въ Вильну вступаемъ, пряникъ куплю тебѣ,» говорилъ Бубликовъ; « изъ Вильны, » продолжалъ онъ, обратясь къ женщинѣ, «ты жена, отправляйся-ко домой, къ отцу. Савельевъ васъ довезетъ. Богъ дастъ пóживу да поздорову; а то, говорятъ, Поляки ужь и тутъ шалить начинаютъ, да и приказъ былъ женамъ не слѣдовать за мужьями далѣе Вильны. » Бубликовъ, сказавъ это, соскочилъ съ облучка и пошелъ снова къ своей ротѣ.

Бубликовъ не подпоручикъ; много утекло воды въ девять лѣтъ, много было и перемѣны въ жизни подпоручика. Здѣсь, онъ не въ щегольскомъ мундирѣ, какъ на балѣ, а опять въ сюртукѣ съ заплатами, опять въ клеенчатомъ киверѣ и въ изтертомъ шарфѣ. Зима прошла; Бубликовъ, внеся въ памятную книжку тму новыхъ побѣдъ, не рѣшился ни одной Мѣщовской краса-

вицѣ открыть свои чувства и предложить сердце, руку и шинель, подложенную диверласомъ. Снова полкъ съ мая мѣсяца вступилъ на работы, и нашъ герой, поселясь опять у Петра Самсонова, вынулъ изъ чемодана своего зеленый сюртукъ и бисерную ермолку, замѣнивъ ихъ мѣсто пикеевымъ жилетомъ и шинелью, до будущей зимы и до новыхъ надеждъ. Я тогда не жилъ у себя въ деревнѣ. Подпоручикъ принялся за прежній родъ жизни. Хозяева имъ были довольны. Онъ сталъ чаще посѣщать семейство священника, которое весьма обрадовалось его возвращенію. Глазки старшей дочери священника, замѣченные Бубликовымъ еще въ прошедшее лѣто, снова заняли его. Здѣсь онъ не боялся ни французскаго языка, ни богатства дѣвицъ, ни соперничества съ полковникомъ, или съ кѣмъ другимъ; изрѣдка онъ сходился у священника съ ротнымъ командиромъ, но и тотъ, почти всякой разъ оставлялъ его, лишь только онъ появится. Бубликовъ разсыпался въ разсказахъ о большомъ свѣтѣ, всѣ его слушали; за нимъ ухаживали, а не равнодушные глазки то опускались, то останавливались на разскащикѣ. Бубликовъ все видѣлъ, все замѣчалъ и — страдалъ. Забывалъ свои побѣды въ Мѣщовскѣ, ходилъ по вечерамъ на поповку пѣть опять: «*Одно сокровище безцѣнно я въ мірѣ зналъ*» и женился наконецъ на старшей дочери священника. Между-тѣмъ, почти въ самый день свадьбы, прочелъ онъ у полковаго адъютанта о производствѣ своемъ въ поручики. Почти черезъ девять мѣсяцевъ, молодая супруга его даровала ему сына *Ивана*; въ это время Бубликовъ былъ съ полкомъ въ городѣ. Получивъ извѣстіе, онъ прискакалъ обнять жену и сына. Бубликовъ былъ счастливъ и веселъ; на кого похожъ Ваня, спрашивалъ часто отецъ, улыбаясь? «Тятенька говоритъ» отвѣчалъ однажды меньшой братъ Бубликовой, острый мальчикъ и ужасный повѣса, «*что Ваничка похожъ на ротнаго командира*» Быть же тебѣ, Ваня, полковымъ командиромъ, если только родясь похожъ ужé на ротнаго! Но, сказавъ это, отецъ вдругъ задумался, и вскорѣ за что-то выдралъ уши маленькому своему шурину. Снарядивъ себя конемъ и ки-

биткою, счастливая чета отправилась въ Москву и посѣлилась въ Спасскихъ казармахъ. Не подолгу живала она на одномъ мѣстѣ; кибитка, управляемая Савельевымъ, часто являлась на дорогахъ, то къ Мещовску, то въ Рязань, или на Московскомъ шоссѣ. Семь лѣтъ Бубликовъ жилъ и ѣздилъ неразлучно съ женою и ребенкомъ. Получивъ чинъ штабсъ-капитана, онъ снова думалъ провести лѣто съ семействомъ жены своей, какъ вдругъ объявленъ походъ въ Польшу. Сборы были не долги: все имущество свалили опять въ кибитку...Мы застали Бубликова между Минскомъ и Вильною, тамъ гдѣ онъ впервые долженъ былъ разстаться съ женою, сыномъ и Савельевымъ, который во все это время его не покидалъ. Прощанье было обыкновенное: жена плакала, Ваничка ревѣлъ: «Тятенька, не хочу ѣхать!» Савельевъ говорилъ: «счастливо оставаться, ваше благородіе;» а Бубликовъ командирски поручалъ половину свою и дѣтище вѣрному денщику.

Третій періодъ жизни Бубликова начался, когда онъ покинулъ семейство свое. Почти два года продолжалась война. Бубликовъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ; сначала изрѣдка получалъ онъ кой-какія извѣстія о женѣ, о Ваничкѣ, но вскорѣ и слуха о нихъ не было. Всякую треть жалованья своего, раціоны, всѣ деньги, которыя ему доставались, онъ, по-возможности, тотчасъ же отправлялъ къ своимъ, не заботясь почти о себѣ; но доходили ли онѣ до мѣста, никогда справиться о томъ не могъ; это его не удерживало, и онъ не переставалъ отсылать при случаѣ, адресуя ея благородію штабсъ-капитаншѣ Бубликовой въ село такое-то. Бубликовъ велъ себя во всѣхъ дѣлахъ прекрасно; начальники любили его за личную храбрость, разпорядительность, а солдаты называли *молодцомъ*. Онъ былъ также горячь въ битвѣ, какъ нѣкогда былъ горячь въ любви въ Мещовскѣ, съ тою разницею, что тамъ онъ бѣгалъ французскаго языка, а здѣсь смѣло летѣлъ на штыки. Словомъ, онъ былъ русскій и славный офицеръ. Щегольство Бубликовъ совсѣмъ забылъ; за нѣсколько дней до штурма, приготовляясь къ нему какъ будто къ празднику, онъ впервые вспомнилъ о своемъ туалетѣ, — глядь, обмундировка въ совершенномъ и очень затруднительномъ разстройствѣ! Напрасно впадая въ недоумѣніе, перерывалъ онъ небольшой чемоданъ, въ немъ не оказывалось ничего, кромѣ забытыхъ Савельевымъ синихъ портковъ, что въ нихъ?.... Но, безпорядокъ туалета понудилъ Бубликова по-неволѣ, употребить ихъ; ему было немножко совѣстно, только на минуту. Увидятъ — сказалъ онъ самъ себѣ, — что я буду умѣть отличиться не однимъ этимъ на штурмѣ. Однакожь начальникъ, замѣтивъ слишкомъ рѣзкую несообразность между верхнею и нижнею частями одежды Бубликова, подъѣзжая къ нему, спросилъ тихо; «Помилуйте? какія на васъ....? » «рѣшительно послѣднія» отвѣчалъ простодушно штабсъ-капитанъ.

При взятіи Вены Бубликовъ, отличивъ себя благороднымъ мужествомъ, былъ раненъ, и вмѣстѣ съ многими храбрыми лежалъ въ Уѣздовскомъ госпиталѣ. Въ теченіе войны онъ получилъ орденъ

Владиміра съ бантомъ и капитанскій чинъ; какъ онъ былъ счастливъ, что могъ служить какъ должно и что это замѣчено; двѣ пули въ боку, сильная контузія въ ногу, почти пропущены были имъ безъ вниманія, онъ былъ снова готовъ на то же. Но раны его хотя и закрылись черезъ три мѣсяца, однако же не позволяли болѣе продолжать фронтовую службу; Бубликовъ выписался изъ лазарета, и сталъ числиться по арміи. Получивъ денежное пособіе на подъемъ, новый капитанъ съ пожатыми лаврами спѣшилъ обнять жену свою и сына, и въ нѣсколько дней прибылъ въ село. Ваничка весело бѣжалъ къ нему на-встрѣчу; онъ выросъ и похорошѣлъ. Бубликовъ входитъ, но не жена встрѣчаетъ его, а родственники ея; лица ихъ чудны, смущены; какая-то странная робость объяла духъ храбраго офицера, и вдругъ слезы брызнули изъ его глазъ. «Понимаю! понимаю!» сказалъ онъ рыдая; «ея уже нѣтъ на свѣтѣ! Я не засталъ жены; она умерла!» «Умерла, дяденка,» подхватилъ знакомый намъ братишка покойной, да съ нею умеръ и маленькій Вася, котораго она сама нашла, какъ Ваню.» Бубликовъ остолбенѣлъ, и не слышалъ даже какъ заревѣлъ мальчикъ, котораго вытолкали. Тяжело вздохнулъ Бубликовъ, отеръ слезы, молча перекрестился, прошепталъ: «Упокой, Господи, душу рабы твоей;» отдохнулъ часа два и выѣхалъ изъ села въ Петербургъ, съ сыномъ, просить о помѣщеніи его въ кадетскій корпусъ.

По пріѣздѣ въ столицу, Бубликову удалось скоро замѣстить открывшуюся въ кадетскомъ корпусѣ вакансію сыномъ своимъ; самъ онъ поселился въ 16-й линіи на Васильевскомъ острову, и жилъ, какъ можетъ жить въ Петербургѣ человѣкъ бѣдный, сильно тревожимый нуждою и часто открывающимися ранами. Если бы не покровительство благодѣтельнаго учрежденія Комитета раненыхъ, отъ котораго Бубликовъ ожидалъ терпѣливо мѣста городничаго въ какомъ-нибудь уѣздномъ городѣ или смотрителя военнаго госпиталя, то, что́ сталось бы съ нимъ? Онъ жался, и все же ему стоило дорого жить; за небольшую комнатку вмѣстѣ со столомъ и прислугою, онъ платилъ сорокъ пять руб-

лей въ мѣсяцъ. Нѣмецкое семейство, принявшее его, ухаживало за нимъ и наслаждалось его разсказами, которые и ему придавали бодрость.

Часто капитанъ изъ-за обѣда переносился въ счастливые дни Мещовска, разсказывалъ, какой онъ былъ щоголь, какъ всѣ дѣвицы были отъ него безъ ума, и какъ однажды самъ начальникъ къ которому онъ былъ наряженъ на ординарцы, сказалъ шутя: « *Пора тебѣ, братъ Бубликовъ, остричься, ты слишкомъ ужь зафрантился.* » Тамъ переходилъ онъ въ повѣствованіе о супружескомъ счастіи, семь слишкомъ лѣтъ, говорилъ онъ, былъ я въ объятіяхъ вѣрной супруги своей! Походъ въ Польшу, трудности его, описаніе сраженій и штурма заключали обыкновенно разсказъ; Бубликовъ возвышался благородною гордостью, сознавая въ сердцѣ, что честно исполнилъ долгъ свой. Нѣмцы таращили на него глаза, не только съ удивленіемъ, но и съ участіемъ; они говорили ему: « Господинъ капитанъ, было трудно, за то вы выглядите инвалидомъ. » Бубликовъ не понималъ, откуда онъ выглядитъ, и почему онъ инвалидъ, когда онъ уже болѣе ста

разъ повторялъ имъ, что служилъ въ *** полку, а теперь числится по арміи; это даже сердило его иногда, и онъ уходилъ отъ нѣмцевъ къ Ваничкѣ, который отличался успѣхами въ приготовительныхъ для фронтовой службы занятіяхъ. Такъ проходили дни и мѣсяцы капитана Бубликова. Однажды, Савельевъ, который давно отчисленъ былъ отъ Бубликова, и съ тѣхъ-поръ передавался безпрестанно изъ рукъ въ руки, какъ ходячая монета, прибывъ въ Петербургъ съ какимъ-то офицеромъ и, узнавъ о мѣстѣ жительства своего стараго подпоручика, явился къ нему. Онъ засталъ Бубликова уже на смертномъ одрѣ. Какъ обрадовался бѣдный капитанъ своему старому служителю; онъ цѣловалъ его съ чувствомъ, и подумавъ съ минуту, подарилъ ему свою старую шинель, недавно смѣненную на новую. Савельевъ рыдалъ надъ умирающимъ, и прощаясь, повторялъ, удерживая слезы: « счастливо оставаться, ваше благородіе. » Послѣднія слова Бубликова были къ сыну: « Ваничка, слѣдуй моему примѣру, говорилъ онъ, служи просто, безъ затѣй, честно, вѣрно, крѣпко и правдиво, ЦАРЮ твоему и отечеству, жертвуй жизнью, и всѣмъ въ жизни; служи какъ служили дѣдъ твой и отецъ....! Съ чистою совѣстью, съ увѣреніостью, что когда обязаніость свято исполнена, то умирать сладко; а богатство»...Тутъ замолкли уста его, и глаза закрылись навѣчно. Ваничка, Савельевъ и Нѣмцы непритворно скорбѣли и плакали горько надъ тѣломъ добраго офицера.

Три дня спустя, по дорогѣ на Волково кладбище тянулась печальная процессія. Взводъ гренадеръ слѣдовалъ за простыми дрогами; томный звукъ обтянутаго чернымъ сукномъ барабана гармонировалъ съ печальными чувствами провожавшихъ гробъ Бубликова.

Около обѣда, въ тотъ же день, на толкучемъ рынкѣ, Савельевъ продавалъ шинель. «Купите, говорилъ онъ, купите, господа! Сукно плачено по девяти рублей! »—Эта шинель была живая исторія жизни Бубликова, которому принадлежала; но какое намъ

дѣло! Ваня скоро будетъ офицеромъ, въ *** или *** полку, станетъ служить, сошьетъ шинель въ Мещовскѣ или въ другомъ городѣ, будетъ прельщать красавицъ, и если посчастливится, то такъ-же женится, такъ-же будетъ отцемъ, такъ-же дослужится до капитана, какъ тятенька, а, можетъ-будетъ, и маіоромъ въ дѣдушку. Но главное въ русскомъ армейскомъ офицерѣ: онъ также будетъ храбръ, также положитъ жизнь, отдастъ все долгу, присягѣ, чувству, святому чувству любви къ родинѣ и къ Царю; и если будетъ также бѣденъ, (судьба можетъ сдѣлать и противное): то будетъ умирать точно такъ же, какъ тятенька, безъ затѣй, какъ жилъ, спокойно, величаво, въ смиреніи, и завидно для многихъ-многихъ, кичливыхъ, далеко не стоящихъ армейскаго офицера!

Кн. Львовъ.

ГРОБОВОЙ МАСТЕРЪ.

Однажды, послѣ полудня, часу въ четвертомъ, возвращался изъ департамента пѣшкомъ, я замѣтилъ живописную группу близъ ясеневыхъ дверей дома, занимаемаго добрымъ пріятелемъ нашимъ, Никандромъ Григорьевичемъ Жирновымъ, человѣкомъ, который по радушному хлѣбосольству своему далеко отсталъ отъ вѣка. Группа состояла изъ тучнаго кучера въ бархатной поддѣвкѣ, — запачканнаго дворника — татарина, въ солдатскомъ мундирѣ, обращенномъ въ партикулярный камзолъ черезъ отрѣзаніе фалдъ

и отворотовъ.—аккуратнаго лавочника, занимающаго часть подвальнаго этажа въ домѣ, наконецъ, изъ щеголевато одѣтаго городоваго, на рукѣ котораго шевроны свидѣтельствовали о столь же ревностной службѣ его Марсу, сколько багровое лицо, какъ бы наполненное зрѣлою брусникой, удостовѣряло въ добросовѣстности его поклоненія Вакху.

ворникъ съ печальнымъ равнодушіемъ опирался на длинное древко метлы; городовой снисходительно подчивалъ лавочника напойкою бобковаго, которую тотъ уважительно почерпалъ грязными пальцами изъ круглой мѣдной табатерки, и всѣ слушали разсказъ кучера, вѣроятно о чемъ-то весьма любопытномъ. Судя по живости жестикуляціи, по выразительности лица оратора и смущенному положенію слушателей, можно было догадываться, что рѣчь велась о дѣлѣ важномъ: можетъ-быть, объ изломанной каретѣ, о внезапно павшей лошади или о покражѣ въ домѣ.

Взглянувъ на эту картину, я вдругъ вспомнилъ, что больше двухъ недѣль не былъ у Никандра Григорьевича. Зная, что неразсѣянности могу не зайти къ нему еще столько же времени, я вздумалъ воспользоваться часомъ, остающимся до обѣда: разговаривавшіе отступили отъ подъѣзда, и я взошелъ на лѣстницу, сожалѣя что мы не имѣемъ рисовальщиковъ въ родѣ парижскихъ Монье, Шарле, Жигу и другихъ, которые на-лету ловили бы подобныя сцены, переносили бы ихъ на бумагу, съ натуры, и передавали намъ живописныя черты народной жизни съ ея оригинальными подробностями.

Въ бель-этажѣ, гдѣ жилъ Жирновъ, двери изъ прихожей были настежь на лѣстницу и въ комнаты: когда я вошелъ, меня, какъ говорятъ, ошибло сильнымъ запахомъ смѣси уксусу и мяты; странный безпорядокъ повсемѣстно проявлялся въ квартирѣ, отличавшейся всегда порядкомъ, переходящимъ почти въ педантство.

— Что баринъ? — спросилъ я, сбрасывая свой макинтошъ.

— Лежитъ, отвѣчалъ съ привычнымъ лаконисмомъ, и съ угрюмымъ наклоненіемъ головы, Климъ, образецъ старыхъ русскихъ слугъ, не поколебимо вѣрныхъ, родственно привязанныхъ къ своимъ господамъ, и не измѣнно брюзгливыхъ со всѣми.

Увы! эта превосходная порода домашнихъ двуногихъ животныхъ почти перевелась нынче, какъ переводится порода знаменитыхъ зубровъ Бѣловѣжской-Пущи. Климъ былъ едва-ли не однимъ изъ послѣднихъ представителей вѣрныхъ слугъ, понимавшихъ всю важность своего назначенія.

— Какъ, лежитъ? — воскликнулъ я, глядя на часы, — скоро четыре! Неужели онъ еще не вставалъ?

— Вотъ! не вставалъ! продолжалъ слуга, покачивая головою; потомъ, стиснувъ губы, онъ бросилъ на меня взглядъ, въ которомъ замѣтно было выраженіе укора, полу-презрительнаго сожалѣнія и оскорбленнаго достоинства. — Не вставалъ!!... Всталъ, сударь, да и легъ!...

При этомъ словѣ Климъ сдѣлалъ рукою движеніе, какъ-будто сбросилъ что-нибудь тяжелое на полъ, и, понуривъ голову, болѣзненно вздохнулъ.

— Легъ, говоришь ты? Развѣ занемогъ?

— Занемогъ! хорошо, какъ бы только! — сказалъ Климъ, — нѣтъ, сударь, не занемогъ, продолжалъ онъ глухо и протяжно, скрестивъ на груди руки и неподвижно устремивъ на меня взоръ: у-у-у-мереть изволили!

Глаза Клима сжались, густыя брови его поднялись, всѣ мускулы лица судорожно вздрагивали, и концы рта безпрерывно стягивались къ сморщившемуся подбородку. То было живое выраженіе отчаянной борьбы горя, требующаго слезъ и рыданій, съ достоинствомъ, которое ихъ не допускало.

— Умеръ! Возможно-ли это? когда? Отчего? Какъ? Умеръ! я еще третьяго-дня говорилъ съ нимъ на Невскомъ!

— Третьяго-дня, сударь? Третьяго-дня! Какое диво! Часъ тому назадъ мы собирались ѣхать на дачу, завтракали съ барынею здоровёхонько; изволили скушать цыпленка съ свѣжепросольнымъ огурцомъ и съ сыромъ, выпили стаканъ го-сотерну-съ, да приказали высѣчь Ваньку: воръ мальчишка, разбилъ статуйку въ кабинетѣ, и не сознался-таки...

— Умеръ! Отчего же это, Климъ, такъ, вдругъ?...

— Часъ пришелъ, сударь! Воля Божія! Изволите видѣть, здоровъ и веселъ вошелъ Никандръ Григорьевичъ въ кабинетъ, и говоритъ: Дай, братъ Климъ, шлафрокъ. — Какой сударь прикажете? — Теплый; мнѣ холодно что-то. — Я подаю имъ шлафрокъ; они изволили надѣть одинъ рукавъ, да вдругъ, хлопъ, передо-мною: только охнули...

— Былъ-ли докторъ?

— Шестерыхъ разослали за докторами, кого верхомъ, кого

бѣгомъ; съ собаками, сударь, не отыщешь: а есть этого добра въ городѣ! Бусурманы такіе! Своихъ, домашнихъ, на жалованьѣ, два: куда ихъ!... Когда не нужны, вѣчно торчатъ тутъ, словно бѣльмо на глазу; горазды поспѣть только на обѣдъ, да карты. Ну, ужъ теперь незачѣмъ и доктора; окоченѣлъ весь: на мѣстѣ, сударь, убило!

Покойникъ лежалъ на диванѣ; кругомъ все свидѣтельствовало о незлобныхъ его утреннихъ занятіяхъ: на столѣ затѣйливая кофейница, въ которой онъ самъ приготовлялъ ароматную мокку, и нумеръ газеты, дочитанный до оборота первой страницы, гдѣ находилось извѣстіе о скоропостижной кончинѣ П. И.... Бѣдный Жирновъ! могъ ли онъ думать, что завтра объ немъ напечатаютъ тоже? Возлѣ начатаго приказа старостѣ была открыта Phisiologie du Goût, съ помѣткою карандашемъ противъ одного блюда: « Приготовить въ воскресенье ».

Нѣсколько старыхъ женщинъ, съ заплаканными глазами, шумно суетились около усопшаго, заботливо подкладывали ему подъ голову подушки, охорашивали его.... Чудное призваніе! Какъ молодая женщина будетъ хлопотать около прекраснаго, полнаго жизни юноши, такъ старая будетъ заботиться около умершаго. И для чего? и почему? Не спрашивайте. Когда я замѣтилъ объ этомъ угрюмому Климу, онъ, взглянувъ на нихъ добродушно и, махнувъ рукою, проговорилъ въ пол-голоса: « Ужъ это такая, сударь, нацыя. »

Я подошелъ къ покойнику, творя свою молитву. Покойся честный человѣкъ, какихъ нынче немного! Ты скромно шелъ своимъ путемъ, не обирая никого, не обгоняя, не толкая людей съ дороги, не запуская руки въ чужіе карманы, не завидуя тѣмъ, которые быстро бѣжали впередъ, не презирая бѣдныхъ колекъ, едва тащившихся сзади; ты не смѣялся надъ падающими, и помогалъ, кому могъ. Кто знаетъ всѣхъ и вся, тотъ воздастъ тебѣ за скромную и благородную твою независимость, за ребяческое простодушіе, за незлобливость сердца твоего!.... Я нагнулся,

чтобъ поцѣловать мертвеца, но надъ самымъ тѣломъ голова моя сильно столкнулась съ чьею-то. Поднявъ глаза, я увидѣлъ человѣка лѣтъ тридцати четырехъ, пріятной наружности, въ длинномъ красиво сшитомъ сюртукѣ; бородка его была особенно аккуратно подстрижена и причесана. Онъ учтиво поклонился мнѣ, произнося извиненія и медленно складывая деревянный колѣнчатый аршинъ; лице его выражало обдуманность, приличіе и нѣчто въ родѣ той условной скорби или важности, которою мы привычно вооружаемся при печальномъ торжествѣ.

Я взглянулъ на него пристально; вѣроятно на лицѣ моемъ изобразился вопросъ, потому что въ ту же минуту незнакомецъ, учтиво склоняясь, глядя на меня изъ подлобья и положивъ правую руку на сердце, произнесъ скороговоркою: « Я гробовой « мастеръ.... хоронилъ покойнаго ихъ родителя..... »

— Какъ, уже здѣсь! сказалъ я съ досадою.

Онъ, сладкимъ голосомъ и не измѣняя положенія тѣла, продолжалъ на-распѣвъ, будто чтецъ надъ покойникомъ: — « Это дѣло святое, сударь; ктомужъ и спѣшное; въ такую минуту всѣ озабочены въ домѣ; своимъ не дотого, такъ слѣдуетъ намъ, по христіанству и по должности, заняться. Длина тѣла средней руки, за то ширина, сударь, очень значительная, семь четвертей..,. Бархатъ нынѣ весьма дорогъ, а потребуется его довольно: для такой особы нужно поставить настоящій, плисъ будетъ не прилично. Впрочемъ у насъ всѣ матеріялы — отличнѣйшіе; работая не изъ выгодъ, а собственно для репутаціи, мы беремъ самыя настоящія цѣны.....

Тутъ, сунувъ руки въ карманы, онъ очень проворно подалъ мнѣ кипку бумагъ, говоря — « Аттестаты-съ, » — а изъ другаго высыпалъ на самую грудь умершаго безчисленное множество лоскутьевъ бархата, галуна, снурковъ, тафты, и прочая. Поочередно хватая ихъ быстро, потирая между перстомъ и указательнымъ пальцемъ, и безпрерывно становя между свѣтомъ и своимъ глазомъ, гробовой мастеръ болталъ безъ умолку: « От-

личнѣйшіе матеріялы! чудный товаръ! У насъ однихъ ставятъ подобные!... Безъ всякой выгоды работаемъ... Всѣмъ значительнымъ лицамъ поставляемъ... повѣрьте чести! Траурныя мантіи съ иголочки!... Лошади, свѣжія сударь!... Бархатъ наилуч-

шій!... Извольте замѣтить басонъ: словно кованый!... Имѣемъ превосходныя дроги съ новыми балдахинами... Съ золоченными сквозь огонь скобами и львиными ножками, гробъ себѣ обойдется въ восемь-сотъ рублей...

« Мы возьмемъ подешевле, » произнесъ кто-то пискливымъ тономъ.

Я обернулся: то былъ другой человѣкъ, точно такъ же одѣтый, но нѣсколько подороднѣе; на шеѣ у него висѣла медаль, видимо съ особеннымъ тщаніемъ выставленная на-показъ. — «Съ серебрянымъ чистымъ гарнитуромъ, » — продолжалъ онъ, « можно взять четыреста восемьдесятъ ассигнаціями; подушки будутъ пуховыя, крытыя лучшимъ атласомъ, съ двойными рюшами... Мы извѣстны пожертвованіями, » — прибавилъ онъ, поправляя свою медаль, — « и не гонимся за барышами... »

Не успѣвъ еще разинуть рта, изумленный подобнымъ нахальствомъ, я съ удивленіемъ смотрѣлъ на двухъ антагонистовъ, шопотомъ перебранивавшихся черезъ тѣло покойника, когда третье лицо изъ того же сословія, вѣжливо называя меня по имени и отчеству, въ полголоса начало рѣчь такимъ образомъ:

« Ваше высокородіе, вѣроятно изволили запамятовать... я имѣлъ счастіе хоронить вашего родителя, а также сестрицу, и заслужилъ удовольствіе.... мы поставимъ все несравненно сходнѣе.... »

Вдвойнѣ пораженный этимъ печальнымъ напоминаніемъ, я поворотился почти съ ужасомъ чтобъ выйти, но дверь уже была загорожена: три или четыре новыя лица заслоняли дорогу. Въ

то время какъ я ихъ разталкивалъ, одинъ совалъ мнѣ въ руку печатный билетикъ съ своимъ адресомъ, другой подавалъ написанный « *Полный счетъ печальной процессіи его высокородія* « *Господина Жирнова* , » третій говорилъ: « Прикажите намъ, сударь, поторговаться. » — Смертный покой превратился въ рынокъ: мастера бранились и шумѣли; повременамъ звенѣли слова: « У васъ гнилой товаръ! » — « Мы можемъ поставить за полцѣны! » — « Эхъ! модные мастера! »... « Слишкомъ разхвастались! » — « Нашъ магазинъ извѣстенъ!... » Я выскочилъ, глубоко тронутый непристойностью этой сцены; всѣ бросились за мною, перебивая другъ-другу дорогу и толкуя въ одинъ голосъ. Въ концѣ анфилады комнатъ я замѣтилъ женщинъ, суетившихся около хозяйки: она, бѣдная, если не видѣла, то, вѣроятно, слышала все. Пока я надѣвалъ макинтошъ, гробовщики окру-

жили меня, перебраниваясь и требуя отвѣту. — Отстаньте, сказалъ я, безъсовѣстные. Кто посылалъ за вами?...

Кто посылалъ за вами... думалъ я, торопясь домой. И точно, кто же, въ-самомъ-дѣлѣ, посылаетъ за такими людьми? Чудно! едва человѣкъ успѣетъ испустить послѣдній вздохъ, гробовые мастера уже тутъ; и это вездѣ неминуемо, неизбѣжно. Любопытная загадка!... Неужели они, подобно хищной птицѣ, чуютъ издали трупъ? Я входилъ къ себѣ, занятый этой мыслію: въ передней меня встрѣтилъ первый явившійся мнѣ въ кабинетѣ покойника гробовой мастеръ; онъ обогналъ меня на дорогѣ. — Вы здѣсь уже! сказалъ я: прошу васъ, оставьте меня въ покоѣ: не мнѣ поручено это печальное дѣло.

Позвольте,» отвѣчалъ онъ смиренно: « позвольте доложить одно только слово; если вы займетесь этимъ, что̀ очень можетъ случиться, то я согласенъ уступить двадцать пять процентовъ противъ всякой послѣдней цѣны, которая состоится съ другими,... повѣрьте чести, будетъ сдѣлано все лучше, хотя бы въ убытокъ. Я Тихоморовъ, репутація моя...

— А! сказалъ я: знаю, знаю, вы первый Петербургскій гробовой мастеръ.....

— Точно такъ-съ; потому-то я готовъ пожертвовать: честь моя чувствительно-съ пострадаетъ, если не мнѣ достанется порученіе хоронить Господина Жирнова.

При этомъ словѣ онъ учтиво поклонился и съ достоинствомъ вышелъ.

Нужно же, чтобъ именно на меня возложены были хлопоты о погребеніи моего добраго друга, и печальный счетъ точно былъ выплаченъ Тихоморову: я только впослѣдствіи уразумѣлъ всю глубину искусства, употребленнаго имъ по этому случаю.

Это обстоятельство впервые обратило мое вниманіе на гробо-

выхъ мастеровъ, съ которыми я, увы! имѣлъ уже дѣло не разъ, но которыхъ тщательно не могъ изучить прежде, потому-что причины, временно сближавшія насъ, были слишкомъ горестны для моего сердца и вполнѣ поглощали мое участіе. Многое въ гробовыхъ мастерахъ показалось мнѣ любопытнымъ, и я рѣшился короче познакомиться съ ними. Какъ плодъ моихъ трудовъ и глубокихъ изслѣдованій, представляю благосклоннымъ читателямъ эту слабую монографію ихъ породы.

Что такое гробовой мастеръ? Вы, можетъ-быть, принимаете его за обыкновеннаго ремесленника? Многіе такъ думаютъ. Жалкая ошибка! Гробовой мастеръ есть властъ или, если угодно, должность: скажу болѣе, это одна изъ важнѣйшихъ и самыхъ доходныхъ гражданскихъ должностей; а что всего замѣчательнѣе, едва-ли не единственная у насъ, которою покакому то чуду не успѣли завладѣть Нѣмцы. Она благополучно спаслась отъ нашествія двунадесяти иноплеменныхъ языкъ, и понынѣ является еще съ аттрибутами высокой народности. Любите сколько угодно все иностранное, находите что все Русское никуда не годится, но если вы Русскій и умрете въ Россіи, не увернетесь — гробъ будетъ сдѣланъ для васъ Русскимъ гробовщикомъ, это непремѣнно; онъ, почти противъ общей воли пріобрѣлъ такое довѣріе соотечественниковъ-мертвецовъ, своимъ искусствомъ, ловкостью и аккуратностью, что когда, лѣтъ пять тому назадъ, одинъ какой-то Французъ, то-есть, Нѣмецъ, прельщенный успѣхами Русскаго гробовщика, открылъ на Невскомъ проспектѣ богатыя мастерскія для приготовленія гробовъ « въ лучшемъ новѣйшемъ « вкусѣ, съ отвѣтомъ за прочность и удобность оныхъ, » то можно было подумать, что рѣшительно не захотѣли умирать: мертвецы не являлись, и Французъ обанкрутился.

Такимъ образомъ гробовой мастеръ,—коренной Русскій. Этотъ любопытный фактъ открытъ впервые мною, и позвольте мнѣ гордиться славою столь важнаго открытія. Тѣ которые любятъ обо всѣмъ спорить, очень легко могутъ сдѣлать мнѣ возраженіе, что въ Чернышѐвомъ переулкѣ и понынѣ есть вывѣска съ изо-

браженіемъ краснаго гроба и съ надписью, вверху по-русски ГРОБЫ, а внизу по-нѣмецки KRAPU, и что слѣдовательно хозяинъ ея необходимо долженъ быть природный Нѣмецъ. Существованія этой знаменитой вывѣски я нисколько не подвергаю сомнѣнію, но торжественно протестую противъ всякаго неблагопріятнаго превозглашенной мною истинѣ вывода изъ слова KRAPU; многолѣтними изслѣдованіями, я лично удостовѣрился, что хотя здѣсь есть гробовые мастера нѣмцы, — но только для нѣмцевъ же, а эта вывѣска принадлежитъ тоже русскому гробовому мастеру, который, по собственнымъ словамъ его, написалъ на ней KRAPU « единственно потому, что Нѣмцы, сударь, « народъ не грамотный, русскаго языка не понимаютъ, такъ съ « ними надо говорить по-нѣмецки. » Что должно заключить изъ этого? Что и Нѣмцы требуютъ гробовъ отъ русскаго мастера.

Донынѣ гробовой мастеръ-Русскій, и добрый Русскій. Онъ степенно взглянетъ на васъ, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, помянетъ васъ недостойнаго, и, смиренно вынувъ изъ кармана складной аршинъ, съ печальнымъ равнодушіемъ тотчасъ смѣряетъ длину и ширину вашего трупа руками, до которыхъ вы боялись коснуться, чтобъ не осквернить себя. Мѣрять вашъ трупъ! Ужасно! О, еслибъ вы тогда очнулись! Еслибъ вы замѣтили, что гробовой мастеръ положительно удостовѣрился въ эту минуту, что вашъ трупъ, не только такой, какъ всѣ другіе, но еще что онъ хилѣе, тощѣе, безобразнѣе и изношеннѣе многихъ плебейскихъ труповъ. О! еслибы вы видѣли, какъ, вынувъ запачканую записную книжку свою, онъ хладнокровно отмѣтилъ въ ней « два аршина три вершка. » Еслибъ вы все это видѣли, каково бы было смущеніе ваше!

Черезъ день или два дорожный экипажецъ для вашего послѣдняго путешествія за границу жизни принесенъ, и вы бережно переложены въ него руками того же гробовщика. Суета! суета! Возможно ли, постижимо ли, чтобъ бородатый гробовщикъ могъ быть вашимъ властелиномъ, мѣрять васъ, ворочать, двумя руками обнять, поднять и вложить въ тѣсный гробикъ всю вашу

надменность, все неприкосновенное величіе ваше? О! если бы вы очнулись... Вы снова умерли бы, непремѣнно, въ туже минуту. Послѣ этого, скажите, пристойно ли смотрѣть на гробоваго мастера, какъ на ничтожнаго ремесленника? Чтобъ вполнѣ постигнуть особу гробовщика, узнайте еще, что, какъ бы ни былъ богатъ и роскошенъ вашъ смертный домикъ, и что бы ни пожелала вычеканить на бронзовой доскѣ его спинки спѣсь и чванство вашей родни или вѣчная благодарность вашихъ наслѣдниковъ, гробовщикъ, безъ насмѣшки, безъ злобы, безъ презрѣнія, великодушно исполнитъ ихъ требованія. Ему все-равно; онъ философъ болѣе всѣхъ предстоящихъ; онъ болѣе свысока, нежели кто-либо, смотритъ и лучше понимаетъ эти продѣлки; завинчивая крышу вашего гроба, тогда какъ въ головахъ другихъ вырабатываются удивительные расчеты и соображенія, въ головѣ его вертится такая мысль: « Пускай ихъ себѣ, » — думаетъ онъ, —поглядывая изъ подлобья: « Пускай ихъ себѣ! Гробъ хоть и « облитъ золотомъ хоть заплачено дорогонько за него, все-же « сдѣланъ на-живо, развалится тотчасъ: не увидятъ подъ скле« помъ. На доскѣ хоть и много кое-чего понаписано, а все-же « скоро въ могилкѣ останется только горсть тлѣнія: пускай ихъ себѣ! » — Такія мысли, вѣрно, и во всю жизнь не приходили вамъ на умъ; а онъ, видите, какъ думаетъ: да что! еще пожалуй и при жизни вашей, онъ, глядя на золотую вашу одежду и по привычкѣ относя все къ своему ремеслу, въ раздумьѣ, чудакъ! уже не сравнивалъ ли васъ, кто знаетъ, съ золоченымъ гробомъ, въ которомъ лежитъ мертвецъ, можетъ-быть, истлѣвшій? И послѣ этого какъ же считать его простымъ ремесленникомъ? Онъ философъ, говорю я; кто вы, что вы, ему дотого нѣтъ дѣла; мѣряйте важность свою и значеніе, какъ и чѣмъ хотите, а онъ мѣряетъ ихъ своимъ складнымъ аршиномъ; кто бы вы ни были, когда вы еще живы, еще блестите всѣми отличіями, удивляете толпу и оскорбляете зависть честолюбцевъ, онъ уже съ разумною улыбкою взглядываетъ на васъ и тихо произноситъ: « Гробъ будетъ въ десять четвертей. » — Потомъ, когда уже

вы лежите на столѣ и присутствующіе соразмѣряютъ всячески вышину ходуль, съ которыхъ вы упали, онъ войдетъ, взглянетъ, и опять-таки, прямо, безошибочно, просто, скажетъ: « десять « четвертей длины, тринадцать съ половиною вершковъ ширины! »

Доведя до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики важное открытіе, что гробовой мастеръ, у насъ, еще русскій и вопреки, всѣмъ

намъ не хочетъ итти въ нѣмцы, мы обязаны подѣлиться съ нею другимъ не менѣе важнымъ открытіемъ, составляющимъ рѣзкую особенность нашего героя. Занимая столь важную должность, онъ, если несовершенно одинъ, то одинъ изъ малаго числа должностныхъ, идетъ прямымъ путемъ, не ища связей, дружбы, покровительства, протекцій; обращаясь со всѣми равно, поступая со всѣми одинаково; онъ существенно присуждаетъ и воздаетъ каждому не-болѣе ни менѣе-какъ сколько *по точной мѣрѣ* его особы слѣдуетъ. Въ вѣкѣ, когда со всѣми необходимыми людьми усильно ищутъ сближаться, и когда каждый, желающій имѣть вліяніе на многихъ, тоже ищетъ необходимыхъ сближеній, съ нимъ, необходимымъ рѣшительно каждому, не сближается ни-

кто, хотя окончательно всѣ перейдутъ черезъ его руки — онъ на всякаго будетъ имѣть вліяніе, всякимъ будетъ ворочить, какъ пожелаетъ; и достигнетъ этой цѣли своего назначенія безъ интригъ, пронырствъ и исканій! Да, таково его высокое достоинство, что, для изполненія общенеобходимыхъ обязанностей своего служенія, онъ не требуетъ ни значенія, ни родства, ни свойства, ни знакомства. Вы ищете человѣка въ то время, когда онъ чѣмъ-либо выше другихъ; онъ ищетъ его именно въ то время, когда онъ низходитъ на степень совершеннаго равенства со всѣми. Онъ трудится для пользы каждаго, и, видя въ человѣкѣ утрату того, что̀ другихъ къ нему привлекало, тотчасъ къ нему привязывается, именно въ ту минуту, когда все его покидаетъ! Столь отмѣнная добродѣтель, столь неподкупная честность въ вѣкѣ, когда нравственность со-дня-на-день болѣе слабѣетъ и колеблется, придаютъ гробовому мастеру нѣчто серіозное, важное, какъ-бы древнее. Онъ одинъ изъ современниковъ спокойно шествуетъ въ мірѣ, не смущаемый дурачествами толпы, достойно неся на себѣ патріархальную печать своего завиднаго назначенія; не развращаемый пороками общества, не измѣняемый страстями и даже не подчиняясь всесильному вліянію нравственной и вещественной моды, которая, владычествуя надъ всѣми, во всемъ, передъ нимъ боязливо склоняетъ голову.

Послѣ психологическаго взгляда на обширное семейство гробовщика, познакомимся съ различными его членами, отъ мала-до-велика: вы убѣдитесь, до какой степени судьбѣ угодно было избаловать это интересное существо, увѣрясь, что и въ климатерическихъ переходахъ своего житія оно необыкновенно сходствуетъ съ самымъ очаровательнымъ изъ насѣкомыхъ, съ бабочкою. Таинственное сближеніе! Древніе избрали бабочку символомъ души, ужѐ освободившейся отъ цѣпей тѣлесности. Не то ли самое выражаетъ появленіе гробоваго мастера въ домѣ нашемъ? Вы нигдѣ, никогда не встрѣтите его, доколѣ

цѣпи жизненности еще крѣпко сдерживаютъ двѣ природы наши; но едва совершится съ вами или съ кѣмъ-либо изъ вашихъ таинственное преобразованіе, гробовой мастеръ, какъ символъ и представитель желаннаго перехода ужé тутъ, и первый знаменуетъ полетъ души изъ мрачной темницы свѣта къ счастливымъ равнинамъ безбрежной вѣчности.

Меньшій изъ братій этого занимательнаго семейства, то-есть, первое видоизмѣненіе, или первый возрастъ, по выраженію толпы, есть гробовщикъ низшаго разряда; вы назвали бы его гробовщикомъ-плебеемъ, я называю гробовщикомъ-червякомъ, и вы увидите, что онъ во всемъ сходенъ съ насѣкомымъ, въ наименованіи котораго ему было бы несправедливо отказать.

Подобно ему, онъ, незамѣченный, ползаетъ по праху; избираетъ обиталищемъ, въ отдаленныхъ кварталахъ, старые деревянные или полу-развалившіеся каменные дома, помѣщаясь въ низшихъ жильяхъ, въ сырыхъ подвалахъ; онъ любитъ запахъ гнили и тлѣнія; ищетъ мѣстъ пустынныхъ, бѣдно населенныхъ, безмолвіемъ и наружною малодѣятельностью напоминающихъ кладбища, и, подобно имъ, заключающихъ въ себѣ безпрерывную, вѣчную, ужасную работу разрушенія, которая совершается въ смежныхъ съ ними каменныхъ палатахъ огромныхъ больницъ и въ деревянныхъ корпусахъ громадныхъ госпиталей. Эти чертоги страданій и смерти, живые источники его существованія и земнаго блаженства. Здѣсь наука спасать человѣчество, *просвѣтленная*, черезъ долголѣтнюю и недоступную профанамъ практику, до степени ясновидѣнія, торжественно, на цѣлый годъ впередъ заказываетъ гробовщику-червяку многія сотни гробовъ, въ которые неминуемо лягутъ жертвы, обреченныя на неизбѣжную гибель подъ ударами спасителей человѣческаго здоровья.

утъ скромный гробовщикъ - червякъ, безъ вывѣски, гласящей объ его высокомъ достоинствѣ, безвѣстный, въ закопченномъ подвалѣ, скребетъ, точитъ и гложетъ дерево, и, сколачивая изъ него на живую нитку грубые ящики, спокойный, вѣрно убѣжденный въ сбытѣ своей работы, создаетъ себѣ состояніе, тѣмъ вѣрнѣйшее, что объ немъ никто не подозрѣваетъ, что его никто не замѣчаетъ. Что́ можетъ пріобрѣсти онъ, спросите вы, отъ гробовъ, которые продаются, по русской пословицѣ, едва-ли не дешевле пареной рѣпы? Что? Разрѣшите сперва, что́ можетъ пріобрѣсть старая баба или отставной солдатъ, продающіе лѣтомъ совершенно – изгнившіе апельсины, а зимою столь же гнилыя, и еще притомъ замороженныя яблоки, по два и по три гроша за пятокъ? Не покажется ли страннымъ, если я скажу вамъ, что они пріобрѣтаютъ то же, что добрый взяточникъ, что шулеръ обыгрывающій на вѣрняка, и гораздо болѣе ростовщика, который ссужаетъ молодаго мота? Послѣдній беретъ огромные проценты на ввѣренный капиталъ, первые — не ввѣряютъ торговлѣ никакого капитала, и потому получаютъ не сто, не двѣсти на сто, а все на ничто. Ихъ товаръ не купленъ, не произведенъ ими; онъ гниль и хламъ, выкинутые изъ употребленія; онъ чистый убытокъ однихъ, но для другихъ дѣлается чистымъ прибыткомъ. Такъ дѣйствуетъ и гробовщикъ – червякъ; матеріялъ его — хламъ и ломъ: старые заборы, обшивки и крыши домовъ, собираемыя имъ забезцѣнокъ; инструменты его пила, рубанокъ, топоръ, буравъ; ему не нужно заведенія, не нужно искусныхъ мастеровъ, дорогихъ снарядовъ и снадобій; отпилить по данной мѣрѣ нѣсколько досокъ, подновить ихъ, стругнувъ поверхность

носящую сѣрую печать времени, скрѣпить эти отрѣзки, на живую нитку, нагелями, и гробъ готовъ: покупатели — народъ не взыскательный, непричудливый, спокойный.

Гробовщикъ-червякъ очень хорошо знаетъ, что здѣсь гробъ нуженъ не для того, чтобъ видѣли гробъ, но чтобъ скорѣе не видали мертвеца; онъ знаетъ, что у его покойниковъ если и окажутся родственники, то они не горды: но наслѣдниковъ у нихъ никогда не остается, впрочемъ онъ на все готовъ; сыщись близкій умершаго, пожелай онъ приличія и даже роскоши, — что жъ! Гробовщикъ-червякъ самъ этого желаетъ: онъ замажетъ спаи досокъ того же гроба, покраситъ его разболтанною въ водѣ муміей, и, благодаря этой грошевой издержкѣ, возьметъ за тотъ же гробъ въ шесть разъ дороже; потому-что то будетъ *не бѣлый* гробъ, а *красный* и *безъ течи*. Но въ обоихъ случаяхъ онъ свято сохраняетъ завѣтное правило, что чѣмъ удобнѣе матеріялъ, изъ котораго онъ *пріуготовляетъ* гробы, къ достиженію цѣли своего назначенія, къ быстрому сгнитію въ землѣ, тѣмъ пріятнѣе мертвецамъ настоящимъ, тѣмъ болѣе и скорѣе очистится мѣста будущимъ, тѣмъ выгоднѣе кладбищу, ему, и даже спасителямъ человѣчества, медикамъ, на душѣ, которыхъ каждый не разсыпавшійся въ тлѣніе трупъ, по народному повѣрью, лежитъ какъ-будто тяжелый камень.

Такъ дѣйствуетъ этотъ честный промышленикъ, и, философски продолжая свое существованіе, извлекаетъ, какъ растеніе въ хорошо унавоженной почвѣ, жизнь изъ смерти. Онъ округляется по мѣрѣ наполненія общихъ ямъ и отдаленныхъ частей кладбищъ, въ которыя гошпитали, рабочія артели, мастерскія и низшій трудовой разрядъ городскаго народонаселенія, великіе разсадники смерти, шлютъ богатую подать. Онъ попалъ въ Петербургъ нечаянно, изъ Костромской деревни, на плотничную работу; онъ также нечаянно сдѣлалъ самоучкою первый въ жизни гробъ для своего брата, плотника, изъ досокъ, унесенныхъ съ

подмостковъ и лѣсовъ строившагося дома, на которыхъ бѣдный его братъ былъ убитъ обвалившимся карнизомъ; но этотъ го-

рестный случай пробудилъ въ промышленикѣ всю его природную понятливость, и вотъ онъ сталъ гробовымъ мастеромъ; онъ не возвратится въ Кострому: онъ еще *гробовщикъ-червякъ*, но погодите, погодите.

Глубоки были соображенія нашего плотника передъ избраніемъ новаго пути въ жизни, за то они не обманули его; онъ все предвидѣлъ съ тою вѣрностью и быстротою, которыя даются природному уму. Успѣхи образованности, просвѣщенія, промышлености и гражданственности, дѣятельно ему способствовали. Едва пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ заниматься этимъ дѣломъ, и вотъ онъ уже собирается свивать кокончикъ, чтобъ перейти въ немъ къ второму возрасту, къ состоянію *гробовщика-куколки*.

Зная, что есть растенія предпочтительно любимыя шелковичнымъ червемъ, изъ ихъ прутьевъ вы связываете вѣничекъ, на который полезетъ червякъ, чтобъ завиться въ кокончикъ: гробовщикъ-червякъ, имѣетъ тоже свои вкусы, въ которыхъ инстинктъ его проявляется въ полномъ блескѣ. Округлясь, чувствуя приближеніе втораго возраста своего, онъ самъ составляетъ для себя вѣничекъ: угодно ли знать, къ какимъ прутикамъ онъ прицѣпитъ свою колыбельку?... Привыкнувъ смотрѣть, а не изучать все окружающее, вѣрно вы не изучали топографіи окрестностей тѣхъ помѣщеній тротуарнаго и перваго этажей, въ окнахъ которыхъ стоятъ миньятюрные гробики, розоваго цвѣта, будто свадебныя бонбоніерки, а надъ дверьми нарисованы, не всегда съ натуры, профили какихъ-то красныхъ сундучковъ, въ родѣ устюжскихъ, на круглыхъ ножкахъ, съ аккуратно поставленнымъ стругомъ на крышкѣ каждаго, и съ слѣдующимъ внизу

писаніемъ, на черномъ полѣ желтыми буквами полуславянской фактуры: « Здѣсь пріуготовляютъ разные гробы, » — или затѣйливѣе: «пріуготовленіе гробовъ съ травуромъ и безъ онаго,» или съ краснорѣчивымъ эллипсисомъ: «Отпускаютъ, всякаго сорта,» — или съ неподражаемымъ лаконизмомъ, просто: «гробы,» по-нѣмецки « Кгарп. » Вы полагаете, что найдете здѣсь только гробоваго мастера — такъ, но вы не знаете, что этотъ гробовой мастеръ уже *куколка*; что онъ въ коконѣ, въ центръ котораго вы нечаянно проникли; что этотъ коконъ необходимо прицѣпленъ къ прутикамъ вѣничка... О! догадываетесь! Осмотрите же прутики: начинайте съ любой стороны и идите кругомъ. Что́ вы находите? Кабакъ, мелочная лавочка, будка, ресторація, извощичья биржа, подъ рукой, въ бель-этажѣ смежнаго дома, круглыя, налитыя спиртами яркихъ цвѣтовъ банки на окнахъ, знаменующія аптеку, очень близко квартиры двухъ – трехъ докторовъ, наконецъ, не въ дальнемъ разстояніи, храмъ Божій. Уразумѣвъ необъятную выгоду подобной позиціи, вы справедливо подивитесь инстинкту гробовщика-куколки.

Не только весь кварталъ, но всѣ смежныя улицы, въ огромномъ кругѣ, описанномъ радіусомъ, равнымъ половинѣ разстоянія отдѣляющаго нашего гробовщика отъ другаго собрата его, избравшаго столь же предусмотрительно мѣсто для своей квартиры, принадлежитъ ему не раздѣльно. Онъ властелинъ не жизни, но смерти всѣхъ тутъ живущихъ, большихъ, малыхъ, знатныхъ, бѣдныхъ, рождающихъ, родящихся, словомъ, всѣхъ смертныхъ. Жалѣю о томъ, кто будетъ еще дивиться и добиваться «какъ и откуда можетъ гробовой мастеръ знать въ ту же минуту о каждомъ смертномъ случаѣ, совершившемся въ принадлежащей ему области?»—Помилуйте, то ли онъ знаетъ! Какъ всевѣдущая судьба, онъ знаетъ навѣрное, что вы умрете, и знаетъ это въ то еще время, когда вы, корчась каждые полчаса передъ ложкою микстуры, кормите въ глубинѣ сердца мысль, что эти дивныя приготовленія, черезъ нѣсколько дней, начинятъ васъ рѣшительно въ прокъ. Между-тѣмъ, говорю я, какъ вы питаетесь столь сладкими надеждами, сколь надежными лекарствами, у гробовщика-куколки поспѣшно сколачивается и пригоняется еще одинъ гробъ: это для васъ. Черезъ нѣсколько часовъ на томъ мѣстѣ, гдѣ вы мѣряли мечтами безконечную будущность, гробовщикъ смѣрялъ вашъ весьма конечный трупъ, изъ котораго улетѣли всѣ надежды, но въ которомъ остались нѣкоторыя микстуры. Всѣ поражены; никто не могъ ожидать вашей смерти, только одинъ гробовщикъ зналъ объ ней заранѣе; потому-то онъ тотчасъ явился; потому-то гробъ, за которымъ нужно работать добрую недѣлю, всегда бываетъ готовъ въ тридцать два часа.

Теперь трудно ли разгадать загадку? Ваши люди знакомы необходимо съ будочникомъ, — это политично: кто знаетъ? можетъ, имъ прійдется перейти черезъ его руки; они весьма *вхожи* въ кабакъ, гдѣ разпространяются всѣ новости околодка; въ лавочку всѣ они бѣгаютъ изъ вашего дома, отъ дѣтей до ветерановъ лакейской по сту разъ въ день, а въ лавкѣ, извѣстно, весь

beau monde квартала встрѣчается для разговоровъ; для всякаго экстреннаго случая они хватаютъ съ биржи извощика, Андрея или Степана, которыхъ уже и называютъ *своими*; дворникъ въ частныхъ сношеніяхъ съ конторою надзирателя; въ продолженіе всей болѣзни лекарства берутся *на книжку* въ ближайшей аптекѣ; прачки по цѣлымъ часамъ разсказываютъ на плоту ваши домашнія обстоятельства огромной, болтливой, полоскающей аудиторіи: ктому жъ онѣ бываютъ нерѣдко въ сношеніяхъ съ говоруньей бабкою-голландкой, на которую стираютъ вашимъ мыломъ, изъ благодарности; вашъ камердинеръ или дворецкій подчуются въ ресторацiи просителями, ищущими ихъ протекціи, поставщиками и всѣмъ народомъ, у котораго, по техническому выраженію, *забираютъ для дому*; псаломщикъ приходскій, извѣстный дока на бильярдѣ, имѣетъ съ ними счеты по этой благородной игрѣ, — а дальновидный гробовщикъ лежитъ себѣ въ кокончикъ и все слышитъ. Ктому же онъ всѣхъ встрѣченныхъ подъ-часъ и самъ угощаетъ *пуншомъ*, если они могутъ быть ему полезны....

Чего же еще болѣе? Вникните подробнѣе въ этотъ лабиринтъ, и вы разгадаете неимовѣрную быстроту распространенія всѣхъ извѣстій, врядъ-ли не превосходящую поразительную быстроту галваническихъ телеграфовъ.

аша куколка спокойно и умно изъ соединенія этихъ элементовъ извлекаетъ себѣ пищу, и такъ удачно, что, не довольствуясь своимъ кругомъ, она поспѣваетъ пріобрѣтать занятія и въ другихъ мѣстностяхъ. Не трудно: гробовщикъ самый радушный хлѣбосолъ, необычайно деликатенъ въ обращеніи, тонокъ, политиченъ въ соображеніяхъ и пріемахъ. Круглый годъ будочникъ отопляясь его стружками, обрѣзками, получитъ еще бѣленькую; съ аптекаремъ Адамомъ Крестьяновичемъ чуть-ли не то у него водится, что́ бываетъ привычно между фортопіанными мастерами и учителями музыки: тамъ съ каждаго рекомендованнаго инструмента музыкальный вашъ учитель получаетъ отъ трехъ до пяти сотъ рублей; здѣсь съ каждаго богатаго покойника маленькая взятка.... Такъ все вяжется въ свѣтѣ!

Дивная жизнь!.... не житье а масляница гробовщику-куколкѣ въ мягкомъ кокончикѣ! Но вотъ онъ вдругъ разрываетъ этотъ кокончикъ и торжественно вылетаетъ изъ него *бабочкою*! куда! Какъ куда? Въ свой собственный каменный домъ, на Литейной, въ Грязной, па Вознесенской.... Немногіе, весьма немногіе, достигаютъ этого возраста; за-то достигнувшіе блаженствуютъ вполнѣ.

Домъ еще малъ: только подвалы и надъ ними этажикъ; но мѣсто выбрано превосходно; всѣ условія прочнаго благосостоянія уже тутъ. Посмотрите, что́ значитъ имѣть крылья! Вывѣска совершенно не та. Ого! Здѣсь вы не увидите ни гроба, ни струга, ни тривіальныхъ словъ — *пріуготовляютъ, отпускаютъ,*

ни ничтожныхъ амплификацій. На окнахъ бронзовые шары, скобки, куски блестящей парчи, яркаго бархата, галуна, тафты свѣтлой какъ радость: подумаешь, что это модная лавка. Длинная вывѣска горитъ издали золотыми буквами въ десять вершковъ: *Тихоморовъ, гробовой мастеръ*. —Какое благородство!... Чувствуешь присутствіе художника; это *bon genre;* тутъ можно остановиться въ каретѣ, выйти и войти. Взойдемте же по чугунной лѣстницѣ въ ясеневую дверь... О! что это! Здѣсь нѣтъ досокъ, стружекъ, опилковъ, гвоздей, клею? По стѣнамъ развѣшаны въ порядкѣ безчисленное множество овальныхъ картонныхъ гербовъ, съ потолка до полу. Чего только на нихъ не намалевано! Боже мой, Боже! Лошади, гуси, рога, луны, рыбы, подковы, раки, клыки, стрѣлы, башни, деревья.... А сколько коронъ, мантій, лентъ, крестовъ! Неужели всѣ тузы перемерли?.... И какъ скоро! Тихоморовъ едва только переѣхалъ въ свой домъ! Неужели здѣсь складочное мѣсто всѣхъ этихъ очарованій жизни?... Нѣтъ: изволите видѣть, это уже не мастерская, а магазинъ аристократическаго гробоваго мастера, *гробовщика-бабочки* то-жъ. Все это тутъ держатъ для почету, и для примѣра, чтобъ вы заранѣе видѣли какъ васъ похоронятъ, если доживете до наслажденія быть похороненными Тихоморовымъ. Очень пріятно, не правда ли? Тутъ такъ много комфорту, все такъ важно и все совершенно какъ слѣдуетъ, *comme il faut*: не стыдно будетъ доѣхать изъ дома до Невскаго кладбища съ такими аттрибутами. Видите-ль, въ углу, четыре тощіе столбика? Конечно, бархатъ грязенъ и протертъ, а галунъ, обвитый вокругъ змѣйкою, очень черенъ, и, утративъ золото, сохранилъ только шелкъ: все же такіе столбики бываютъ только у знатныхъ; да лучшихъ столбиковъ и нѣтъ въ городѣ. Балдахинъ, который на нихъ наставится, а теперь приваленъ къ шкафамъ, въ которыхъ вы замѣтили нѣсколько томовъ « *Гербовника*, » очень тяжелъ и неуклюжъ; онъ будетъ страшно шататься, угрожая паденіемъ: ничего!—не бойтесь, покойникъ извѣстное лицо, слѣдовательно поставятъ тотчасъ человѣкъ восемь ассистентовъ,

не для покойника, а для-того-чтобъ четверо изъ нихъ держали столбики, а четверо кисти; и всѣ будутъ держать ихъ очень рачительно, не изъ почтенія, а въ страхѣ, чтобъ балдахинъ, обрушившись, не превратилъ ихъ самихъ въ покойниковъ. Мантія и шляпа, выставленныя въ магазинѣ на показъ, именно съ иголочки; вы возхищены ими, и заключаете дѣло съ Тихоморовымъ. Но Тихоморовъ, показывая вамъ шляпу, мантію и всѣ принадлежности, увѣряя, что для цѣлой сотни факельщиковъ и тридцати оффиціантовъ всѣ одежды точно такія же, весьма помнитъ, что вы и вся опечаленная родня будете итти *за* гробомъ, а факельщики и вся процессія пойдутъ *впереди* гроба; онъ знаетъ, что вамъ нужно быть важнымъ, погруженнымъ въ грусть: осматривать не пристойно... О! Тихоморовъ самый ловкій и догадливый изъ промышленниковъ: онъ убѣдитъ и влѣзетъ въ сердце; онъ глубоко постигаетъ человѣка, и, занимаясь мертвыми, въ самомъ дѣлѣ только играетъ живыми. Мы надѣемся доказать это фактами; вывѣска его не лжетъ: онъ точно *мастеръ* своего дѣла.

Только семь лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ-какъ Тихоморовъ переѣхалъ въ свой одно-этажный домъ, и вотъ на этомъ домѣ выросло еще три этажа. Какъ это? спрашиваете вы. « Все случай » говоритъ онъ, « ничего болѣе какъ случай! » И точно; на третій годъ *случилась* холера, и Тихоморовъ тотчасъ надстроилъ этажъ; на пятый *случилось*, что грипъ посѣтилъ модный свѣтъ: опять этажъ; на шестой годъ смерть устроила себѣ жатву въ высокомъ кругу старыхъ и богатыхъ сановниковъ.... все это *случилось*, и все необходимо попало въ руки Тихоморова; и вотъ домъ его выросъ вдругъ тремя ярусами. Между-тѣмъ всегда *случается*, что текущій репертуаръ возпаленій, простудъ, чахотокъ, диссентерій, несчастныхъ родовъ, экстренныхъ ударовъ,

и тому подобное, идущій рука-въ-руку съ репертуаромъ баловъ, прогулокъ, модной одежды не по климату, и моднаго образа жизни вопреки природѣ, безпеременно, съ начала осени до начала зимы, съ конца зимы до конца лѣта, то-есть, въ самое удобное для построекъ время, прибавляетъ къ дому Тихоморова то флигелекъ, то кухоньку, или ремонтируетъ его покои, сараи, конюшни, и проч: и отъ этихъ-то именно *случаевъ случилось*, что у Тихоморова мебель отъ Тура и Штрома, что коляска его Яковлевской работы, фаэтонъ-дрожки отъ Туляка, добрые кони съ конюшень Бойцова, жена въ богатыхъ шаляхъ, *фамилія* нанимаетъ уже всякое лѣто дачу на Невѣ и живетъ припѣваючи, а самъ онъ ужé купецъ второй гильдіи. Когда, встрѣтивъ Тихоморова, вы спрашиваете его: « Что, Иванъ Терентьичь, каково идутъ дѣла? » онъ, поминаясь, сладко отвѣчаетъ вамъ:

« Слава Богу! порядочно; такъ-такъ; вотъ, видите, строя вѣчные домики, успѣлъ и себѣ поставить временной домишко. Поживаемъ кое-какъ. Только трудно, очень трудно: наша должность – горестная, заботливая и самая трогательная! »

Соорудивъ отрадное и великолѣпное зданіе своей жизни настоль сообразительномъ фундаментѣ, Тихоморовъ, по утвержденіи послѣдняго камня, предоставляетъ все остальное генію своему, на котораго справедливо полагается, и говоритъ себѣ съ утѣшительною улыбкою: «теперь дѣло въ шляпѣ.» Онъ правъ, никто изъ тѣхъ, кто побогаче, не увернется ужé отъ него.

Судьба какъ будто нарочно избрала любимымъ своимъ баловнемъ гробовщика-бабочку: все у него идетъ какъ по маслу; за милліономъ онъ не тянется, но, пріобрѣтая вѣрно, не боится банкрутства: для него рѣшительно оно невозможно; на товаръ его мода вѣчная, безпереходная; никто не любитъ его издѣлій, но всѣ берутъ ихъ, потому что здѣсь — сдѣлаться потребителемъ

не для покойника, а для-того-чтобъ четверо изъ нихъ держали столбики, а четверо кисти; и всѣ будутъ держать ихъ очень рачительно, не изъ почтенія, а въ страхѣ, чтобъ балдахинъ, обрушившись, не превратилъ ихъ самихъ въ покойниковъ. Мантія и шляпа, выставленныя въ магазинѣ на показъ, именно съ иголочки; вы возхищены ими, и заключаете дѣло съ Тихоморовымъ. Но Тихоморовъ, показывая вамъ шляпу, мантію и всѣ принадлежности, увѣряя, что для цѣлой сотни факельщиковъ и тридцати оффиціантовъ всѣ одежды точно такія же, весьма помнитъ, что вы и вся опечаленная родня будете итти *за* гробомъ, а факельщики и вся процессія пойдутъ *впереди* гроба; онъ знаетъ, что вамъ нужно быть важнымъ, погруженнымъ въ грусть: осматривать не пристойно... О! Тихоморовъ самый ловкій и догадливый изъ промышленниковъ: онъ убѣдитъ и влѣзетъ въ сердце; онъ глубоко постигаетъ человѣка, и, занимаясь мертвыми, въ самомъ дѣлѣ только играетъ живыми. Мы надѣемся доказать это фактами; вывѣска его не лжетъ: онъ точно *мастеръ* своего дѣла.

Только семь лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ-какъ Тихоморовъ переѣхалъ въ свой одно-этажный домъ, и вотъ на этомъ домѣ выросло еще три этажа. Какъ это? спрашиваете вы. « Все случай » говоритъ онъ, « ничего болѣе какъ случай! » И точно; на третій годъ *случилась* холера, и Тихоморовъ тотчасъ надстроилъ этажъ; на пятый *случилось*, что грипъ посѣтилъ модный свѣтъ: опять этажъ; на шестой годъ смерть устроила себѣ жатву въ высокомъ кругу старыхъ и богатыхъ сановниковъ.... все это *случилось*, и все необходимо попало въ руки Тихоморова; и вотъ домъ его выросъ вдругъ тремя ярусами. Между-тѣмъ всегда *случается*, что текущій репертуаръ возпаленій, простудъ, чахотокъ, диссентерій, несчастныхъ родовъ, экстренныхъ ударовъ,

и тому подобное, идущій рука-въ-руку съ репертуаромъ баловъ, прогулокъ, модной одежды не по климату, и модnаго образа жизни вопреки природѣ, безперемежно, съ начала осени до начала зимы, съ конца зимы до конца лѣта, то-есть, въ самое удобное для построекъ время, прибавляетъ къ дому Тихоморова то флигелекъ, то кухоньку, или ремонтируетъ его покои, сараи, конюшни, и проч: и отъ этихъ-то именно *случаевъ случилось*, что у Тихоморова мебель отъ Тура и Штрома, что коляска его Яковлевской работы, фаэтонъ-дрожки отъ Туляка, добрые кони съ конюшень Бойцова, жена въ богатыхъ шаляхъ, *фамилія* нанимаетъ уже всякое лѣто дачу на Невѣ и живетъ припѣваючи, а самъ онъ ужé купецъ второй гильдіи. Когда, встрѣтивъ Тихоморова, вы спрашиваете его: « Что, Иванъ Терентьичъ, каково идутъ дѣла? » онъ, поминаясь, сладко отвѣчаетъ вамъ:

« Слава Богу! порядочно; такъ-такъ; вотъ, видите, строя вѣчные домики, успѣлъ и себѣ поставить временной домишко. Поживаемъ кое-какъ. Только трудно, очень трудно: наша должность – горестная, заботливая и самая трогательная! »

Соорудивъ отрадное и великолѣпное зданіе своей жизни на столь сообразительномъ фундаментѣ, Тихоморовъ, по утвержденіи послѣдняго камня, предоставляетъ все остальное генію [illegible] му, на котораго справедливо полагается, и говоритъ себѣ съ [illegible] шительною улыбкою: «теперь дѣло въ шляпѣ.» Онъ [illegible] кто изъ тѣхъ, кто побогаче, не увернется ужé отъ [illegible]

Судьба какъ будто нарочно избрала *любимыхъ* [illegible] немъ гробовщика-бабочку: все у него идетъ [illegible] милліономъ онъ не тянется, но, *пріобрѣтая* [illegible] банкрутства: для него рѣшительно [illegible] его мода вѣчная, безпереходная: [illegible] по всѣ берутъ ихъ, потому что здѣсь [illegible]

значитъ быть уже потребленнымъ самому смертью; а смертъ безпрерывно потребляетъ всѣхъ, не слушая ни нашихъ жалобъ, ни благодареній Тихоморова. И сколько нравственныхъ и физическихъ условій фортуна разсыпаетъ для его процвѣтанія! Не постижимо! Взглянемъ на печальный счетъ, лежащій у меня подъ глазами, и пообдумаемъ.... У *гробовщика-бабочки* печальный счетъ нынѣ пишется ужѣ очень четко и красиво, иногда на бумагѣ съ фигурною литографированною заголовкою или съ печатною рамкой. Счетъ этотъ мейстерштюкъ ремесла.

ПЕЧАЛЬНЫЙ СЧЕТЪ.

О погребеніи Господина Генерала... и прочая (слѣдуетъ полнѣйшій титулъ, со всѣми должностями и крестами) *происшедшемъ сего мѣсяца, дня и года.*

(Цѣны самыя умѣренныя и рѣшительныя.)

Ассигнаціями.

I. **ГРОБЪ**, высшаго качества, съ внутреннею просмолкою и обивкою жестью, крытый венецейскимъ бархатомъ, съ бронзовыми, золочеными скобами, львиными такими же лапами, съ цѣльнымъ серебряпымъ подъзолотомъ газомъ съ такими же кистями и шнурами чистой канители, съ гродетуровыми Парижскимъ подъбоемъ, съ нижнею и головными подушками пуховыми, крытыми бѣлымъ французскимъ атласомъ, съ двойными узорчатыми рюшами, какъ прилично . . . . . 830 р — к.

II. **БРОНЗОВАЯ ЗОЛОЧЕННАЯ ДОСКА**, высокой чеканки, съ фамильнымъ гербомъ Его Высокопревосходительства (опять полный титулъ), и съ надписаніемъ . . . . . 146 » — »

III. **БОГАТЫЙ ПОКРОВЪ**, ни разу еще неупотребленный, серебрянаго глазету съ золотымъ десейномъ, и кистями, для пріобрѣтенія 1700, а напрокатъ . . . . . 300 р. — к.

ВЪ ДОМѢ.

IV. **ОБИВКА ПЕЧАЛЬНАГО ПОКОЯ** черными дра-де-дамомъ, по новѣйшему десейну, съ кругами на потолкѣ и подзоромъ бѣлой кисеи съ серебрянымъ гасомъ . . . . . 200 » — »

V. **БОГАТЫЙ КАТАФАЛКЪ**, шесть канделабровъ къ оному и четыре большіе поуглямъ залы, съ новымъ трауромъ, бѣлымъ и черными . . . . 125 » — »

VI. **БАЛДАХИНЪ**, съ строусовыми перьями и короной, на столбахъ, съ кистями и шнурами . 75 » — »

VII. **СЕМЬ ТАБУРЕТОВЪ** съ подушками алаго бархата, кистями и галуномъ, *для кавалерій* . . 60 » — »

VIII. **ВОСЕМЬ ПИСАННЫХЪ**, фамильныхъ Его Высокопревосходительства (опять полный титулъ) гербовыхъ щитовъ на стѣны . . . . . 58 » — »

IX. **БОЛЬШОЙ МАРШАЛЬСКІЙ ЩИТЪ** съ прилично траурною драпировкой на древкѣ . . . . . 40 » — »

X. **ОДЕЖДА ДЛЯ ШВЕЙЦАРА** полная, и *для* шести оффиціантовъ, съ новыми замшевыми перчатками и разноцвѣтными аксельбантами . . . . 56 » — »

XI. **ФЛЕРУ ДЛЯ ПРІѢЗЖАЮЩИХЪ**, и два человѣка *для* навязыванія и нашиванія онаго . . . . . 84 » — »

ВЪ ЦЕРКВИ.

XII.
XIII.
XIV.
XV. } **КАТАФАЛКЪ**, балдахинъ, табуреты и прочая, какъ показано подъ статьями 5, 6 и 7. 215 » — »

ДЛЯ ШЕСТВІЯ.

XVI. **ПЕЧАЛЬНАЯ КОЛЕСНИЦА** о шести лошадяхъ, съ ступенями спускными и съ выдвижною на механикѣ доской; съ нарядным балдахиномъ, съ короною, урнами, перьями и кистями для ассистентовъ . . . . . 225 » — »

XVII. **УСЫПАНІЕ** скорбнаго пути зеленымъ ельникомъ, отъ дому до самаго кладбища . . . . 41 » 40 »

XVIII. **ФАКЕЛЬЩИКОВЪ** 60 человѣкъ въ отличныхъ мантіяхъ, факелы новѣйшаго устройства, спиртованные. . . . . 180 » — »

XIX. **ОФИЦІАНТОВЪ** 20; да къ гербу одинъ, съ двумя при немъ ассистентами . . . . . 124 » — »

XX. **ПОПОНЫ НОВЫЯ**, неупотребленныя . . . . . 35 » — »

XXI. **ГЕРБОВЪ ФАМИЛЬНЫХЪ**, писанныхъ, Его Высокопревосходительства (опять полный титулъ) на попоны, шесть . . . . . 48 » — »

XXII. **ОБИВКА** англицкимъ фасономъ траурнаго экипажа, для семейства Его Высокопревосходительства и прочая, съ гербами на дверцахъ и козлахъ, съ рюшами и фестонами на козлахъ . . . . . 115 » »

XXIII. **ОБВИВКА СБРУИ** . . . . . 25 » — »

XXIV. **ВОЙСКУ ТРАУРА**, а также на музыку и барабаны, разныхъ качествъ и сортовъ, по полученному требованію отпущено цѣною на . 113 » 70 »

XXV. **ОДЕЖДА** печальнаго коня и двухъ конюховъ . . . . . 52 » — »

НА КЛАДБИЩЕ.

XXVI. **ПРИГОТОВЛЕНІЕ МОГИЛЫ** со склепомъ, съ наложеніемъ двойнаго свода, съ прочнымъ смоленымъ ящикомъ и окраскою . . . . . 178 » 30 »

XXVII. **УСТРОЙСТВО** насыпи и поставка временнаго креста съ надписаніемъ. . . . . 57 р. — к.

XXVIII. **ХОЛСТА** для опусканія гроба . . . . . 26 » — »

XXIX. **МЕЛОЧНЫХЪ ИЗДЕРЖЕКЪ**, неупомянутыхъ здѣсь; также на разныя спѣшныя посылки и въ аптеку за хлоровую известь, уксусъ, розовое масло, одеколонь и хлопчатую бумагу, по случаю порчи Его Высокопревосходительства, по причинѣ весьма жаркаго времяни, произведено собственнымъ коштомъ, на. . . 72 » — »

XXX. **ОБОЙЩИКАМЪ** и разнымъ людямъ въ награду, и дабы незатрудняться уже какими либо выдачами . . . . . 80 » — »

ВСЕГО 3,552 р. 40 к.

Мастеръ Иванъ Терентьевъ Тихоморовъ.

Въ Санктпетербургѣ.

При такомъ счетѣ подается заготовленный аттестатъ, въ лестныхъ выраженіяхъ превозносящій приличіе и порядокъ устройства, дешевизну и доброкачественность всего поставленнаго. Остается только заплатить деньги и подписать аттестатъ. А какъ же не заплатить? Этотъ счетъ уже результатъ спорныхъ, почти дву-суточныхъ, вполнѣ утомившихъ васъ торговъ. По первоначальному проекту Тихоморова все должно было обойтись въ 5,732 рубля: послѣ многихъ помарокъ въ артикулахъ, этотъ итогъ вдругъ былъ уменьшенъ тысячью пятью стами рублей; потомъ уступлено еще на статьяхъ отъ пяти до десяти процентовъ. Вы хотѣли многое упростить, но тутъ Тихоморовъ, уже не торгуясь, только напоминалъ вамъ равнодушно:

« Какъ угодно, сударь! но позвольте замѣтить, что балдахинъ безъ перьевъ будетъ совершенно по-купечески;..... флорансъ вмѣсто атласу, и шерсть вмѣсто пуху, употребляются для самыхъ малыхъ чиновниковъ. Пожалуй, можно набить и мочалою, но, не прогнѣвайтесь, такъ хоронятъ только нищихъ..... Гербъ, сударь? Да кто же безъ гербовъ узна́етъ, что это похороны настоящаго болярина? Все, сударь, обратится послѣ на васъ же, и хвала и осужденіе. Впрочемъ, какъ прикажете. На счетъ факельщиковъ и офиціянтовъ, я осмѣлюсь доложить, что у надворнаго совѣтника Бубна, котораго мы вчера хоронили, было ихъ немного меньше...» Тогда вы по необходимости соглашаетесь: вамъ совѣстно уже́ противорѣчить, а ловкій гробовщикъ, довольный успѣхомъ своей стратагемы, приступаетъ къ новой эффектной продѣлкѣ. Изъ особеннаго уваженія къ высокой добродѣтели покойнаго, и, чтобъ доказать вамъ, что кромѣ Тихоморова, никто не можетъ дѣйствовать такъ безкорыстно, онъ выведетъ копѣйка-въ-копѣйку все, во что̀ *ему самому* обойдется заказъ, и докажетъ вамъ цифрами, что, довольствуясь барышомъ не болѣе 250 рублей навсе, онъ долженъ получить 3,552 р. 40 к. По строгомъ соображеніи вы убѣждаетесь въ этомъ сами. Тутъ Тихоморовъ маракетъ старые итоги, выставляетъ 3,552 р. 40 к., и вдругъ, обративъ на васъ взоръ, говоритъ съ умиленіемъ: «Изволите ли видѣть, что честь и доброе мнѣніе для насъ, извѣстныхъ людей, несравненно дороже барыша. » Скажите, послѣ этого, возможно ли не заплатить по счету и не дать аттестата? Гробовщикъ догадливѣе, и потому счастливѣе всѣхъ другихъ промышленниковъ: онъ избираетъ самое удобное время для представленія своей меморіи, куетъ желѣзо пока горячо; вы еще не совсѣмъ простыли, вы взтревожены, тронуты; покойникъ оставилъ вамъ порядочное наслѣдство, — а Тихоморовъ доказалъ вамъ, что похороны были вовсе не роскошныя, но только совершенно при-

личныя, что нельзя было измѣнить ни одного артикула не разстроивъ чинности и пристойности вообще. Нужно поддержать честь, торговаться же теперь поздно, даже стыдно; сомнѣваться въ тождественности счета съ натурою ни къ чему не поведетъ: чѣмъ повѣрить честность гробовщика?.... всѣ свидѣтели зарыты въ могилу; ктому жъ не заплатить за мебель, за экипажъ, за издержки для бала или обѣда еще можно: но за похороны!..... такая мысль не войдетъ никому въ голову. Вы платите, а Тихоморовъ, удаляясь, изъявляетъ пріятное желаніе « и впредь имѣть съ вами дѣло ».

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и вотъ, нечаянно, вамъ попадается подъ руку этотъ печальный счетъ; вы пробѣгаете его съ страннымъ чувствомъ. Все вамъ кажется чуднымъ; вы не понимаете, за что̀ были заплачены деньги; только двѣ статьи, изъ тридцати, были нужны мертвецу, *первая* и *двадцать шестая*: остальныя двадцать восемь, Богъ знаетъ за что̀, отнесены на его особу: онѣ всѣ очевидно были для живыхъ; это пустыя затѣи. Но и въ тѣхъ двухъ статьяхъ, какая горестная сатира!...«Гробъ высшаго качества, жестяная обивка, драгоцѣнный бархатъ, пуховыя подушки, атласъ»!.... и во всемъ этомъ, и на всемъ этомъ.... что?.....

Тутъ вы съ любопытствомъ перечитываете весь документъ, и что статья, то новая горестная улыбка; тогда гробовой мастеръ является въ вашей памяти, какъ нѣчто необыкновенное, рельефное въ этой картинѣ. Вы не можете сообразить, какъ человѣкъ, написавшій подобный счетъ, могъ съ такимъ приличіемъ и даже съ такимъ чувствомъ предаться занятіямъ своего назначенія. Вы помните, что, въ первыя минуты, онъ почти замѣнилъ усопшаго въ домѣ; хлопоталъ обо всемъ, заботливо утѣшалъ домашнихъ, скорбѣлъ съ ними самъ; но безъ слабости, съ достоинствомъ. Какъ нѣжно, какъ почтительно онъ обходился съ покойникомъ. При каждомъ входѣ и выходѣ онъ непремѣнно молился у гроба

и набожно цѣловалъ трупъ; онъ говорилъ даже шопотомъ, какъ-будто боясь нарушить мирный сонъ отшедшаго. Какъ любовно онъ охорашивалъ, какъ кокетливо онъ поправлялъ его для послѣдняго публичнаго торжества! И когда было все совершено, когда, съ крышею въ рукахъ, гробовщикъ взлѣзъ на катафалкъ, какъ горестно онъ созерцалъ лобзанія, рыданія и слезы родныхъ и знакомыхъ, устремившихся къ трупу для послѣдняго прощанья! какъ печально и явственно, хоть и тихо, онъ произнесъ, когда все смолкло: — «не угодно-ли еще кому проститься?» — и, подождавъ около минуты, съ какою торжественностью знаменалъ усопшаго послѣднимъ поцѣлуемъ!.... Послѣ чего, опрятно прибравъ прозрачный покровъ, расправивъ оборку съ фестонами, онъ накрылъ гробъ крышею и привинтилъ ее съ заботливостью скупца, замыкающаго сундукъ, въ которомъ лежатъ всѣ его сокровища. О! гробовщикъ замѣчательное, малопонимаемое лицо! Во время шествія, какъ онъ внушалъ уваженіе факельщикамъ и оффиціантамъ! какъ старался о сохраненіи приличія! съ какою важностью шествовалъ самъ, кидаясь то на одну, то на другую сторону кортежа! съ какимъ глубокимъ понятіемъ цѣны земнаго величія онъ, не утомляясь, повторялъ любопытствующимъ, подходившимъ узнавать объ имени покойника, весь его титулъ и всѣ отличія!

Остановимся и предадимся вмѣстѣ съ вами глубокому, поучительному размышленію....

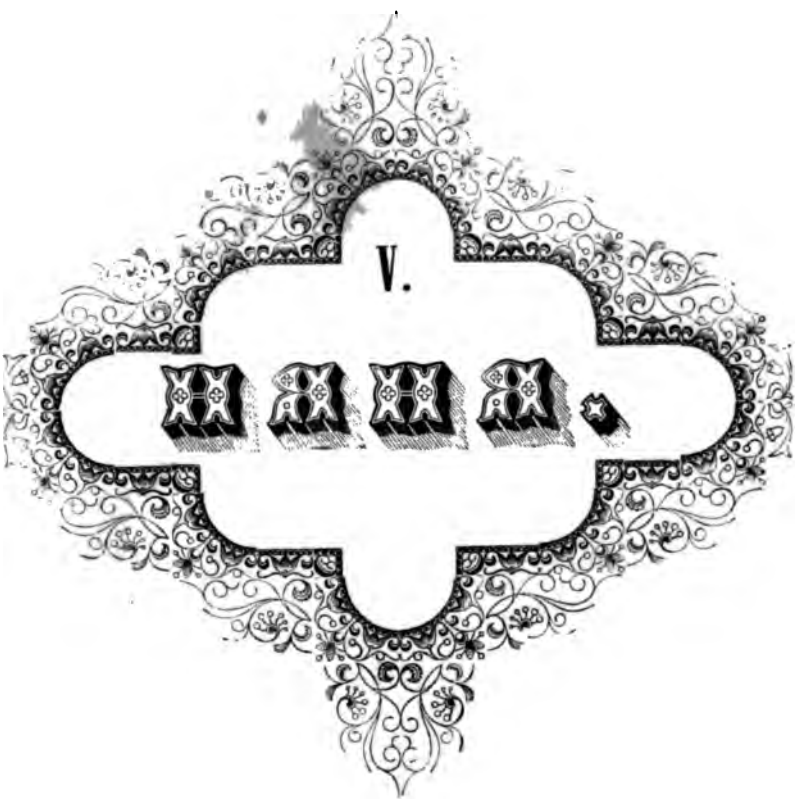
Остается упомянуть объ одной рѣзкой особенности. Гробовой мастеръ рѣдко бываетъ старѣе сорока пяти лѣтъ; привыкая къ перемѣнамъ температуры, живя постоянно на воздухѣ, хлопоча и суетясь безпрерывно, онъ наслаждается хорошимъ здоровьемъ. Нравственное здоровье его помогаетъ процвѣтанію физическаго.

Ежеминутно видя смерть, страданія, стоны, слезы, онъ не смущается ими. Состояніе его быстро ростетъ, и каждая чужая печаль прибавляетъ въ чашу его жизни новую каплю меду, новое наслажденіе и довольство.

Но, приближаясь къ старости, онъ инстинктивно оставляетъ ремесло, передаетъ свои дѣла сыну или другому ближайшему родственнику, и съ спокойствіемъ настоящаго философа пользуется пріобрѣтеннымъ, въ ожиданіи часа, когда для него другой сдѣлаетъ то, что онъ такъ усердно дѣлалъ для всѣхъ, съ кого можно было получить порядочную плату.

Вотъ петербургскій гробовой мастеръ: онъ достоинъ нашего участія. Пожелаемъ же ему успѣха и здоровья, — хотя это значитъ почти то же, что пожелать себѣ смерти!

А. Башуцкій.


V.

НЯНЯ.

Заглавіе этой статьи перенесетъ васъ, любезные читатели и читательницы, за нѣсколько лѣтъ, а, можетъ-быть, и десятковъ лѣтъ назадъ, и возродитъ въ памяти вашей то время, когда, подъ надзоромъ старушки-нянюшки, вы играли, рѣзвились, не знали еще ни строгихъ учителей, ни скучныхъ наставниковъ, ни заботъ общественныхъ, ни людскихъ обмановъ, ничего, что́ послѣ, и именно съ-тѣхъ-поръ — какъ вы отошли отъ няни, набросало на вашу жизнь такъ много черныхъ пятенъ.

Съ воспоминаніемъ объ этомъ безотчетно-благополучномъ времени тѣсно соединено то доброе существо, которое служило неразлучнымъ спутникомъ вашего слабаго младенчества, покоило вашъ сонъ, предохраняло васъ отъ ушибовъ, облегчало вашу болѣзнь, доставляло вамъ забавы, ворчало на васъ, любило васъ; существо, которое вы также любили, и къ которому теперь сохран[illegible]ивязанность и

благодарность. Ежели память объ этомъ существѣ изгладилась въ васъ, то вы вѣрно съ удовольствіемъ воспользуетесь случаемъ возобновить ее. Слушайте.

аши русскія няни всѣ почти на одинъ покрой. Онѣ обыкновенно бываютъ отъ сорока до шестидесяти лѣтъ, и почти всегда худощавы, потому-что заботы и попеченія о дѣтяхъ не даютъ имъ потолстѣть. Лицо ихъ безцвѣтное, доброе покрытое морщинами, руки черствыя, носердце прямое, мягкое, а привязанность примѣрная.

По буднямъ онѣ носятъ ситцевыя платья, голову повязываютъ шелковою косынкою; по праздникамъ, когда могутъ изрѣдка сходить къ обѣднѣ, надѣваютъ чепецъ съ лиловыми бантами, полумериносовое платье, большой дра-де-дамовый платокъ, шерстяныя вязаныя перчатки, и, въ дополненіе наряда, носятъ большой ридикюль, или, лучше сказать, мѣшокъ, сшитый изъ разныхъ ситцевыхъ трехугольничковъ: въ немъ обыкновенно бренчатъ мѣдныя деньги, табакерка, очки, поминальныя книжки и записочки за упокой и за здравіе. По возвращеніи изъ церкви, къ этимъ предметамъ бываютъ присоединены двѣ просфоры. « Богъ милости прислалъ, » говоритъ Агаѳья Семеновна, войдя въ комнату и кланяясь по-очереди всѣмъ членамъ семейства, къ которому она принадлежитъ. « Народу-то, народу-то въ церкви, Боже упаси! Я за васъ свѣчку поставила Угоднику Митрофанію. Ну, дѣтушки, бѣгите, » — продолжаетъ она, обращаясь къ

дѣтямъ, — « бѣгите, просвиркой надѣлю; только, чуръ! крошки на полъ не ронять, просвирка вынутая. » Дѣти обступаютъ няню, она усаживаетъ ихъ около маленькаго столика и, раздѣливъ просфору, даетъ каждому по кусочку.

Няня ходитъ за старшими до трехъ или четырехъ лѣтъ; потомъ они переходятъ къ Нѣмкѣ, или къ Англичанкѣ, а ей достаются меньшія: годовая дѣвочка только-что отъ кормилицы и новорожденный сынокъ. Стра́стная къ своимъ питомцамъ, она мало-по-малу, отвыкаетъ отъ старшихъ, и всю любовь сосредоточиваетъ въ Машенькѣ, годовой малюткѣ, у которой идутъ зубки. Маша пищитъ и плачетъ, прижимаясь къ нянюшкѣ, которая готова вырвать послѣдніе свои зубы, лишь бы облегчить малютку. Машенька дурно спитъ по ночамъ, вскрикиваетъ, стонетъ; няня, какъ безсмѣнный часовой, сидитъ у люльки, босая, въ ночной своей шапкѣ, изъ-подъ которой висятъ волосы. Она качается сама, качая люльку съ извѣстнымъ напѣвомъ: шшшшъ-шшъ... И только слабый свѣтъ ночника— нѣмой свидѣтель ея чистаго чувства и неистощимаго терпѣнія. Если малютка слишкомъ безпокойна,— няня беретъ ее на руки и, тихо припѣвая и убаюкивая, держитъ до разсвѣта — забывая, что сама не спала всю ночь.... кажется, что ребенокъ можетъ спать только ея сномъ, и едва она вздумаетъ положить его въ люльку, онъ просыпается и начинаетъ снова плакать.

Послѣ такой ночи, никто, взглянувъ на няню, и не подумалъ бы, что она, въ то время какъ всѣ въ домѣ покойно спали, просидѣла восемь часовъ сряду, качаясь на своемъ стулѣ и припѣвая. Она одѣта, прибрана по обыкновенію; также мететъ комнаты; также все приводитъ въ порядокъ; только все это исполняетъ съ бо̀льшею осторожностію, потому-что малютка покойно почиваетъ за задернутыми кисейными занавѣсками. Иногда, однакоже, послѣ безсонной ночи, она бываетъ не въ духѣ, и потому ворчитъ на Нѣмку, которая, покинувъ дѣтей въ дѣтской, цѣлый часъ въ сосѣдней комнатѣ моется и холится, и на кормилицу, которая стоя пьетъ свой чай изъ большой кружки. Больше всего досаждаютъ ей старшія дѣти, которыя, играя у столика въ углу комнаты, не смотря на всѣ ея просьбы и угрозы, шумятъ и спорятъ.

« Анна Александровна, » говоритъ няня строгимъ голосомъ, обращаясь къ старшей дѣвочкѣ лѣтъ пяти, большой проказницѣ,

« Бога ты не боишься!.... сестрица почиваетъ.... не шуми, а нето я тебя....

Не успѣла она выговорить послѣднія слова, вдругъ — или дѣти не поладили между собою, или нечаянно—только оловянный сервизъ полетѣлъ со стола на полъ. Въ эту минуту стóитъ взглянуть на изпуганную няню!

« Безстыдница » шепчетъ она, и, вооруживъ гребенкою одну руку, сжавъ въ кулакъ другую, летитъ съ разпущенными волосами на дѣтей.

« Убью на мѣстѣ! » говоритъ няня, приближась къ маленькой Анютѣ, которая, какъ цыпленокъ отъ коршуна, прижалась къ спинкѣ своего стульчика, приподнявъ надъ головою обѣ ручки въ защиту, и лепечетъ умоляющимъ голосомъ: « няненька, миленькая, не я, право не я. »

« И не я, — прерываетъ мальчикъ, — сервизъ самъ упалъ.

Но няня, не слушая ихъ, схватила обоихъ за руки и выпихнула въ другую комнату, ворча имъ вслѣдъ: « вѣдь вы сдѣлаете сестру уродомъ; ахъ ты, Господи! прости мнѣ мои согрѣшенія! продолжаетъ она, осторожно запирая за ними двери.... наказаніе Божье съ этими дѣтьми: долго ль до бѣды! »

Но можно ли повѣрить ея жестокосердію? Она готова за каждаго изъ дѣтей душу отдать, и даже старшія, отъ которыхъ она немного отвыкла, ей во сто разъ дороже самой себя. Когда, во время сна Машеньки, она сидитъ у окна, съ очками на носу, и штопаетъ чулки, надо видѣть, какое негодованіе изображается на ея лицѣ, если до нея долетаютъ угрозы Нѣмки на Анюту или Ѳедю.

Няня потряхиваетъ головою и бормочетъ про себя: « охъ ужъ эта мнѣ проклятая чухонка! Вишь какъ она ихъ мучитъ! Словно за душу тянутъ.... и барынѣ-то охота давать дѣтей ей въ руки. »

Но шумъ въ сосѣдней комнатѣ увеличивается и наконецъ Анюта входитъ къ нянѣ вся въ слезахъ. « Это что? » вскрикиваетъ няня, » стыдись, сударыня!.... стыдись плакать, » продолжаетъ она, смягчивъ голосъ.

« Миленькая няня, Шарлотта Карловна всё бранится, » — жалобно отвѣчаетъ малютка.

— « Отъ-того-что ты ее не слушаешься, » продолжаетъ няня, принимая на себя менторскій видъ. — « *Уничтожь* себя, сударыня, *прекрати* ты твой характеръ. » Потомъ, вынимая изъ кармана какую-то давно лежащую въ немъ конфетку, она, отерши слезы Анюты, говоритъ: « На-ко, заешь горе, горемычная ты моя; ну, чортъ бы ее взялъ твою губернатку.... На-ко, пососи сладенькаго. »

сли на бѣду Шарлотта Карловна, входя въ эту минуту, требовала, чтобы Анюта шла за нею, Агаѳья Семеновна не можетъ воздержаться, чтобъ не сдѣлать ей выговора съ досадою. «Какъ вамъ не стыдно, Шарлотта Карловна! всегда дитя раздразните; и что она вамъ сдѣлала?.... У меня сидитъ умнешенька, а лишь попадетъ къ вамъ, такъ и пошли жалобы да слезы... *Диви* кабы своенравна была, а въ ней *хитрости ни на синь порохъ* нѣтъ.

Съ этими словами она вынимаетъ изъ кармана табакерку и, понюхивая табачокъ съ разстановками, говоритъ въ полголоса уходящей Нѣмкѣ, которая по-нѣмецки что-то объясняетъ Анютѣ. — « Толкуй-ты тутъ! А у самой ни ложки, ни плошки. Нищей взяли въ домъ! Давно-ль такъ спѣсива стала?.... Дискать мамзель, а такая же холопка, какъ нашъ братъ.... А! Сенюшка – голубчикъ» продолжаетъ няня, обращаясь къ мальчику, вошедшему въ дѣтскую за половою щеткою, « на-ко, батюшка, два грошика — сбѣгай, какъ управишься, въ лавочку, принеси табачку; безъ табаку сонъ клонитъ...

— Извольте матушка, Агаѳья Семеновна, извольте, сбѣгаю...

« А ужо зайди выпить кофейку—я славнымъ поподчую; сего-« дня не пятница, и со сливочками можно. »

— Благодаримъ покорно, Агаѳья Семеновна, а мнѣ что-то вчера барскій кофе... не то чтобы... а показался не очень...

« И, да какой они пьютъ!? Вѣдь мамзель варитъ; выдумали, « мѣшокъ въ кофейникъ засунуть, да льютъ, да переливаютъ, а « онъ и выдыхается, да и кипитъ-то только одну минуточку.

ъ домѣ господъ своихъ нянюшки обыкновенно играютъ довольно важную роль передъ остальными служителями и служанками, которые, неизключая и самого дворецкаго, имѣютъ къ нянюшкамъ особенное уваженіе. Ихъ называютъ неиначе—какъ по имени и отчеству, говорятъ имъ *вы* и во всѣхъ особенныхъ обстоятельствахъ обращаются къ нимъ за совѣтами. Ушибётся ли кто? Бѣгутъ къ нянѣ спросить, что́ должно дѣлать? Она поспѣшно отвѣчаетъ: «Ахъ! Мати Божія! Рижскаго бальзаму, — коли есть рана; а если память отшибло такъ открыть скорѣй кровь. Фенюшка достань-ко тамъ бальзамъ »..... и няня бѣжитъ, забывъ и лѣта и старость, на помощь страждущему.

Увидитъ-ли кто въ домѣ страшный сонъ, опять идутъ къ нянѣ за изтолкованіями. Она оракулъ всѣхъ домочадцевъ. У няни всегда въ субботу зажигается лампада передъ образами, съ которыхъ на-канунѣ Свѣтлаго праздника она сама снимаетъ серебряныя ризы, внимательно ихъ чиститъ и приводитъ въ порядокъ.

Няня неутомима съ дѣтьми. Она держитъ на рукахъ двухлѣтнюю малютку, и цѣлые часы пляшетъ съ нею по комнатѣ, припѣвая:

Сударыня, барыня,
Пожалуйте ручку.

или: Жилъ былъ у бабушки
Сѣренькой козликъ.

Малютка въ полномъ удовольствіи приподымаетъ надъ головою свои прелестныя ручонки и мило по-

« Ну, какой ужь это кофей? вода... и цвѣтомъ-то такой свѣт-
« лый...и клею ни крошки не кладутъ. Вотъ ужъ у покойницѣ
« барынѣ, бывало, такова кофею подать не смѣй, сейчасъ при-
« зоветъ да скажетъ: Агашка, велю тебѣ на голову вылить!
« сущія помои! За-то бывало — сварю, дамъ отстояться хоро-
« шенько, да и наливаю въ чашки... А теперь и господа́-то не
« то... и съ житничкомъ пополамъ, мои сердечные, потяги-
« ваютъ. »

Не станемъ изыскивать времени когда, и причинъ по которымъ русская няня такъ тѣсно сроднилась съ этимъ вовсе нерусскимъ напиткомъ, — пусть увѣряютъ одни что онъ необходимъ ей потому что усыпляетъ, — другіе — что онъ необходимъ потому что разгоняетъ сонъ, — какъ бы то ни было онъ любимъ ею чрезвычайно.

Страсть къ кофе простирается въ нянюшкѣ до невѣроятія. Онъ ей почти тоже что хлѣбъ насущный. Она сама его жаритъ, мелетъ и наконецъ варитъ. Кто-бъ ни пришелъ къ ней въ гости, нельзя не поподчивать кофеемъ. Она устала, — « дай-ко выпью кофейку. » — Она озябла — то-же лекарство. Ей что-то скучно, — она опять прибѣгаетъ къ нему же, какъ къ единственному своему утѣшителю. Ей весело, — она спѣшитъ изъ кухни съ своимъ кофейничкомъ изъ красной мѣди, и осторожно уклоняется отъ встрѣчныхъ, чтобы не взболтали ея сокровище. Къ-счастію, кофе напитокъ не только безвредный, но старушки-няни точно какъ будто находятъ въ немъ какое-то цѣлительное свойство отъ болѣзней и печалей.

ъ домѣ господъ своихъ нянюшки обыкновенно играютъ довольно важную роль передъ остальными служителями и служанками, которые, неизключая и самого дворецкаго, имѣютъ къ нянюшкамъ особенное уваженіе. Ихъ называютъ неиначе—какъ по имени и отчеству, говорятъ имъ *вы* и во всѣхъ особенныхъ обстоятельствахъ обращаются къ нимъ за совѣтами. Ушибётся ли кто? Бѣгутъ къ нянѣ спросить, что́ должно дѣлать? Она поспѣшно отвѣчаетъ: «Ахъ! Мати Божія! Рижскаго бальзаму, — коли есть рана; а если память отшибло такъ открыть скорѣй кровь. Фенюшка достань-ко тамъ бальзамъ »..... и няня бѣжитъ, забывъ и лѣта и старость, на помощь страждущему.

Увидитъ-ли кто въ домѣ страшный сонъ, опять идутъ къ нянѣ за истолкованіями. Она оракулъ всѣхъ домочадцевъ. У няни всегда въ субботу зажигается лампада передъ образами, съ которыхъ на-канунѣ Свѣтлаго праздника она сама снимаетъ серебряныя ризы, внимательно ихъ чиститъ и приводитъ въ порядокъ.

Няня неутомима съ дѣтьми. Она держитъ на рукахъ двухлѣтнюю малютку, и цѣлые часы пляшетъ съ нею по комнатѣ, припѣвая:

Сударыня, барыня,
Пожалуйте ручку.

или: Жилъ былъ у бабушки
Сѣренькой козликъ.

Малютка въ полномъ удовольствіи приподымаетъ надъ головою свои прелестныя ручонки и мило по-

ворачиваетъ ихъ во всѣ стороны. Няня вторитъ ему свободною правой рукой.

Когда дитя начинаетъ бѣгать, надо видѣть, какъ няня играетъ съ нимъ въ лошадки или въ прятки. Она становится какъ будто ровестницею своего питомца.

Если ребенокъ тяжело боленъ, что̀ можетъ сравниться съ усердіемъ няни? Кто пошлетъ въ церковь за вòздухами, чтобы накрыть страждущаго младенца, когда его мучатъ судороги, или когда онъ лежитъ въ припадкѣ. Кто окропитъ его Святою водою? Кто, съ горячею молитвою и слезами, положитъ его подъ образа, и на колѣнахъ возлѣ него обратится къ Богоматери и къ Ангеламъ небеснымъ, вымаливая утоленіе его страданій. Кто видитъ муки его ближе, кто чувствуетъ ихъ болѣе няни? Развѣ мать одна.... Сколько истинной любви и самоотверженія требуетъ больной ребенокъ! Сколько нужно силъ тѣлесныхъ, чтобы перенести терпѣливо всѣ заботы; сколько вниманія, чтобъ облегчить хоть немного страданія слабаго существа?! И въ это время ребенокъ смотритъ на няню, какъ на свое единственное утѣшеніе. Невинная душа младенца, не понимая еще разсудкомъ, понимаетъ ужѐ чувствомъ ея неизмѣнную привязанность, ея чистое къ нему соболѣзнованіе.

«Няня,» вотъ слово, которое во время болѣзни онъ постоянно повторяетъ. Взоръ его ищетъ одну няню; ручка его держитъ ее за платье, боясь чтобы няня не отошла. И эти-то существа, такъ тѣсно связанныя съ Ангелами земными, подающія примѣръ самоотверженія, лишающія себя покоя, сна, пищи, — нянушки старухи, худыя, въ морщинахъ, иной-разъ смѣшныя, невѣжливыя и часто странныя до крайности.

Занимательно видѣть притворную злость няни на дѣтей, когда они разшалятся; страшное выраженіе силиться она придать своему лицу, она готова *убить ихъ*, (какъ выражается), а сама живетъ единственно дѣтьми, и не только неспособна сдѣлать умышленно вредъ ребенку, но если бы даже какая-нибудь Шарлотта Карловна вздумала хоть пальчикомъ тронуть одного изъ нихъ, то няня не поцеремонилась бы справиться съ нею по своему, — и врядъ ли нѣмка не очутилась бы за дверью прежде, чѣмъ успѣла разобрать въ чёмъ было дѣло!

ривязанность русскихъ нянюшекъ, этихъ опоръ семейственнаго зданія, къ дому господъ своихъ, истинно ни съ чѣмъ сравниться не можетъ. Ирина Ивановна, второй томъ моей любезной Агаѳьи Семеновны, представляетъ тому разительный примѣръ. По наружности онѣ обѣ какъ будто вылиты въ одну форму. Ирина Ивановна такая же худая, такая же черноволосая съ просѣдью, ростомъ по выше, да по умнѣе; а впрочемъ точь-въ-точь то же лицо. Она живетъ въ домѣ ужъ двадцать лѣтъ; сперва ходила за барышней, потомъ, какъ барышня вышла замужъ, стала ходить за молодою барынею, потомъ начала пеленать да пянчить вновь являвшихся на свѣтъ божій, и наконецъ, съ рукъ на руки, отдала мальчиковъ по Корпусамъ, а дѣвочекъ самой матери, пока женихи не разберутъ.

пая въ слезахъ, говорила: «Хоть бы Господь прибралъ его пья-«ницу! Хоть бы Царица небесная услышала мои грѣшныя мо-«литвы!»

днажды поутру, какъ стали господамъ подавать кофе, оказалось, что серебряный кофейникъ пропалъ со стола, потомъ недосчитались четырехъ чайныхъ ложекъ, подсвѣчника, потомъ еще много другихъ вещей немогли найти; очевидно было, что въ-ночь добрыхъ людей обокрали.

Дали знать полиціи, и на другой день, къ удивленію всего дома, надзиратель прислалъ сказать управителю, что воры пойманы. Господа сидѣли въ кабинетѣ разговаривая объ этомъ произшествіи, какъ вдругъ вошла няня блѣдная, какъ полотно. Она остановилась въ дверяхъ, упала на колѣна и громко зарыдала:

— «Что съ тобою, няня? спросила ее изпуганная барыня.

— «Родные вы мои, благодѣтели вы мои!...» говорила она въ совершенномъ отчаяніи: «отдайте его въ солдаты, отдайте... «Злодѣй! сгубилъ онъ меня, окаянную! отдайте въ солдаты!

— «Что̀ такое? скажи, няня, повторилъ баринъ, кого въ солдаты?

— «Его, мой батюшка, его, моего сына, стонала няня едва «внятнымъ голосомъ, кланяясь до земли. «Онъ, разбойникъ, «привелъ къ вамъ воровъ! Онъ обокралъ васъ, мои кормилицы, «мои благодѣтели!.... Вотъ она, его вольная.... Отдайте его въ «солдаты.... Господи Боже мой! какъ не разшибъ меня пара-«личъ! До чего дожила я,... Царица небесная!» — Рыдая, она ломала себѣ руки и, падая къ ногамъ господъ казалось, не выносила своихъ страданій.

— «Полно, няня, успокойся,» говорила ей госпожа, подымая ее. «Ну, Богъ его разсудитъ... Неубивай себя... онъ можетъ еще «раскаяться... исправиться... онъ дитя...»

ѣтъ, нѣтъ!» продолжала няня не-[illegible] качая головою, «ему ли образумиться, когда [illegible] ся ворамъ ввести въ вашъ домъ? Ему ли исправиться, когда онъ не пожалѣлъ матери родной? — Батюшка ты мой,» сказала она, [illegible] обратив-шись къ барину и указывая на [illegible] «[illegible] тутъ [illegible]. мой кормилецъ [illegible]... [illegible] [illegible] Пресвятая я Царица небесная. [illegible] на меня [illegible]...

Тронутые господа старались [illegible] успокоить [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

было ее видѣть.... Любовь матери почти уступала привязанности къ дому господъ. Преступный сынъ ея не могъ поразить ея сердца бо́льшимъ го́ремъ, но чувство преданности къ своимъ благодѣтелямъ превозмогало его. Время, мало-по-малу, смягчило печаль старухи. Дѣти, ею взрощенныя, утѣшали ее. Она стала спокойнѣе, и только по воскресеньямъ въ церкви, по горячимъ слезамъ, съ которыми она молилась, можно было замѣтить, что тяжкое чувство таилось въ ея душѣ.

ожетъ быть многіе, прочитавъ этотъ примѣръ, замѣтятъ, что изъ него нельзя вывести общаго заключенія; я скажу только, что приведенный мною разсказъ взятъ съ натуры, и что не одно такое произшествіе, но много другихъ, которыя я имѣю передъ глазами, могутъ доказать преданность нянюшекъ къ дому господъ своихъ. Впрочемъ, ежели кто не захочетъ повѣрить мнѣ, пусть самъ съ безпристрастнымъ вниманіемъ поищетъ, посмотритъ, поразвѣдаетъ, и тогда онъ увидитъ въ какомъ множествѣ представятся передъ нимъ эти добрыя старушки, со всею ихъ оригинальною простотою, съ полнымъ ихъ усердіемъ и нелицемѣрною привязанностью.

Если теперь мы захотимъ найти источникъ этого вполнѣ развитаго и сильно утвержденнаго чувства, любви и самоотверженія, то, кажется, не ошибемся, когда скажемъ, что онъ находится въ крѣпостномъ состояніи. Няни знаютъ, что не имѣютъ права покинуть тѣхъ, кому принадлежатъ, чтобы искать другаго мѣста,

и потому, примѣняясь къ образу мыслей и нраву своихъ господъ, всѣ свои способности онѣ обращаютъ на то, чтобы стараться имъ угодить, сродниться съ ними привязанностью и благодарностью, которыя годами упрочиваются такъ родственно, что наконецъ эти люди, такъ сказать, прививаются къ семейству, какъ необходимые его члены. Онѣ видятъ въ дѣтяхъ, за которыми ходятъ, что-то свое, часть собственнаго бытія... Онѣ какъ-бы вторыя ихъ матери... Съ какою гордостію говоритъ няня, выглядывая изъ-за двери въ залу, гдѣ танцуетъ и веселиться молодежь: «Посмотри-

«ко, Карповна, вишъ, вонъ офицеръ — что теперь танцуетъ.... «вѣдь это мой.... каковъ молодецъ!.... на глазахъ родился!....» Или, указывая на молоденькую дѣвушку: «смотри, смотри, моя-«то красавица — словно пава — ужъ какъ ни гляди, а всѣхъ лучше... И умна, и ловка-то, и ласкова.» Теперь старинныя нянюшки выводятся. Молодыя маменьки нашего вѣка находятъ, что онѣ не довольно образованы, что воспитаніе начинается съ пеленокъ, а онѣ объ воспитаніи понятія не имѣютъ и пр. Я имъ

«И, матушка, сударыня!» говорила она простосердечно, «я «рада радешенька, услышавъ, что вамъ нужда въ деньгахъ... А «говори вы по-французски — ничего бы не знала. Не у кого «занять? А вы и забыли, что я тутъ. Да и назадъ-то этихъ де- «негъ я во вѣки вѣковъ не возьму!» Сказала, да и пошла себѣ плясать *качучу* съ ребенкомъ въ другую комнату.

Сестра глядѣла ей въ слѣдъ, и невольно слезы навернулись на глазахъ. Въ эту минуту вошелъ ихъ домашній докторъ, добрый Нѣмецъ, который впрочемъ по-русски, какъ и по-французски одинаково смѣшно объяснялся. Замѣтивъ разстроганный видъ сестры, онъ спросилъ, что́ было тому причиною; сестра, съ нѣкоторымъ чувствомъ гордости, разсказала ему поступокъ няни. Докторъ, знавшій необыкновенное попеченіе няни о дѣтяхъ, ея неистощимое терпѣніе и доброту сердца, при разсказѣ сестры пришелъ въ совершенное возхищеніе: «Vous avez là, madame, «dans cette vieillarde une capitale impayable!..» провозгласилъ онъ, значительно покачивая головою.

. . . . *ва.*

Шевченко

VI.

ЗНАХАРЬ.

(Посвящается А. Н. БАШУЦКОМУ).

Великое дѣло знахарь! Почетиѣе его нѣтъ не только въ томъ селеніи, гдѣ онъ живетъ, но и въ цѣломъ околоткѣ. Что̀ вашъ атаманъ; что̀ вашъ голова! Да чего? самъ панъ-писарь волостной, передъ которымъ и голова, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ, за три шага, торопится снимать шапку, упреждая его поклономъ, и накрывая голову гораздо послѣ него, когда панъ-писарь едва только приподыметъ свою шапку, да поскорѣе и надѣнетъ снова, — такъ вотъ, и эта важная персона, панъ-писарь, говорю я, передъ знахаремъ — ничто!

Посмотрите только, когда знахарь выйдетъ изъ дому, что за важными его занятіями случается очень рѣдко, посмотрите, когда онъ покажется на улицѣ, что̀ тутъ происходитъ? Кто бы ни шелъ, хоть за самымъ необходимымъ дѣломъ, завидѣвъ *Дядюшку Радивоновича,* какъ бы далеко онъ ни былъ, даже въ трескучій морозъ, *хлопчикъ* [1]) ли то или лысый старикъ, всѣ спѣшатъ снять шапку, заранѣе сходятъ съ дорожки, по которой идетъ знахарь, быстро смотрятъ на его приближеніе, и когда онъ съ ними поравняется, отвѣшиваютъ ему поклонъ, какого ужé не можно ниже, и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ къ себѣ вниманія. — Вотъ, въ концѣ улицы сидятъ *молодицы* [2]) кучами, собравшіяся работать вмѣстѣ, чтобъ дѣло шло «скорѣе;» чего онѣ не нанесли съ собою? тутъ и гребни для пряденія, и *ветушки* [3]) для мотанія нитокъ, и скроенныя рубахи и пяльцы ручныя, въ которыхъ впялено полотно и ужé начаты красными нитками вышиваемыя,

хустки или рукава къ рубашкѣ,... всё повынесено молодицами, засѣвшими въ кружки; передъ каждою ея работа, и онѣ работаютъ, думаете вы?... Куда! Некогда. — Мóтря Сюсюрчиха разсказывала преудивительную исторію, какъ она вчера

[1]) Мальчикъ. — [2]) Женщины. — [3]) Мотушки.

вечеромъ доила корову, да не могла отыскать *глéчика* [1]), чтобъ вылить въ него молоко.... Видите, какое приключеніе!! Всѣ разомъ опустили работы изъ рукъ, положили веретена, пороняли иглы... и еще не пришли въ себя отъ удивленія, какъ вдругъ *Грициха* [2]), та—что живетъ подлѣ «попова колодезя,» начала́ разсказывать пренеобыкновенное обстоятельство прóшедшаго мѣсяца; какъ она искала по всей хатѣ ключа отъ *скрыни* [3]), а ключь очутился у нея же, у пояса подлѣ *калитки* [4])!! — Грициха разсказываетъ это произшествіе въ тридцать-седьмой разъ, но она такая мастерица разсказывать, что всѣ съ одинаковымъ вниманіемъ слушаютъ ее, забывъ о работахъ. Такъ у нихъ все идетъ, какъ вотъ Явдóха Шпóнячиха, (взятая изъ господскаго села, въ молодости служившая при барышняхъ и даже ѣздившая съ ними въ городъ, гдѣ видѣла какъ собаки танцуютъ подъ скрыпку), только было-начала разсказывать что-то *интересненькое*, анъ всѣ молодицы, разомъ откинувши работы, вскочили, вытянулись въ струнку, сложили руки, да съ почтеніемъ и глядятъ впередъ... Чего-жь бы это? — Чего?! Завидѣли знахаря, который медленно идетъ вдоль улицы; не можно-же противъ него быть *не звычайною* [5]), надобно честь отдать, низенько поклониться. Не сдѣлай-ко этого, кто хочешь, какъ бы ни былъ онъ старъ или малъ, увѣряю васъ, даромъ не пройдетъ. Старикъ еще не дойдетъ до дому, а ужь непремѣнно либо споткнётся, либо палку изъ рукъ выронитъ, либо закашляется сильно. На молодаго-же или нападутъ собаки такъ, что едва отобьется отъ нихъ, либо повстрѣчается товарищъ, да и заведетъ его совсѣмъ не туда куда онъ шелъ, либо, пожалуй, не застанетъ того, къ кому спѣшилъ. Женщина, не отдавшая почтенія знахарю, не менѣе потерпитъ: того и смотри—при шитьѣ сломается игла, или мужъ безъ причины будетъ сердиться, или дѣтей не скоро забаюкаетъ. Будь же то дѣвка, увѣряю васъ, любимую ленту изъ косы потеряетъ, ошибется въ узорѣ при вышиваньи хустки будущему жениху, или

[1]) Кувшинъ. — [2]) Жена Григорья. — [3]) Сундукъ. — [4]) Сум[illegible]чекъ. — [5]) Неучтивою.

что-нибудь другое непріятное навѣрное случится... Да-таки всякій, ктобъ ни былъ, непремѣнно почувствуетъ на себѣ гнѣвъ знахаря за непочтеніе; если не въ то же время, такъ на другой, на третій день, бѣда прійдетъ, пожалуй, и черезъ мѣсяцъ; а все же прійдетъ, такъ ужъ не минетъ! — Ого!! Великій человѣкъ знахарь! Опасно прогнѣвать его!

За-то, какое утѣщеніе, когда знахарь къ кому внимателенъ. Если на поклонъ при встрѣчѣ онъ приподнялъ шапку (что весьма рѣдко), да взглянулъ пріятно, или еще потѣшилъ ласковымъ словомъ, тогда такой счастливецъ ни чѣмъ *не уважаетъ*, и хотя бы два десятскіе пришли вести его въ волостное правленіе, не боится ужѣ онъ ничего, въ совершенной увѣренности, что знахарь къ нему милостивъ и *силою* своею не допуститъ *изобидѣть* его. Хозяйка, услышавъ отъ «дядюшка Радивоновича» ласковое слово, спокойна, борщъ у нея сварится отлично, напрядетъ она въ тотъ день много, и дѣти будутъ крѣпко спать всю ночь. Если же дѣвка удостоена такой чести, то она въ полномъ восторгѣ, и каждый вечеръ уже выглядываетъ *старостъ* [1]) отъ подмѣченнаго ею *парубка* [2]).

Такъ-то, знахарь можетъ однимъ словомъ осчастливить всякаго человѣка! Великое-же это слово! За-то ужь не разговорится онъ много, а развѣ только чуть-чуть что выговоритъ, да и то сквозь зубы; а подите же вы съ нимъ, какую силу имѣетъ и ничтожное слово его! Разберите сами, иному скажетъ онъ: «А! что? да?» — Тотъ и не пойметъ, къ чему оно сказано, да ужь послѣ и отирается. Или скажетъ: — «*Идешь?*» — Тутъ двояко: когда ласково, то все будетъ хорошо; когда же съ насмѣшкою или съ сердцемъ, то хоть и не ходи: увѣряю не будетъ успѣха. Попробуйте, когда не вѣрите.

Знахарь вполнѣ понимаетъ свою силу, потому-то и размѣряетъ, на кого какъ взглянуть, кому что и какъ сказать. Онъ рѣдко

[1]) Сватовъ. — [2]) Парня.

выходитъ изъ дому, но уже не сдѣлаетъ и шага не разсчитаннаго, не придуманнаго прежде. Вотъ идетъ онъ, идетъ, и хоть вовсе не по дорогѣ, а пошелъ же мимо волостнаго правленія. Тамъ собирается *громада* [1]), потолковать о какомъ-то общественномъ дѣлѣ, съ которымъ нужно спѣшить; завтра думать будетъ поздно. Собралось уже большое число хозяевъ и стариковъ, голосъ которыхъ уважается громадою; не подошло еще нѣсколькихъ для полнаго числа; толкуютъ хорошо; почти положили на мѣрѣ. Ужъ панъ-писарь, въ ожиданіи прихода прочихъ, готовится писать приговоръ, какъ вдругъ проходитъ мимо «дядюшка Радивоновичъ;» и не къ волости же идетъ онъ, а проходитъ только мимо; сталъ напротивъ, посмотрѣлъ на собирающуюся громаду, подумалъ, покачалъ головою... отворотился... да и пошелъ себѣ своею дорогою...

— «Бросайте дѣло!» — вскрикнули всѣ сшедшіеся на *пораду* [2]), кинувшись къ своимъ палочкамъ; надѣли шапки и пустились расходиться. Сколько ни удерживай ихъ голова или хоть самъ панъ-писарь, никто не останется; всѣ говорятъ въ одинъ голосъ: «не будетъ ладу съ нашей рады; развѣ не видѣли, какъ «дядюшка Радивоновичъ» закачалъ головою? Жди добра! Да хоть до ночи толкуйте ничего не будетъ! Не даромъ же онъ покачалъ...» Разойдутся всѣ, не смотря ни на какую надобность, ни на какія требованія своего начальства. — Чтожъ? Такъ и вышло, какъ предсказалъ знахарь: покачалъ головою, дѣло-то и не сдѣлано! — Вся волость твердитъ объ этомъ и удивляется силѣ знахаря!

Въ другомъ случаѣ, когда напр. нужно прибавить пану-писарю жалованья, придать работниковъ, земли нарѣзать и т. под. — бываетъ иначе. Видятъ пана-писаря, вечеромъ пробирающагося глухими переулками; подъ полою свиты несетъ онъ что-то, да замѣтно, что и за пазухою есть кое-что, и въ обоихъ *кишеняхъ* [3])

[1]) Мірская сх[illegible] — [2]) Сов[illegible]т. — [3]) Въ карманахъ.

не пусто. Повстрѣчается-ли съ нимъ кто, и, какъ должно, снявъ шапочку, низенько поклонится и *звычайно* [1]) спроситъ: «А куда васъ, панъ-писарь, такъ не рано Богъ несетъ?» — Тотъ, едва дотрогиваясь рукою до своей высокой *смушковой* [2]) шапки, отвѣчаетъ ему сухо и съ досадою: — «*маю* [3]) дѣло до человѣка. Знай себѣ, Климъ, не распрашивай чего тебѣ не нужно.» — Этотъ съ *облизнемъ* [4]) себѣ пошелъ, а панъ-писарь прокрадется къ самому знахарю и отъ него, уже поздненько, возвращается домой, мурныча подъ-носъ что-то, въ родѣ пѣсеньки. Въ карманахъ его, за пазухою и подъ полою — ужé пусто...

Вотъ и сходится громада. Всѣ почетные старики и настоящіе хозяева уже собрались, не смѣли уклониться, послано отъ волостнаго правленія объявить всѣмъ что есть дѣло важное, что неотмѣнно нужны на пораду сами хозяева, чтобъ молодыхъ не высылали на громаду, а сами бы приходили. Какъ тутъ ослушаться? Пособрались, усѣлись; голова, прокашлявшись и посматривая на пана-писаря, начинаетъ предлагать громадѣ «о необыкновенныхъ трудахъ пана-писаря, какъ-де онъ, не заботясь вовсе о своемъ хозяйствѣ, не собираетъ для себя ничего, а все время посвящаетъ на благо общее; ночь и день пишетъ бумаги, и начальство всѣ его бумаги похваляетъ, и наша волость идетъ *въ отличныхъ*.» За такіе полезные труды пана-писаря, когда онъ самъ о себѣ не радѣетъ, надо поблагодарить его всѣмъ обществомъ. Тутъ предлагается мѣра награды: собрать по чемъ съ души, и поднести пану-писарю, или отдать ему во владѣніе такую-то земельку, или что-либо тому подобное.

Панъ-писарь стоитъ въ сторонкѣ. Услышавъ такое предложеніе головы, онъ съ изумленіемъ на него смотритъ.... Когда-же дойдетъ дѣло до вознагражденія, махнувъ рукою, онъ съ неудовольствіемъ и гнѣвомъ отворачивается; на глазахъ громады чешетъ съ явнымъ негодованіемъ свой чубъ, и какъ будто гово-

[1]) Учтиво. — [2]) Бараньей. — [3]) Имѣю. — [4]) Со стыдомъ.

рить: «Какой вздоръ несетъ голова! Кчему это! Стоило-ли безпокоить добрыхъ людей и собирать громаду!»

На предложеніе головы самые почтенные изъ стариковъ отвѣчаютъ съ великимъ уваженіемъ, что имъ всѣмъ извѣстны труды пана-писаря, извѣстны его недостатки, (это разумѣется о жизненныхъ потребностяхъ), и что нужно бы ему пособить; но времена не тѣ.... неурожай хлѣба....

— «Падежъ скота,» подхватываетъ другой, объясняя бѣдственныя послѣдствія.

— «Увеличеніе числа неимущихъ, повинности за которыхъ легли на обществѣ,» прибавляетъ третій.

— «Стѣсненіе отъ проходящихъ командъ... починки дорогъ... возка суда»... говорятъ другіе. Тутъ посыплются всеобщія возраженія, ведущія къ тому, что не то время, чтобы думать о награжденіяхъ.

Голова замѣтно смущенъ подобнымъ противорѣчіемъ; панъ-писарь, напротивъ-того, внѣ себя отъ удовольствія! Движеніемъ рукъ, мотаніемъ головы, онъ, кажется, поддерживаетъ каждое мнѣніе, опровергающее предложеніе; еслибъ не противно было приличію, онъ вѣрно добавилъ бы многое къ доводамъ стариковъ. Онъ ужé не можетъ выдержать и говоритъ въ полъ-голоса, стоящимъ сблизи: «Богъ знаетъ, что это вздумалось пану — головѣ, Уласовичу, хлопотать обо мнѣ! я послѣдняго готовъ *рѣшиться* [1]) скорѣе, нежели съ міру, съ добрыхъ людей, взять хоть нитку.» — Такъ онъ говоритъ, съ глубокимъ чувствомъ, а самъ поминутно скоса поглядываетъ въ окошко....

Разсужденія идутъ къ концу, головѣ не остается ничего болѣе прибавить; но вотъ, въ углу, отъ дверей отшатнулся народъ, —

[1]) *Лишиться.*

говорящіе примолкли. — «Что тамъ? кто тамъ?» спрашиваетъ встревоженный голова, воображая, не набѣжалъ-ли становой, — «ктожъ тамъ?» повторяетъ онъ, присматриваясь въ уголъ.

— «Дядюшка Радивоновичъ пожаловалъ!» шепнули въ толпѣ, съ почтеніемъ произнося это имя.

Голова, не оставляя своего мѣста, привсталъ, кланяясь дядюшкѣ Радивоновичу и прося его пожаловать на почетъ, въ высшее мѣсто; ссадилъ находившихся возлѣ, знаками повелѣвъ другимъ разступиться передъ важнымъ посѣтителемъ. Народъ посторонился. Знахаря почти ведутъ подъ руки; проходя онъ посматриваетъ на всѣ стороны, ни на комъ не останавливая вниманія; на инаго, однакоже, взглянетъ привѣтливо, иному даже улыбнется! Дойдя до головы, знахарь поклонился съ уваженіемъ, но отказался сѣсть подлѣ него, а началъ осматривать всѣхъ ближайшихъ, которые почтительно встали; тутъ выбралъ онъ какого-то изъ старичковъ, извѣстнаго по простотѣ, но кроткаго со всѣми и добраго къ бѣднымъ, и, отведя стоявшихъ возлѣ, занялъ мѣсто старика, усадивъ его близехонько къ себѣ, съ приговоркою: «съ тобою мнѣ хорошо!» Съ завистью глядя на старика и тутъ же перетолковывая слова дядюшки-Радивоновича, всѣ говорили шопотомъ: «не знаемъ, кому-то изъ нихъ лучше! посмотрите, какъ этому старичку ни отсюда, ни оттуда пошлется счастье!»

И точно, не прошло же ему даромъ такое отличіе; черезъ двѣ недѣли купилъ онъ корову, и что-то дешево, а она возьми да и роди ему черезъ полгода отличнаго теленка! — Такъ вотъ что значитъ вниманіе такого человѣка, какъ дядюшка Радивоновичъ!

Пожалуйте-же, что дѣлается на громадѣ? — Все замолкло. Дядюшка Радивоновичъ сидитъ себѣ, наклонивъ голову и палочкою своею чертитъ что-то по землѣ. Замѣчающіе каждое дви-

женіе его стараются изтолковать, что́ онъ это, и «на чью голову» чертитъ?

При всеобщемъ молчаніи, знахарь вдругъ поднимаетъ голову и спрашиваетъ: «А что̀, панъ-голова! о чемъ вы радитесь?» Голова объясняетъ о сдѣланномъ громадѣ предложеніи.

— «Ну-те! ну-те! толкуйте; а я послушаю умныхъ рѣчей!» сказалъ знахарь и наклонилъ опять голову; между-тѣмъ улыбка его изъ-подъ густыхъ рыжеватыхъ усовъ выражала: «увидимъ, что̀ скажутъ!»

— «А вотъ, — люди говорятъ ..... говори-ко, Ѳома, что ты говорилъ».... сказалъ голова, обратясь къ бѣлобородому старику, первому начавшему возраженія.

— «Да я говорю...» началъ — было Ѳома твердымъ голосомъ; но тутъ взглянулъ на него знахарь такимъ окомъ, что Ѳомѣ всю спину морозомъ обдало. — «Да вотъ и люди говорятъ ... говорите-же, дядки...,» уже́ едва произнесъ Ѳома, и вдругъ замолкъ, съ трепетомъ въ сердцѣ, желая угадать, что́ заболитъ у него, когда такъ взглянулъ дядюшка Радивоновичъ? А уже́ даромъ такой взглядъ не пройдетъ?

Прочіе дядки молчали. Знахарь же, посматривая на всѣхъ, какъ будто требовалъ, чтобъ каждый высказалъ свое мнѣніе.

— «Да мы.... мы говоримъ то... мы...» послышалось — было съ разныхъ сторонъ; но каждый изъ начинавшихъ встрѣчалъ взоръ знахаря и, теряя послѣдующія слова, умолкалъ.

Выждавъ нѣсколько и не слыша ничего, знахарь съ неудо-

койно. Изъ возвращающихся были и такіе, которые не говорили, а думали себѣ, и то оглядываясь, чтобы кто не подслушалъ ихъ мыслей: «Жаль денегъ, для ненасытнаго пана-писаря, а что̀ будешь дѣлать? Дядюшка Радивоновичъ пожелалъ такъ. Можно бы и не согласиться, но жена и дѣти дороже, нашлетъ на нихъ бѣду, что̀ тогда дѣлать?»

Такъ-то много значитъ въ цѣлой волости одинъ знахарь! А каждая изъ нихъ, во всѣхъ нашихъ губерніяхъ, имѣетъ своего, состязающагося въ славѣ съ другими, живущими въ около-лежащихъ селеніяхъ. Народъ такъ привыкъ вѣрить, что непремѣнно въ кучѣ ихъ есть одинъ «*знающій слово*,» могущій наслать бѣду, отвратить успѣхъ въ предпринятомъ дѣлѣ, помѣшать сватьбѣ, изпортить скотину, или напустить болѣзнь на семью, на село; народъ такъ привыкъ, говорю я, что если нѣтъ охотника на такую славу, то придадутъ ее кому нибудь противъ воли; не отбожится, не отмолится человѣкъ, что онъ ничего не знаетъ! «Какъ-то не знаетъ?» разсуждаютъ они, «повѣрь ему! А отчего-же онъ ходитъ, повѣсивъ голову? Отчего рѣдко взглянетъ на кого; а если и взглянетъ, такъ не спроста? Вонъ, встрѣтилъ Марка, да и спросилъ его только: «А куда ты? домой? Поспѣшай, поспѣшай!» Марко пришелъ домой: глядь, у него далъ Богъ родины!! Какъ же бы онъ это сказалъ, *не знавши* ничего?! Нѣтъ, знаетъ, непремѣнно знаетъ!» Вотъ отъ молвы и пошелъ человѣкъ быть знахаремъ; всѣ пустились къ нему; всѣ ищутъ чрезъ него счастія, или просятъ избавить отъ бѣды.

Сметливому и разсчетливому человѣку не много сто̀итъ сдѣлать тутъ свою славу. Не нужны ему ни опытъ, ни ученіе, ни сверхъестественныя дѣйствія; все, при маленькой хитрости, прійдетъ само собою.

Вотъ наприм. нашъ, котораго всѣ жители, господа и простые, знаютъ подъ именемъ дядюшки Радивоновича, смолода вовсе

не обѣщалъ, чтобы изъ него вышелъ знахарь. Былъ онъ весельчакъ, краснобай, на сватьбахъ первый *танцюра* [1]), на сходьбищахъ не умолкаемый *джмутъ*. Послушайте-же, какой случай нарекъ его знахаремъ. О случай! случай да уменье... великое дѣло!

Дядюшка Радивоновичъ былъ еще парубкомъ, и звался просто Данило. Въ одну ночь, нагулявшись на вечерницахъ, въ веселомъ расположеніи духа возвращался онъ домой съ товарищами. Проходя мимо хаты Кирика, старика безсемейнаго, болѣвшаго уже пятая недѣля, видитъ онъ въ окнѣ большой свѣтъ. Оставя товарищей, Данило подошелъ къ окну, и что-же?... Кирикъ успокоился; лежитъ на лавкѣ, покрытъ церковнымъ покровомъ; надъ нимъ ярко горитъ *ставникъ* [2]), въ углу же, свернувшись, двѣ старушки спятъ крѣпкимъ сномъ. Вздумалось Данилѣ попроказничать. Съ однимъ товарищемъ входитъ тихо въ незапертую дверь избы, съ осторожностью, безъ шума, чтобъ не разбудить старухъ; шалуны снимаютъ мертвеца съ мѣста, ставятъ его у дверей, подперши чѣмъ попало, и даютъ ему въ руки длинную кочергу. Устроивъ все, молодцы тихомолкомъ выходятъ изъ избы. Тутъ Данило, подойдя къ окну, крѣпко стучитъ и кричитъ во весь голосъ:

— «Добрый день!»

— «А кто тамъ?» — хрипливо спрашиваетъ одна изъ старухъ пробудясь.

— «Свои,» отвѣчаетъ Данило, «у васъ свѣтится, дозвольте попросить огня *запалить люльку* [3]).»

— «А вотъ встану, погоди немного,» поворачиваясь и покашливая бормочетъ старуха... и вдругъ вскрикиваетъ не своимъ голосомъ: «Охъ, лихо! Явдóха, Явдóха!!...»

[1]) Балагуръ. — [2]) Большая свѣча изъ церкви. — [3]) Закурить трубку.

Явдоха просыпается и, зѣвая, спрашиваетъ: «А чего ты, Домаха!

— «Смотри!... Кирикъ!...» едва можетъ выговорить Домаха.

Явдоха взглянула на лавку, — Кирика нѣтъ тамъ; Кирикъ съ кочергою гуляетъ по хатѣ и остановился у дверей... Дрожа всѣмъ тѣломъ, бросились старухи на печь; кричатъ, визжатъ; отъ страха духъ имъ захватываетъ.

— «Ой, лишечко!... пропали мы съ душами!... Кто въ Бога вѣруетъ, помогите! ратуйте! ратуйте!...

Давъ имъ накричаться, Данило опять стучитъ въ окно, и, перекричавъ старухъ, спрашиваетъ, что̀ случилось?

— «Глянь... глянь на дверь!... Охъ, лишечко наше!...» вопили онѣ.

Данило заглянулъ въ окно, и, замѣтивъ, что старухи наблюдаютъ за нимъ изъ-за печи, значительно покачалъ головою: «Что̀ ты это, дядя, дѣлаешь? сказалъ онъ, шалишь, какъ мальчикъ какой! Кстати-ли тебѣ такъ пугать добрыхъ своихъ сосѣдокъ! «Не бойтесь, тетушки; я сейчасъ все исправлю.» Съ сими словами вошелъ онъ въ избу, осторожно проходя близъ покойника, чтобъ не повалить его...

Увидѣвъ, что Данило безбѣдно прошелъ мимо страшнаго мертвеца, старушки пріободрились, вылѣзли изъ-за печи и начали просить Данилу: «что хочешь возьми, только освободи отсюда наши души. А когда знаешь въ чемъ *силу*, угомони его, чтобъ лежалъ смирно!... Мы такъ *перелякались* [1]), что чуть живы; выпусти, покуда еще духъ въ насъ есть.»

— «Не бойтесь, тетушки, вовсе ничего не будетъ,» успокоивалъ ихъ Данило, засучивая рукава и приготовляясь къ какому-то дѣйствію. Старухи ободрясь рѣшились не уходить, чтобъ

[1]) Перепугались.

видѣть что́ произойдетъ. Обратясь къ мертвецу, Данило началъ говорить какъ-будто живому: «Стыдно, дядя, такъ проказить. Полно, иди, ложись на мѣсто... Подай сюда кочергу... видишь! еще не даетъ!... О, да ты, братъ, меня не знаешь!... Мараба! Тараба! Параба!» Съ этимъ словомъ онъ выхватилъ кочергу, откинулъ подпорки, схватилъ на руки валящагося мертвеца и закричалъ: А! ты еще и бороться со мною вздумалъ! Такъ нѣтъ, дядя, не на того напалъ! Туруру! буруру! марару!!» — и крѣпко облапивъ тѣло, Данило дотащилъ его до лавки, положилъ и, приводя все въ прежнее положеніе, приговаривалъ: «Не по своей силѣ ты вздумалъ, дядя, спорить со мною! Силенъ и ты, правда, а что? кто кого поборолъ!? Тото-же; смотри у меня! Приказываю тебѣ отнынѣ и до вѣка лежать смирно, не пугать добрыхъ людей; не то — я близко! — Не бойтесь теперь, тетушки, ужь онъ вамъ ничего не сдѣлаетъ.»

Старушки не охотно однакоже отпускали Данилу, но продержали его пока разсвѣло, и пришли прочіе сосѣди...

Еще утромъ по всей слободѣ пошла страшная вѣсть, что, когда надъ умершимъ Кирикомъ, ночью, сидѣли сосѣдки, Домаха и Явдоха, онъ, въ глазахъ ихъ, вдругъ всталъ, схватилъ кочергу, и принялся колотить ихъ приговаривая: зачѣмъ въ молодости не пошла ни одна за него! Навѣрное онъ перебилъ бы ихъ на смерть, еслибъ не явился, — кто его знаетъ какъ и откуда, — Данило; бросившись на мертвеца, онъ началъ бороться съ нимъ. Страшно было смотрѣть на нихъ: то Данило одолѣетъ, то мертвецъ свалитъ Данилу... Наконецъ Данило не выдержалъ, сказалъ какія-то ужасныя слова... Хата потряслась, мертвецъ грянулся о полъ, Данило же внезапно неизвѣстно какъ и куда дѣвался, а старухи, напуганныя порядкомъ, положили покойника и всю ночь сидѣли надъ нимъ, безпрестанно говоря, какъ будто съ присутствующимъ Даниломъ, чтобъ мертвецъ боялся и болѣе не вставалъ.

Не знаю навѣрное, случилось ли это такъ, какъ разсказываютъ старухи, или какъ я разсказываю; кто-нибудь изъ насъ конечно лжетъ, вѣрно однакоже то, что про Данилу пошла молва, будто онъ *кое-что* знаетъ и чуть-ли не съ-тѣхъ-поръ-какъ, помните, проходилъ какой-то москаль и ночевалъ у Данила; вѣрно онъ научилъ его всему.

Зналъ Данило объ этой молвѣ, но ему мало ея. У него была *дядина въ третьихъ* [1]), промышляла она печеніемъ *бубликовъ* [2]), да какъ-то неудачно сбывала свой товаръ. Напротивъ того, Скиданка, другая торговка этимъ лакомствомъ, не успѣвала напекать, такъ у нея разхватывали, почти изъ пе́чи покупали.

Вотъ однажды, уже къ вечеру, Данило, подойдя къ кучѣ разговоривавшихъ женщинъ, подсѣлъ къ нимъ съ бубликами въ рукѣ. Замолкли что-то женщины, а Данило, доѣдая предпослѣдній бубликъ, началъ похваливать: «что за *мудрые* [3]) бублики печетъ эта Скиданка! на удивленіе! Ѣшь не отъѣшься отъ нихъ! Одинъ только остался, спрячу, послѣ ужина полакомлюсь!» —

[1]) Впучатнаго дядп жена. — [2]) Калачей. — [3]) Вкусные.

Вынувъ изъ-за пазухи платокъ, Данило завернулъ въ него бубликъ и положилъ опять за пазуху. Долго говорили о томъ, о сёмъ, и нечувствительно рѣчь пала опять на преотмѣнные бублики... «посмотрите, тётушка, что за тѣсто! разломишь такъ глядѣть завидно!» Съ этимъ словомъ вынимаетъ Данило изъ-за пазухи платокъ, разворачиваетъ... вмѣсто бублика... страшно сказать ...змѣя! Ей Богу, змѣя!... живехонькая; свернулась также бубликомъ, а сама движется и головку выставляетъ. Какъ увидѣли это всѣ сидѣвшіе, такъ и ахнули! отъ ужаса не могли слова вымолвить. Данило же, покачавъ головою, сказалъ: «Ну, Скиданка! хорошими бубликами ты меня было накормила! Куда тебѣ справиться со мною!»

Съ-тѣхъ-поръ кончилась мода на Скиданкины бублики. Никто не покупаетъ ни одного. Помилуйте, какъ покупать? Съѣшь бубликъ, анъ, это не бубликъ, а живая змѣя! О Данилѣ же еще бо́льшая пошла слава, и не только по своей слободѣ, но и въ сосѣднихъ начали знать его, потому, что Скиданка, потерявшая

здѣсь кредитъ, должна была перебраться въ другую слободу, гдѣ, желая опорочить Данилу, разсказала, что онъ ея бубликъ превратилъ въ змѣю, не понимая что тѣмъ сама еще больше прославляетъ знаніе его. Дошло до того, что нѣкоторые знахари изъ другихъ селéній, пріѣзжали учиться у молодаго Данилы. Они сами знали все, но отъ змѣи не знали *слова*. Онъ научилъ ихъ какимъ—то таинственнымъ словамъ и наставилъ, какъ при этомъ должно взять змѣю за шиворотъ... Но это важный секретъ... не скажу вамъ.

Теперь видимое дѣло, что нашъ Данило знаетъ *кое-что*,» говорили старики бесѣдуя между собою; «посмотрите, парень еще молодой, что̀ ему? двадцать годовъ съ небольшимъ; а глядите, какъ подпоясывается? Отъ молодыхъ отсталъ и все придерживается старичковъ, все подражаетъ имъ; ходитъ важно, не очень-то по сторонамъ зѣваетъ, съ кѣмъ встрѣтится не разговорится, а все свое думаетъ.»

— «Что сталось съ нашимъ Даниломъ?» толкуютъ парубки, «отсталъ вовсе отъ насъ; никогда не выйдетъ поучить насъ новой пѣсни или игру затѣять. Чего онъ ходитъ, какъ будто потѣрялъ что? Да какъ же ему и быть иначе? пустился въ знахари. Самъ объѣзжаетъ ихъ, по сосѣдству, и всѣ къ нему пріѣзжаютъ. Такъ ходитъ, такъ смотритъ, какъ совершенный знахарь. Да и родился на то. Чего ужь онъ не знаетъ?... Змѣй въ руки беретъ!... пришелъ на наши вечерницы, сидитъ себѣ и — ничего; вдругъ сказалъ: «а что̀, хотите я вамъ накличу змѣй полную хату?» Мы какъ услышали такъ и разбѣжались всѣ, кто куда! Не весело было бы сидѣть между змѣями!!... Родится же такой умный человѣкъ, что *все* и *отъ всего* знаетъ!?»

— «Хорошо я сдѣлала» говорила Варька, своимъ подругамъ-дѣвкамъ «что не посылала къ Данилу, чтобъ сватался меня. Какъ видно, такъ онъ совсѣмъ знахаремъ сталъ. Вчера мой

батька съ нимъ что-то поспорилъ — приходитъ домой, а мать и жалуется, что корова перестала молоко давать. Данила все это надѣлалъ, ужь некому больше; у насъ въ слободѣ никого такого нѣтъ. Хороша бы я была, еслибы за него вышла! Онъ бы и мною ворожилъ, да чего? не скрылась бы отъ него ни въ чемъ таки... ни въ чемъ.»

ъужасомъ выбѣжала Мела́шка Потапиха къ прочимъ хозяйкамъ, сидѣвшимъ въ рабочій день на улицѣ, съ работами въ рукахъ; отъ страха она едва могла говорить. «Знаете-ли сосѣдушки-голубушки, что̀ случилось со мною? — Мужъ мой въ полѣ; быкъ у насъ захворалъ, такъ мой Потапъ выпросилъ у Герасима, того самаго, что помните, купилъ объ Алексѣевской ярмаркѣ у Де́риполы, кажется, за́ сорокъ, ровно, не то съ рублемъ, — вотъ ужь этого не могу вамъ сказать; ну и нужды нѣтъ;... такъ вотъ мужъ мой въ полѣ, а у него уже такая натура: пока не кончитъ, не броситъ дѣла, я къ нему примѣнилась и знаю. Одинъ разъ, вотъ-то смѣхъ былъ! починяетъ онъ сапогъ, вече́ромъ, при свѣчкѣ, а это было противъ четве́рга... какое?... противъ четверга я платье бучу, а тутъ, помню, шила рубаху, не мужу, а просила меня кума изъ колодежнаго хутора; знаете-отдавала дочь замужъ, такъ я и помогала ей обшить дѣвку... О, да и дѣвка-то важная была!... Нуте, такъ я, знавши мужнину натуру, что онъ, не кончивши работы не воротится домой, къ вечеру стала было варить ему кое-что. Какъ вдругъ вошелъ Данило, а онъ у насъ рѣдко бываетъ. Тетушка, говоритъ, нѣтъ ли у тебя новаго горшечка, въ которомъ бы ничто съ роду не варилось?

Я слышавъ что про него люди говорятъ, что онъ знахарь, такъ испугалась, что опустила руки, да и говорю: есть.—А пожалуйте мнѣ. Я и подала. А онъ, вотъ ей Богу правда! вынулъ изъ кармана какія-то травы, положилъ въ горшечекъ, налилъ водою, принесенною съ собою въ бутылкѣ, поставилъ на огонь, да самъ и началъ шептать, что-то такое страшное, что я ничего и не разобрала. Стою себѣ ни жива, ни мертва. Простудивъ отваренную траву, Данило влилъ воду въ бутылку, а траву завернулъ въ бумагу и пошелъ, да крѣпко наказывалъ, чтобъ я никому не разсказывала. — Это, сказалъ онъ, на помощь людямъ, такъ не годится всякому знать. Я ему побожилась, что никому не скажу, пожалуйста сосѣдушки, не говорите и вы, чтобъ онъ не наслалъ мнѣ какого худа...»

Такъ кончила Потапиха двухчасовой свой разсказъ, со многими отступленіями, которыя я рѣшился не включать въ это сокращеніе.

«Можно-ли, чтобы мы кому сказали?» заговорили всѣ сосѣдки вдругъ, «развѣ ты насъ не знаешь? *мужикамъ* [1]) своимъ не скажемъ.» Я только и скажу, сказала одна, своей сосѣдкѣ; у ея кума дитя больное, такъ пусть сходитъ къ Данилу. Когда варилъ зелье какое, то вѣрно ужь это лекарство. Надо и мнѣ сходить къ своей дядинѣ, у нея сынъ чахнетъ. — И мнѣ... и мнѣ... И вотъ, всѣ, обѣщавшія хранить въ тайнѣ пересказанное имъ, пошли разносить по всей слободѣ и пересказывать, также за тайну, всѣмъ роднымъ и знакомымъ.

Кандидатъ въ знахари ловко все разсчиталъ и мѣтко совершилъ выборъ повѣреннаго своей тайны. Предвидя послѣдствія, онъ тотчасъ приготовился, зная, какъ нетерпѣливо любопытство.

Только лишь настало утро, у него собралось нѣсколько женщинъ съ ребятами грудными и едва ползающими, съ дѣтьми

[1]) Мужьямъ.

малыми и большими; мужчины, женщины и старухи, пришли и стояли около хаты, во дворѣ и около двора; всѣ хотѣли войти, но ни кто не смѣлъ первый помѣшать важнымъ занятіямъ Данила. Стоявшіе близъ оконъ и дверей видѣли и слышали хозяина дома, замѣчали, что онъ знаетъ о приходѣ ихъ, но, не получая дозволенія войти, не рѣшались даже просить о томъ. Не скоро уже самые нетерпѣливые и отважные, пробравшись сквозь толпу, осмѣлились проникнуть въ хату. Войдя, по обычаю помолились, привѣтствовали хозяина; но онъ, стоя у стола, не глядѣлъ на нихъ. Столъ былъ уставленъ разными горшечками, стклянками, и заваленъ пучками разныхъ травъ; Данило смѣшивалъ жидкости въ горшечкахъ по выбору, и сливалъ въ стклянки разныхъ видовъ и мѣръ; травы же собиралъ изъ разныхъ пучковъ по-нѣсколько, сворачивалъ вмѣстѣ и откладывалъ по сторонамъ. Все это дѣлалъ онъ съ большимъ вниманіемъ, не глядя на пришедшихъ и нашептывая что-то... Предстоящіе не смѣли шевельнуться, и съ благоговѣніемъ смотрѣли на важныя дѣйствія. Вотъ онъ кончилъ, окинулъ глазами присутствовавшихъ, и какъ будто тутъ впервые замѣтилъ ихъ... «Что вы скажете, люди добрые? зачѣмъ пришли?» спросилъ онъ ихъ, убирая въ-сторону все приготовленное.

— «А вотъ пришли мы».., начали говорить не смѣло и все по частямъ, какъ встарину наши бояре правили посольскія рѣчи; «слышали, что помогаешь въ нуждѣ.... вчера варилъ зелья.... помоги и намъ...»

— «Что за народъ такой!» возклицаетъ Данило, будто про-себя, ударивъ руками о полы, и садясь на лавку, въ концѣ стола. «Вчера такъ пришлось, негдѣ было больше, какъ у Потапихи сварить кое-что, а она и разпроповѣдывала по всей слободѣ! О женскій язычекъ! Я, люди добрые, такой же грѣшный какъ и вы. Учиться н[redacted]е учился, да этому и не учатся. Это не есть какая [redacted]ги пошить или свиту скроить. То лекаря [redacted]ы обучены лечить другихъ,

не правда! этому научиться не можно, а *дается* оно человѣку особенно. Кое-что зналъ, то и приготовилъ. Самъ хотѣлъ идти къ тѣмъ, кому нужно и кому пособить, а вы всѣ пришли ко мнѣ. У меня помощь отъ болѣзней есть, а отъ смерти никто не избавитъ.»

ока онъ это говорилъ, въ хату набилось много народа, особливо женщинъ, съ дѣтьми на рукахъ; къ одной изъ близъ-стоявшихъ Данило тутъ же обратился, и, увидѣвъ на рукахъ ея двухлѣтняго мальчика, больнаго, высохшаго, сказалъ: «Вотъ какъ, и ты принесла своего! Кто ему поможетъ? Неси, давай ему ѣсть чего пожелаетъ; пусть наѣдается.» Женщина, залившись слезами, вышла отъ знахаря. Всѣмъ встрѣчающимся она говорила, рыдая, что ея Микитка *не выдужаетъ* [1]), знахарь сказалъ, что онъ умретъ, и велѣлъ кормить передъ смертью всѣмъ, чего онъ только пожелаетъ.

Къ другимъ Данило былъ милостивѣе. Только взглянетъ на инаго ребенка, тотчасъ и узнаетъ отчего онъ боленъ; но прямо не скажетъ, а все намекомъ: «Все зависть!» съ упрекомъ говоритъ онъ, «чего тутъ завидовать на чужое дитя? Кому какое Богъ счастье въ чемъ послалъ; кому въ *худобѣ* [2]), а кому въ дѣтяхъ; такъ надобно-ли волю давать глазамъ! Охъ глаза,

[1]) Не выздоровѣетъ. — [2]) Въ имуществѣ.

глаза!» Да тутъ и дастъ какой воды, или травы, или порошка, и наставитъ какъ принимать.

Инаго дитяти хоть не подноси и не подводи: не хочетъ и смотрѣть на него. Бѣдная мать оплачетъ его заранѣе; когда уже знахарь и не взглянулъ, а только рукой махнулъ и отворотился, видимое дѣло, что ребенокъ умретъ. — А вотъ онъ выходился. Чтожь? «знахарь отгадалъ,» говоритъ мать, «не далъ лекарства, рукой махнулъ, значило, что онъ и безъ лекарства выздоровѣетъ. Экой знающій нашъ Данило!»

Кромѣ приносимыхъ и приводимыхъ дѣтей, были и взрослые: молодой парень жаловался, что одна женщина злая на него, что онъ не сваталъ ея дочери, поднесла ему что-то въ водкѣ, онъ выпилъ и чувствуетъ, что у него въ животѣ развелись змѣи, сосутъ сердце, онъ видимо сохнетъ. — Дано лекарство. Дано и всѣмъ жаловавшимся на болѣзни насланныя, и произшедшія отъ подобныхъ же причинъ. Однимъ розданы засушенные корешки, другимъ засушенныя головки, кости лягушекъ, ящерицъ, и пр. съ наставленіемъ носить на шеѣ «три-девять» дней, чтобы отошла *насылка* и впредь не приставала.

Приходили и старухи, едва державшіяся на ногахъ. Всѣ жаловались, что отъ лихихъ людей нѣтъ имъ житья; одной сосѣдка похвалялась: будешь-де ты меня помнить! съ тѣхъ поръ ее задушаетъ кашель. Другая жаловалась, что Кондратъ, старый мельникъ, посмотрѣлъ на нее такъ пристально, что у нея ноги подкосились, и что съ тѣхъ поръ съ трудомъ можетъ она пройтись по хатѣ. И всѣ онѣ жаловались на болѣзни, на недуги насланные отъ злыхъ людей, никто на старость. Знахарь надѣлялъ снадобьями, и обѣщалъ, но всегда такъ за[illegible] что нельзя было рѣшительно угадать, предсказывалъ[illegible]овленье,

или смерть. Въ первомъ случаѣ дивились его искусству, во второмъ, его предвидѣнію! «Сказалъ же,» говорили люди, «когда будешь пить лекарство, все пройдетъ скоро; такъ и вышло, третьяго дня не пережила: скоро прошло все; удивительно какъ знаетъ!!»

Въ деревняхъ и сосѣдъ не приходитъ къ сосѣду съ пустыми руками, всегда приноситъ хлѣбъ, паляничку и т. п. какъ же къ знахарю, прося у него помощи, прійти безъ всего или принесть что неважное? Не можно никакъ. Вотъ каждый изъ приходящихъ, по мѣрѣ надобности и достатка, везетъ и несетъ, кто разной муки, кто водки штофъ, кто денегъ, — и каждый, участвуя въ приношеніи, въ прибавокъ не называетъ уже знахаря просто Даниломъ, а величаетъ какъ и другихъ, почетныхъ въ слободѣ людей, по отчеству; вотъ и пошелъ онъ «*Радивоновичемъ.*» Придавъ же себѣ паружность поважнѣе, отростивъ бороду, начавъ подпоясываться хорошимъ поясомъ, пошире складывая его, и выступая по улицѣ важно, онъ, при какомъ-то случаѣ, вдругъ сказалъ пришедшимъ къ нему за помощью:

«Дивился я, что въ сосѣдней волости молодаго человѣка кличутъ всѣ: дядюшка Семеновичь; не зналъ тому причины, да уже мнѣ другіе разсказали. Онъ, говорятъ, хотя и молодъ человѣкъ, но много намъ добра дѣластъ. Отводитъ несчастія, избав-

ляетъ отъ всякихъ болѣзней. Ну, когда заслужилъ, такъ правильна такая честь. Буду и я трудиться, чтобъ хотя на старости дожить до почтенія?» Въ тотъ же день Данило имѣлъ удовольствіе слышать, что всѣ уже величали его, дядюшкою Радивоновичемъ. Съ тѣхъ поръ кто-бы ни проѣзжалъ черезъ слободу, слыша, что называютъ дядюшку Радивоновича, тотчасъ догадывался, что онъ знахарь и самъ отдавалъ ему почетъ.

Съ открытія практики знахарь убѣдился, что онъ обезпеченъ въ своемъ содержаніи. Данило оставилъ заботу о хозяйствѣ, отцовскій скотъ разпродалъ; паціенты его и имѣвшіе въ немъ надобность, обработывали землю, весь доходъ самымъ честнымъ образомъ сдавали ему, не смѣя обмѣрить, обвѣсить или обсчитать его въ бездѣлицѣ. Возьми что-нибудь изъ принадлежащаго дядюшкѣ Радивоновичу, такъ тебя схватитъ за животъ, такъ что и жизни не радъ будешь; приплотишься еще ему же за леченіе втрое, нежели что взялъ, а *хворьба* [1]) въ барышахъ. Дядюшка Радивоновичъ, продавъ выгодно отцовскій дворъ, купилъ пригодный для себя домъ въ концѣ села, особнякъ, надъ озеркомъ, а тутъ же и лѣсокъ близко,... такъ что, кто ни взглянетъ, тотчасъ отгадаетъ, что тамъ *не простой* живетъ. Данило смѣло могъ не запирать въ своей хатѣ дверей, потому-что самый злой человѣкъ побоялся бы сдѣлать ему какое лихо, чтобъ не случилось и съ нимъ бѣды, какъ когда-то, давно, пострадалъ одинъ простякъ, хотѣвшій обокрасть знахаря. Онъ свободно вошелъ въ хату къ нему, открылъ не замкнутый сундукъ, набралъ пропасть денегъ, куда только могъ у себя насовалъ ихъ... а знахарь спитъ себѣ крѣпко и не слышитъ. Но только лишь воръ хотѣлъ идти, какъ вдругъ, гдѣ ни возьмись, явился страшный *цапъ* [2]), и сталъ въ дверяхъ. Глаза сверкаютъ, изо рта искры сыплются....!

[1]) Болѣзнь. — [2]) Козелъ.

или смерть. Въ первомъ случаѣ дивились его искусству, во второмъ, его предвидѣнію! «Сказалъ же,» говорили люди, «когда будешь пить лекарство, все пройдетъ скоро; такъ и вышло, третьяго дня не пережила: скоро прошло все; удивительно какъ знаетъ!!»

Въ деревняхъ и сосѣдъ не приходитъ къ сосѣду съ пустыми руками, всегда приноситъ хлѣбъ, паляничку и т. п. какъ же къ знахарю, прося у него помощи, прійти безъ всего или принесть что неважное? Не можно никакъ. Вотъ каждый изъ приходящихъ, по мѣрѣ надобности и достатка, везетъ и несетъ, кто разной муки, кто водки штофъ, кто денегъ, — и каждый, участвуя въ приношеніи, въ прибавокъ не называетъ уже знахаря просто Даниломъ, а величаетъ какъ и другихъ, почетныхъ въ слободѣ людей, по отчеству; вотъ и пошелъ онъ «*Радивоновичемъ.*» Придавъ же себѣ наружность поважнѣе, отростивъ бороду, начавъ подпоясываться хорошимъ поясомъ, пошире складывая его, и выступая по улицѣ важно, онъ, при какомъ-то случаѣ, вдругъ сказалъ пришедшимъ къ нему за помощью:

«Дивился я, что въ сосѣдней волости молодаго человѣка кличутъ всѣ: дядюшка Семеновичь; не зналъ тому причины, да уже мнѣ другіе разсказали. Онъ, говорятъ, хотя и молодъ человѣкъ, но много намъ добра дѣластъ. Отводитъ несчастія, избав-

ляетъ отъ всякихъ болѣзней. Ну, когда заслужилъ, такъ почивальна такая честь. Буду и я трудиться, чтобъ хотя на старость дожить до почтенія?» Въ тотъ же день Данило имѣлъ удовольствіе слышать, что всѣ уже величали его, дядюшкою Радивоновичемъ. Съ тѣхъ поръ кто-бы ни проѣзжалъ черезъ слободу, слыша, что называютъ дядюшку Радивоновича, тотчасъ догадывался, что онъ знахарь и самъ отдавалъ ему почетъ.

Съ открытія практики знахарь убѣдился, что онъ обезпеченъ въ своемъ содержаніи. Данило оставилъ заботу о хозяйствѣ, отцовскій скотъ разпродалъ; паціенты его и имѣвшіе въ немъ надобность, обработывали землю, весь доходъ самымъ честнымъ образомъ сдавали ему, не смѣя обмѣрить, обвѣсить или обсчитать его въ бездѣлицѣ. Возьми что-нибудь изъ принадлежащаго дядюшкѣ Радивоновичу, такъ тебя схватитъ за животъ, такъ что и жизни не радъ будешь; приплотишься еще ему же за лечьбу втрое, нежели что взялъ, а *хворьба* [1], въ барышахъ. Дядюшка Радивоновичъ, продавъ выгодно отцовскій дворъ, купилъ [illegible] выгодный для себя домъ въ концѣ села, особнякъ, [illegible] а тутъ же и лѣсокъ близко.... такъ что, [illegible] часъ отгадаетъ, что тамъ *не простой* живетъ. Данило [illegible] могъ не запирать въ своей хатѣ дверей, потому-что самый [illegible] человѣкъ побоялся бы сдѣлать ему какое лихо, чтобъ не [illegible] лось и съ нимъ бѣды, какъ когда-то, давно, [illegible] простякъ, хотѣвшій обокрасть знахаря. Онъ свободно [illegible] хату къ нему, открылъ не замкнутый сундукъ [illegible] денегъ, куда только могъ у себя насовалъ [illegible] себѣ крѣпко и не слышитъ. Но только лишь [illegible] какъ вдругъ, гдѣ ни возьмись, явился страшный [illegible] въ дверяхъ. Глаза сверкаютъ, изо рта искры [illegible]

[1] Болѣзнь. — [2] Козелъ

Воръ ни съ мѣста, и простоялъ такъ до разсвѣта. Знахарь проснулся, посмѣялся надъ нимъ, велѣлъ ему положить деньги назадъ откуда взялъ, и отпустилъ его... Что же? тотъ человѣкъ [illegible], да тогда же и *одурѣлъ* [1]. Не могъ ничего больше выговорить какъ только: цапъ, цапъ!! — Чего бы ни просилъ, хлѣба или воды, что-бы ни вздумалъ разсказать, все твердитъ: цапъ, цапъ!! Такъ, когда уже встарину такъ было, и вѣрные люди разсказываютъ, что это именно правда, то кто же пустится на явную бѣду? Никто и на волосъ не возьметъ изъ принадлежащаго знахарю; хоть бы онъ что потерялъ, если кому случится найти, тотъ приходи хоть въ полночь, отдай самъ, а то чтобъ послѣ не разкаяваться.

А было бы чѣмъ поживиться у дядюшки Радивоновича, какъ и у всякаго знахаря! Еще въ первые дни, когда народъ пустился

[1]) Съ ума сошелъ.

къ нему за помощью, проѣзжавшій чрезъ слободу человѣкъ, удивясь такому сходбищу, полюбопытствовалъ узнать о причинѣ, и тутъ-то услышалъ какія чудеса дѣлаетъ новый знахарь: какъ онъ всѣмъ справедливо предсказываетъ болѣзни, вылечиваетъ самыхъ отчаянныхъ, почти мертвыхъ воскрешаетъ! Этотъ человѣкъ поѣхавъ далѣе, вездѣ да и разсказки по сосѣднимъ слободамъ... Батюшки мои!! такъ и пустился къ нему народъ со всѣхъ мѣстъ! Хоть есть вездѣ свои знахари, столь же сильные, столь же знающіе, что въ нихъ? всѣ бросились къ новому.... Около двора дядюшки Радивоновича не можно проѣхать за телѣгами, на которыхъ привезены больные, ну, право, верстъ изъза пятидесяти! Онъ зналъ, что оставляютъ своихъ знахарей и идутъ къ нему, такъ чтобы не ссорится съ ними иному больному, не очень страждущему скажетъ: «знаешь, сынокъ, что! у меня на рукахъ много больныхъ важными болѣзнями, дай Богъ мнѣ совладѣть съ ними, а твоя-пустая, съ нею и вашего села знахарь справится; ступай къ нему, а намъ не мѣшай.»

Иного пріѣзжаго больнаго ужь онъ разсматриваетъ — разсматриваетъ; думаетъ — думаетъ; нѣсколько вечеровъ шепчетъ надъ нимъ, одуваетъ, потомъ и скажетъ на отрѣзъ: «что-же? всякому человѣку дано въ мѣру. Иному мало, мнѣ больше, а есть такіе, что еще и больше моего получили. Я не могу съ твоею болѣзнью справиться; поѣзжай въ такую-то слободу, явись къ такому-то знахарю, и скажи прямо, что я тебя прислалъ. Это только по его силѣ.»

Такъ любилъ онъ правду и не отнималъ чужаго.

Натурально, что между проѣзжающими были и господскіе крестьяне; получилъ-ли кто изъ нихъ пользу, или по предсказанью знахаря умиралъ, [illegible]ло не дойти до свѣдѣнія помѣщиковъ.

— «Нѣтъ моей ногѣ легче!» говорилъ Герасимъ Николаевичъ, помѣщикъ, живущій въ тридцати верстахъ отъ дядюшки Радивоновича. «Не придумаю что́ и дѣлать? Не послать-ли, Мавра Осиповна, въ городъ за лекаремъ?»

— «Съ-чего тебѣ такая глупая мысль пришла?» отвѣчаетъ Мавра Осиповна любезному супругу; «не ужели не знаешь что лекаря всѣхъ морятъ? Вотъ послушай-ко, что́ разсказываетъ наша ключница про знахаря въ такомъ-то селеніи, такъ это прелесть! Всѣхъ вылечиваетъ, кого можно, а не то-прямо скажетъ, что умретъ: такъ и случится. Лучше бы къ нему поѣхалъ.»

Герасима Николаевича поспѣшно уложили въ бричку и отвезли къ дядюшкѣ Радивоновичу; тотъ посмотрѣлъ больную ногу (кожа была ссаднена), присыпалъ чѣмъ-то, пошепталъ двѣ зари, далъ воды пить по три вечера, и отпустилъ паціента.... Пріѣхалъ Герасимъ Николаевичъ, самъ выскочилъ изъ брички, взошелъ на крыльцо, предсталъ предъ Маврою Осиповною, топнулъ бывшею больною ногой, и пошелъ себѣ ходить! Увидѣвъ мужа съ здоровою ногой, Мавра Осиповна такъ разинула ротъ отъ удивленія, что не могла его закрыть въ теченіе двухъ часовъ, пока Герасимъ Николаевичъ разсказывалъ всѣ чудесныя изцѣленія, произведенныя удивительнымъ знахаремъ.

— «Жестоко страждающему больному,» говорилъ онъ, «становится легче не только отъ лекарства, но когда этотъ чудный человѣкъ лишь пошепчетъ надъ нимъ, ощупаетъ, обдуетъ или хотя даже взглянетъ! Я спрашивалъ его, откуда онъ почерпнулъ, такую премудрость, или кто научилъ его? Божится, что никто не училъ его ничему, а что все это пришло ему черезъ сонъ, въ молодыхъ лѣтахъ, и онъ тотчасъ могъ уже повелѣвать мертвецами, которые встаютъ изъ гробовъ! Змѣй превращаетъ въ разные виды... и все такое!... Это удивительный человѣкъ! это *филомель!* Достойно о немъ въ газетахъ напечатать! Самъ гово-

ритъ, что ему обѣщано черезъ пять лѣтъ, чрезъ сонъ же, научить еще бо́льшимъ мудростямъ. Увидимъ тогда... но и теперь-это просто чудо!

Герасимъ Николаевичь приказалъ запрячь бричку, и пустился объѣзжать помѣщиковъ, разсказывая объ открытомъ имъ *филомелѣ*, о необыкновенномъ изцѣленіи своей ноги, и о всѣхъ чудесахъ, видѣнныхъ собственными его глазами.

Помѣщики, выслушавъ Герасима Николаевича, въ свою очередь приказали запрягать брички, и пустились къ дядюшкѣ Радивоновичу, кто за совѣтомъ, кто прося пріѣхать къ нему въ домъ посмотрѣть больнаго въ семействѣ. Знахарь не вдругъ рѣшался въ отъѣздъ, устроивалъ больныхъ около находящихся, и, подшутивъ надъ помѣщиками, вѣрующими докторамъ, которые учатся у такихъ же людей, пускался въ путь. Онъ осматривалъ хворыхъ, давалъ свои лекарства, шопотомъ прогонялъ болѣзнь, а если среди его увѣреній и обнадеживаній въ скоромъ выздоровленіи, больному дѣлалось хуже или онъ умиралъ, знахарь не терялся, въ оправданіе свое, онъ говорилъ: «не такъ онъ былъ боленъ чтобы ему выздоровѣть, я это видѣлъ, но тѣшилъ васъ только.» Иногда же онъ складывалъ всю вину на докторовъ, прежде лечившихъ больнаго: «въ немъ нѣтъ никакой болѣзни,» говорилъ онъ, «осталось только леченіе этихъ обманщиковъ; что можетъ его изтребить?» Въ иномъ случаѣ онъ говорилъ: «дѣлать нечего; попробую послѣднее, дамъ эту воду; когда не умретъ къ вечеру, то выздоровѣетъ.» И всегда отгадывалъ; больной нерѣдко до сутокъ умиралъ отъ чудесной воды, и слава объ знахарѣ разпространялась все больше и больше. Не обращали вниманія на то, что больной умиралъ, но удивлялись, что предсказаніе знахаря сбывалось вѣрно и почти часъ-въ-часъ.

Кромѣ того, что нашъ знахарь въ большой вездѣ славѣ, въ

ритъ, что ему обѣщано черезъ пять лѣтъ, чрезъ сонъ же, научить еще бо́льшимъ мудростямъ. Увидимъ тогда... но и теперь-это просто чудо!

Герасимъ Николаевичь приказалъ запрячь бричку, и пустился объѣзжать помѣщиковъ, разсказывая объ открытомъ имъ *филомелѣ*, о необыкновенномъ изцѣленіи своей ноги, и о всѣхъ чудесахъ, видѣнныхъ собственными его глазами.

Помѣщики, выслушавъ Герасима Николаевича, въ свою очередь приказали запрягать брички, и пустились къ дядюшкѣ Радивоновичу, кто за совѣтомъ, кто прося пріѣхать къ нему въ домъ посмотрѣть больнаго въ семействѣ. Знахарь не вдругъ рѣшался въ отъѣздъ, устроивалъ больныхъ около находящихся, и, подшутивъ надъ помѣщиками, вѣрующими докторамъ, которые учатся у такихъ же людей, пускался въ путь. Онъ осматривалъ хворыхъ, давалъ свои лекарства, шопотомъ прогонялъ болѣзнь, а если среди его увѣреній и обнадеживаній въ скоромъ выздоровленіи, больному дѣлалось хуже или онъ умиралъ, знахарь не терялся, въ оправданіе свое, онъ говорилъ: «не такъ онъ былъ боленъ чтобы ему выздоровѣть, я это видѣлъ, но тѣшилъ васъ только.» Иногда же онъ складывалъ всю вину на докторовъ, прежде лечившихъ больнаго: «въ немъ нѣтъ никакой болѣзни,» говорилъ онъ, «осталось только леченіе этихъ обманщиковъ; что можетъ его изтребить?» Въ иномъ случаѣ онъ говорилъ: «дѣлать нечего; попробую послѣднее, дамъ эту воду; когда не умретъ къ вечеру, то выздоровѣетъ.» И всегда отгадывалъ; больной нерѣдко до сутокъ умиралъ отъ чудесной воды, и слава объ знахарѣ разпространялась все больше и больше. Не обращали вниманія на то, что больной умиралъ, но удивлялись, что предсказаніе знахаря сбывалось вѣрно и почти часъ-въ-часъ.

Кромѣ того, что нашъ знахарь въ большой вездѣ славѣ, въ

почетѣ отъ всѣхъ, не только сельское начальство, всѣ помѣщики уважаютъ его. Нѣтъ ему отъ нихъ другаго названія, какъ дядюшка. Возятъ его въ бричкахъ, а случается и въ колескѣ четвернею; не одинъ уже разъ привозили его въ городъ отшептывать у Судейши рожу, то-есть, на лицѣ рожу. Да чего? и самъ откупщикъ пріидите поклонимся къ знахарю, когда за ужиномъ бывало — плотно поѣлъ, да къ утру чуть не умеръ. Бѣда, если-бы словно на крылахъ вѣтреныхъ, на перемѣнныхъ пожарныхъ лошадяхъ, не примчали нашего знахаря. Тотъ, только осмотрѣлъ, тотчасъ чѣмъ зналъ, тѣмъ и помогъ съ-разу.

Кромѣ славы и чести, что за богатство у знахаря! Сколько у него денегъ? сколько платья и всего прочаго! всѣ дарятъ его, никто не пожалѣетъ послѣдняго, помоги только... Онъ помогаетъ или отгадываетъ, а они его обдариваютъ. Да, богатства много у знахаря, но съ кѣмъ же раздѣлить его? Одинъ онъ, одинешенекъ; и присмотрѣть за домомъ, и знать, что въ домѣ- некому. Не льзя было знахарю открыть такое дѣло; дана ему сила большая, а какъ съ нею жениться въ молодыхъ лѣтахъ? Женясь до тридцати лѣтъ, пришлось бы ему бросить свое призваніе, а, можетъ-быть, и сама сила оставила бы его. Продолжай же онъ свое дѣло, какая дѣвка рѣшится за него идти, зная, что онъ есть *не простой?* Довольно подумать, что онъ все будетъ знать за женою,... самыя думки женины будутъ ему извѣстны; ну, а какъ она такой же человѣкъ... да въ случаѣ чего... пожалуй!.... а онъ все знаетъ, хоть и не скажетъ ему никто...! Нѣтъ, бѣда! Не хочу, не пойду за него! Такъ думала всякая дѣвка, когда онъ былъ еще молодъ.

Теперь, какъ ему перевалилось за тридцать лѣтъ, то и вовсе нельзя уже ожидать, чтобы которая-нибудь за него рѣшилась идти. Но дядюшка Радивоновичь не терялъ надежды. Между занятіями своими, проходя по улицамъ и наблюдая, подмѣтилъ

онъ дѣвку перешедшую за дватцать лѣтъ; въ крестьянскомъ быту она уже засидѣвшаяся, чарочкою обнесенная. Дѣвка была чернявая, полная, здоровая, веселая и проворная, но къ работѣ она была не охотна. Все бы ей пересмѣхать другихъ, примѣчать за всѣми, осуждать, кто на глаза попадется; а какъ она была на рѣчи бойкая, то никто и не думай ее переговорить. Потому-то женихи браковали ее, и она не обращала уже ихъ вниманія на себя. Но собственно знахарю такая жена кладъ: гдѣ онъ съ своимъ знаніемъ, тутъ она будетъ съ своимъ язычкомъ. Онъ осматриваетъ больнаго, а она уже у сосѣдокъ и разпросила да развѣдала о немъ подробно. Къ знахарю пришли просить помощи въ отысканіи лошади, а жена успѣла узнать, когда лошадь пропала, какой она шерсти... Да такъ и во всемъ; половина дѣла за нею. Такая жена — двойная помощь знахарю!

Дядюшка Радивоновичь высмотрѣвъ хорошенько эту дѣвку и увѣрившись во всѣхъ ея нужныхъ ему качествахъ, искалъ случая поговорить съ нею, чтобъ условиться. Вотъ, въ одинъ вечеръ возвращаясь отъ пана-писаря, гдѣ былъ на угощеніи, поворотилъ онъ въ переулокъ, — на встрѣчу ему Одарка, съ которою онъ такъ давно желалъ говорить.

Безъ дальнихъ предвареній, онъ взялъ ее за руку и, положивъ ей свою руку на плечо, глядя, сколько могъ умильно, началъ съ

лаской дѣлать ей предложеніе и объяснилъ прямо, чего онъ требуетъ отъ жены своей, предоставляя ей за-то пользоваться богатствомъ безотчетно. Одарка, потерявшая всякую надежду слышать отъ кого что-либо подобное, чрезвычайно обрадовалась, что обратила на себя вниманіе такого человѣка, и въ мигъ сообразила выгоды отъ этого замужства, не боясь притомъ всезнанія знахарева, которое понимала очень хорошо. Выслушавъ все, безъ застѣнчивости, смѣло смотря ему въ глаза, она согласилась на предложеніе, и тутъ же, отъ полноты чувствъ, предложила нѣкоторыя улучшенія въ обращеніи его съ приходящими къ нему за помощью.

Устроивъ и разположивъ все по желанію, любовники разошлись.... Вотъ черезъ нѣсколько дней разнеслась молва, что

дядюшка Радивоновичъ, взялъ за себя Одарку-танцюривку, и что сватьба была самая тихая, скромная, безъ всякихъ *порядковъ* [1]); никто не удивлялся такому браку, никто не завидовалъ ни мужу, ни женѣ... Но между тѣмъ эту Одарку начали *почитовать* во всей слободѣ, и уже не иначе зовутъ ее, какъ тетушка Одарія; а кто бóльшую имѣетъ надобность въ дядюшкѣ Радивоновичѣ, тотъ и жену его возвеличитъ и почтитъ: Климовна Одарія! Супруги зажили себѣ отлично. Каждый изъ нихъ исправлялъ свое дѣло какъ должно. Черезъ проворство и смѣтливость жены, слава мужа увеличивалась еще болѣе. Все знаетъ онъ, можетъ сказать, у кого изъ живущихъ въ слободѣ съ чѣмъ варится въ тотъ день борщъ, за-что поссорились такіе-то, и все подобное. Часто въ пропажѣ вовсе и не думаютъ на кого, а знахарь прямо откроетъ, что тотъ-то укралъ; такъ на повѣрку и выйдетъ. Все это поразвѣдаетъ бойкая жена его, наконецъ и о ней такая прошла слава, что она чуть-ли не столько же знаетъ во всемъ *силы*, какъ и мужъ ея.

Въ такомъ-то отъ всѣхъ уваженіи, довольствѣ, семейномъ согласіи, а, главное, въ такой независимости, знахарь спокойно доживаетъ вѣкъ. Нѣтъ для него непредвидѣнныхъ, стѣснительныхъ обстоятельствъ; онъ упрочилъ будущее, все разсчелъ, удалилъ отъ себя всякія возможныя непріятности; онъ сила, и сила важная! Не боясь никого и ничего, онъ можетъ своимъ словомъ, даже взоромъ, пугать и безпокоить кого ему нужно.... чего же болѣе для счастія человѣка? Такъ доживаетъ свой вѣкъ знахарь, и оставляетъ мѣсто другому, равно смѣтливому и знающему... *людскую натуру*.

Вотъ вѣрное изображеніе сельскаго знахаря, лица́ во всѣхъ отношеніяхъ достойнаго вниманія. Замѣчаютъ, будто-бы знахари

[1]) Безъ особенныхъ церемоній.

изводятся, будто ихъ менѣе нынѣ въ селахъ; не ошибка-ли въ выраженіи? Не *переводятся* ли они? Не увеличивается-ли число ихъ внѣ селъ? Конечно знахари высшаго разряда и въ высшемъ положеніи, въ частностяхъ дѣйствій не то что эти... большому кораблю большое и плаванье, но въ основахъ натуры своей?.... Сравните и судите.

Грицко-Основьяненко.

VII.

УРАЛЬСКІЙ КАЗАКЪ.

II.

УРАЛЬСКІЙ КАЗАКЪ.

УРАЛЬСКІЙ КАЗАКЪ.

ришло жáркое, знойное лѣто (которое длится въ полуденныхъ степяхъ нашихъ ровно четыре мѣсяца: Май, Іюнь, Іюль и Августъ — а Сентябрь и Октябрь межеумки), пришло и налегло душнымъ мáревомъ на Уральскую степь, чтобы поверстаться за суровую пятимѣсячную зиму. Уральское войско, вытянутое станицами своими лентой по теченію рѣки Урала, верстъ на 800, ожило послѣ кратковременнаго отдыха; по городкамъ, форпостамъ и крѣпостямъ стали бѣгать и суетиться, словно земля подъ народомъ накалилась и не даетъ никому ни стать, ни сѣсть. Вскорѣ все войско стянулось повыше Бударинскаго; тысячи три служилаго народа, а тысячъ шесть было уже на службѣ, три по линіи, да три на внѣшней; тысячи три, не считая работниковъ, столпилось на голой, безплодной степи,

на сухомъ морѣ, привезли на подводахъ, каждый, бударку [1]) свою, ярыги или сѣти, привезли по работнику киргизскому въ мохнатомъ лисьемъ малахаѣ, видно собрались пугать лѣто — стали на первомъ плавенномъ рубежѣ [2]) и ждутъ пушки [3]).

А гдѣ же Подгорновъ, лысый Гурьевскій казакъ, который вѣкъ на службѣ, то по линіи, то въ отрядахъ у Султановъ-Правителей, у Хана, то съ полка́ми, то на морѣ, въ морской сотнѣ; вѣкъ на службѣ, а отъ уряду бѣгаетъ, потому что бѣденъ, а семья у него большая? Тутъ онъ, глядите, стоитъ, въ толпѣ подъ яромъ, безъ шапки, лысина отъ бровей до затылка, прикусивъ губу, уставивъ зоркіе глаза́ на рыболовнаго атамана [4]), который одинъ однимъ разъѣзжаетъ, ровно князь какой, по рѣкѣ; на него уставилъ глаза́ Подгорновъ, какъ лягавый на кустъ подъ которымъ сидитъ куропатка; въ правой рукѣ держитъ коротенькое весло, лѣвою ухватился за тонко выстроганный, окованный желѣзомъ носъ бударки, ждетъ по знаку атаманскому пушки, чтобы секунды одной не прозѣвать,

столкнуть бударку, выкинуть ярыгу, да вытащить осетра. Съ Подгорнова потъ льетъ градомъ только еще въ ожиданіи будущихъ благъ; что же будетъ, когда пойдетъ работа?

Вѣкъ на службѣ Подгорновъ, рѣдкій годъ до́ма, а отъ

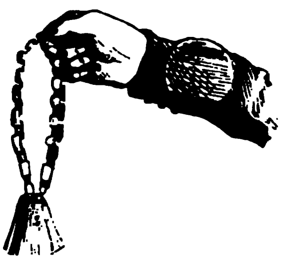
урядничьяго чину три раза отмаливался; хочетъ быть рядовымъ казакомъ. Урядникъ идетъ куда пошлютъ по очереди, наемки или мірскихъ денегъ не беретъ ни гроша, тогда какъ казакъ идетъ только охотой, взявъ съ міру почемъ прійдется, да и самъ сытъ и обутъ и домашніе тожъ. Онъ тутъ, старикъ: отъ уряду бѣгаетъ, а отъ *звѣря*, какъ онъ называетъ рыбу, не бѣгаетъ, только бы она отъ него не ушла. А не любитъ онъ, лысый, этихъ водяныхъ сверчковъ, что у насъ зовутся раками: онъ ихъ поганыхъ и въ руки не возьметъ, ни за что!

Подгорновъ Гурьевскій казакъ стариннаго закалу: ростомъ не великъ, плотенъ, широкъ въ плечахъ, навертываетъ и въ 30 градусовъ морозу, *для легкости*, по одной портянкѣ на ногу, надѣваетъ въ зимніе степные походы кожаные либо холщевые шаровары, и если буранъ очень рѣзокъ, то, сидя верхóмъ, прикрываетъ ляжку съ навѣтренной стороны полóю полушубка. Морозу онъ не боится, потому что морозъ крѣпитъ; да притомъ и оводъ и комаръ и муха не обижаютъ у него коня; жару не боится потому, что паръ костей не ломитъ; воды, сырости, дождя не боится потому, что съизмала вѣкъ въ мокрой работѣ, по рыболовному промыслу, что Уралъ золотое дно, серебряна покрышка, кормитъ, поитъ, одѣваетъ и обуваетъ его; стало-быть на воду сердиться грѣхъ, это даръ Божій, тотъ же хлѣбъ. Подгорновъ до того любитъ воду, коли нѣтъ винá, что на морскомъ рыболовствѣ и на морской службѣ по Каспійскому морю, пьетъ безъ всякихъ околичностей воду морскую и отвѣчаетъ вамъ на вопросъ: хороша ли? «нешто горóнитъ маленько,» т. е. горьковата.

Борода Подгорнову едва-ли не дороже головы: въ этомъ отношеніи Маркіанъ нашъ сущій турокъ. Отправляя однако же сына на внѣшнюю службу, въ Москву, онъ выбрилъ ему бороду, приказавъ отростить длиннѣй прежняго, когда воротится домой. Старикъ утѣшалъ себя и сына въ бѣдствіи этомъ тѣмъ, что «родительницы замолятъ грѣхъ.» Дóма Подгорновъ не пѣвалъ

...АПШИ.

[illegible] сказки, не плясалъ, не скоморошни-
[illegible]: о трубкѣ и говорить нечего, онъ
[illegible] пуще водянаго сверчка, да и не бывало ея
[illegible] у кого въ цѣломъ войскѣ. Сказывали, что
[illegible] войсковые, которые, въ похвальбу передъ сто-
[illegible] начальствомъ, носили въ рукавѣ тайкомъ отъ своихъ
[illegible] на это,



и гнусилъ немного,
[illegible] статься, и на старинный цер-
[illegible], какъ ея ковный ладъ; пер-
[illegible] бываетъ на вый плясунъ; бала-
[illegible]. На походѣ лайка явится на
Подгорновъ первый третьемъ переходѣ,
[illegible]весельникъ — хоть словно изъ земли вы-
ростетъ, явятся и трубка и табакъ; а родительницамъ предо-
ставляется отмаливать и замаливать на досугѣ невольные грѣхи казаковъ. Родительницами называетъ впрочемъ Маркіанъ нашъ не только старуху мать свою или тéщу, но и тетку и сестру и хозяйку и дочь: весь женскій полъ. Онѣ всѣ знаютъ церковную грамоту, служатъ сами по старопечатнымъ книгамъ, хозяйничаютъ изъ покупнаго добра, потому что своего, кромѣ рыбы и

скота, нѣтъ ничего, ниже хлѣба; ткутъ шелковые пояски, шьютъ сарафаны на себя съ отборной девятой пуговицей и рубахи съ шелковыми рукавами, да вяжутъ по немногу чулки, другой работы у нихъ нѣтъ. Главное занятіе женщины — воспитывать ребятъ въ постоянныхъ правилахъ и обычаяхъ домашняго изувѣрства, которое, соблюдаясь, какъ мы видѣли, съ неприкосновенною святостію на дому, нарушается безъ всякаго стѣсненія и оглядки на службѣ, въ командировкахъ и вообще внѣ войсковыхъ предѣловъ, гдѣ нѣтъ своихъ бабъ.

Описывая, какую погоду любитъ Подгорновъ, мы забыли упомянуть собственно о буранѣ, о зимней вьюгѣ, отъ которой гибнетъ ежегодно много людей и скота. Бурана Подгорновъ не жалуетъ; это крутитъ и мутитъ сатана, бунтуетъ противъ святой власти и потому буранъ погода изъ ряду вонъ: «это не погода — не годится никуда, тутъ и скотина одуреетъ,» говоритъ Маркіанъ, «не токма́ что человѣкъ.»

Пришла осень — старикъ опять идетъ съ цѣлымъ войскомъ, ровно на войну, на рыболовство. На тѣсной и быстрой рѣкѣ столпятся тутъ, отъ рубежа до рубежа, тысячи бударокъ, — булавки упасть нѣ-гдѣ, не только сѣти выкинуть; а Подгорновъ

плаваетъ какъ и всѣ другіе, связками по-парно, вытаскиваетъ рыбу, чекушитъ ее и сваливаетъ въ бударку. Саратовскіе и Московскіе торговцы слѣдятъ берегомъ пловучую толпу рыбаковъ и держатъ деньги на-готовѣ: къ вечеру раздѣлка. Тутъ, кажется, всѣ другъ друга передушатъ, передавятъ и вéчера не доживутъ; крикъ, шумъ, брань, стукъ, суматоха, толкотня на водѣ, какъ въ самой жаркой рукопашной свалкѣ на кулачномъ

бою; давятъ, душатъ другъ друга, бударки трещатъ, казаки, стоя въ нихъ и управляя ими, раскачиваются въ обѣ сто́роны, чуть носомъ воды не достаютъ, вотъ всѣ потонутъ, всѣ другъ друга замнутъ, затопятъ.... ничего не бывало; всѣ разойдутся живы, здоровы, чтобы завтра съ разсвѣтомъ начать у слѣдующаго рубежа, опять по пушкѣ, ту же продѣлку: и такъ вплоть до Каленовской, до низовыхъ станицъ. Подгорновъ гребетъ, жилится, рвется, изъ шкуры лѣзетъ, летитъ въ запуски; гребетъ сильно коротенькимъ весломъ своимъ, имъ же и правитъ и расчищаетъ себѣ дорогу въ этомъ непроходимомъ лѣсу бударокъ, расталкиваетъ ихъ вправо и влѣво, не заботясь о томъ, куда которая летитъ, и ярыгу вытаскиваетъ, и рыбу чекушитъ, и самого его толкаютъ въ задъ и въ бокъ и въ передъ — нужды нѣтъ; онъ только кричитъ и бранится, и зная уже, что никто его не слышитъ и не слушаетъ, потому что всякій занятъ своимъ, онъ и самъ продолжаетъ свое, облегчая только стѣсненное положеніе свое бранью на вѣй вѣтеръ. Впрочемъ Подгорновъ при этомъ случаѣ никогда не употребляетъ коренныхъ русскихъ ругательствъ: и это также можно дѣлать только въ командировкахъ и походахъ.

Пришла суровая зима — Уралъ за́меръ; снѣжное море покрыло необозримую степь, голодные и холодные киргизы сидятъ смирно и спокойно на зимовкахъ, не до того имъ чтобы затрогивать пикеты наши, прорываться по ночамъ тутъ и тамъ и угонять стада́ и табуны, все замерзло; даже самая кровь въ дикаряхъ, кажется, остыла; а Подгорновъ опять уже снаряжается на рыболовство, на ба́гренье. Опять онъ тутъ, подъ самымъ Уральскомъ, гдѣ въ сборѣ цѣлое войско; опять мечется по пушкѣ какъ угорѣлый, зря, очертя голову, съ яру на ледъ, на людей, топчетъ, давитъ, не щадя ни себя, ни другихъ — просѣкаетъ, наваренной сталью пешней, въ три маха двѣнадцативершковый ледъ, опускаетъ шестисаженный полуяровый багоръ, коего другой конецъ,

перегибаясь черезъ плечо, волочится по льду, поддѣваетъ рыбу, подхватываетъ ее подбагренникомъ, кричитъ, будто его рѣжутъ: «ой, братцы, помогите, не вытащу бѣлуги, сила не беретъ,» кричитъ не умолчно, хоть и знаетъ что ему никто не пособитъ, какъ и самъ онъ ни кому не подастъ помощи, за недосугомъ; кричитъ и вытаскиваетъ кое-какъ рыбу на ледъ, упарившись зимою въ одной рубашкѣ до мокраго поту и окунувшись раза три по шею въ воду, и — выбирается съ добычею своею на сухой берегъ. Окунулся онъ потому, что тысячи рыболововъ, кинувшихся вдругъ на ледъ, на одну хорошую ятовь [8]), искрошили въ четверть часа весь ледъ подъ собою, вытаскивая другъ у друга изъ-подъ ногъ рыбу, и вскрыли всю рѣку. Подгорновъ выгородилъ себѣ кое-какъ чку, т. е. небольшой комокъ льду, отстоялъ его, удержался на немъ, сложилъ тутъ же три — четыре рыбки, рублей на сто или полтораста, и, упираясь багромъ, который гнется въ рукахъ какъ веревка, захвативъ пешню ногами, а подбагренникъ въ зубы, переправился на этомъ паромѣ благополучно на берегъ, сдалъ тутъ же товаръ и взялъ деньги. Льдина переворачивалась подъ

стоитъ предъ нимъ *шутовка*, нагая, съ разпущенными волосами; «сколько припомню,» говоритъ старикъ «она была моложава и одной рукой какъ будто манила къ себѣ.» Сотворивъ крестъ и молитву, Маркіанъ сталъ отступать отъ нея задомъ, добрался до бударки, присѣлъ на колѣна, и, ухвативъ весло, ударился, сколько силъ было, домой.

Подгорнова знали всѣ, какъ человѣка добродушнаго, который, не смотря на бѣдность свою, помогалъ многимъ, кто бывалъ въ нуждѣ или еще бѣднѣе его. Онъ жалѣлъ убить стараго пса, который жилъ у него годовъ десять и сдѣлался калѣкой, «пусть живетъ нахлѣбникомъ,» говаривалъ старикъ, «не обидитъ насъ, не объѣстъ.» Но когда ему случилось сходить въ зимній степной походъ, то онъ, отбивши пару навьюченныхъ верблюдовъ и замѣтивъ, что во вьюкахъ что-то жалобно пищало, не призадумавшись выкинулъ двухъ голыхъ ребятишекъ на снѣгъ, и спокойно, безъ оглядки, отправился своимъ путемъ. «Ничего, ваше благородіе,» отвѣчалъ онъ послѣ офицеру, который хотѣлъ было, для порядку, побранить его, «ничего, *успуми*. Мамокъ что-ли съ собой возить для этихъ щенятъ,» сказалъ онъ про себя разсмѣявшись, «еще-у меня и свои-то, можетъ статься, сидятъ дома неѣвши, нынѣ хлѣбъ рубль семь гривенъ пудъ.»

Въ походѣ не брали Подгорнова ни зной, ни стужа, ни холодъ, ни голодъ. «Обтерпѣлся,» говаривалъ онъ, «да съ-измаленьку привыкъ; только лошади жаль коли безъ корму стоитъ, а человѣку ничего не станется.» Изъ всего оружія казачьяго, Мар-

кіянъ менѣе всего жаловалъ саблю, называя ее *темлякомъ*, который-де болтается безъ пользы. Винтовка на ражкахъ, изъ которой стрѣлялъ онъ лежа, разтянувшись ничкомъ на землѣ, и пика, которою работалъ — прихватывая по временамъ гривки, вотъ вся его надежда. Въ открытую конную атаку онъ не хаживалъ; «не случилось,» говоритъ, «да нашему брату ломовая атака и несподручна;» крикомъ и гикомъ бралъ, врасплохъ бралъ, и съ тылу, и въ засадѣ; а подмѣтивъ гдѣ жидко, гдѣ проскочить и прорваться можно, не жалѣя коня, гналъ и билъ непріятеля до-нельзя и не щадилъ никого. «Коли бѣжитъ непріятель,» говаривалъ Подгорновъ, «такъ развѣ въ землю отъ тебя уйдетъ, а то покидать его нельзя; гони со свѣту долой, покуда бѣжитъ, да не оглянется и не увидитъ, что ты за нимъ одинъ. И бей тоже покуда бѣжитъ: опамятуется да станетъ, такъ того гляди упрется, и вся работа твоя пропала.» Старикъ любилъ винтовку свою на ражкахъ и привыкъ къ ней; стрѣлялъ смолоду гусей, лебедей, утокъ, сайгаковъ, корсуковъ, кабановъ — все пулькой; но форменнымъ карабиномъ онъ очень обижался, на это у него были свои понятія и разсужденія. Лошадь выѣзжалъ онъ всякую въ двѣ, три недѣли, не заботясь о томъ, бьетъ ли она только задомъ, или съ козла; подпругъ и катаура никогда туго не подтягивалъ, а считалъ плеть — нагайку лучшимъ самоучителемъ, безъ которой наука ни одному неучу не дается. Подпрукаетъ, подойдетъ, погладитъ, ухватитъ за уши, дастъ поддержать сыну либо племяннику, накинетъ сѣдло, сядетъ — а тамъ дѣло уже по неволѣ пойдетъ своимъ чередомъ; сколько бы ни носила лошадь, сколько бы ни била, когда-нибудь да уходится и присмиреетъ. Въ упряжку выѣздить иную, особенно киргизскую, помудреннѣе, да и то ничего. Сперва бокомъ, за одинъ гужъ,

вертись и вези какъ знаешь; а тамъ какъ обойдется маленько, въ постромки, да въ оглобли. Плеть первая наука.

Не только на конѣ и на прѣсной водѣ, но и на морѣ Подгорновъ былъ какъ у себя дома. Съ-измаленьку привыкъ, дѣло домашнее. Онъ хаживалъ и на косныхъ и на посудахъ, кусовыхъ и разшивахъ, не только изъ Гурьева въ Астрахань, но и къ Колпинному кряжу и дальше. По близости въ своихъ водахъ, бывалъ Подгорновъ на морскомъ Курхайскомъ рыболовствѣ, въ одной артели съ другими, потому что одному собраться тяжело, а на Тюпъ-караганъ, Мангишлакъ и въ Кайдакъ хаживалъ по службѣ. Въ старые годы пускался онъ, бывало, и въ открытое море на бударкѣ своей, на крошечномъ долбленомъ челнокѣ, за лебедями, промышлялъ перьями и шкурками, и пухомъ; нынѣ промыслъ этотъ, какъ слишкомъ опасный, давно уже запрещенъ. Подгорновъ зналъ не хуже штурмана зюйдъ-вестъ и нордъ-остъ, фокъ, гротъ, брамъ-топъ, какъ у нихъ называютъ топсель, зналъ шкотъ и галсъ и фалъ, хоть и называлъ обыкновенно послѣдній *подъемною снастью*. Маркіанъ былъ, самъ того не подозрѣвая, морякъ; лавировалъ и боролся мастерски съ бурей и волнами, какъ съ своимъ братомъ; и это дѣлалъ онъ также отъ того, какъ объяснялся, что «привыкъ такъ съ молодыхъ лѣтъ, что море дѣло сосѣднее, подъ рукой.» Бывалъ онъ и въ относѣ [6]) на аханномъ рыболовствѣ и таскало его по морю недѣли по двѣ; а между тѣмъ льдина все крошилась да крошилась, отъ волнъ и бури, и Подгорновъ видѣлъ день-за-днемъ и часъ-за-часомъ мокрую и холодную смерть подъ собою. Но Господь милостивъ: казака приносило опять моряной къ берегу. Тогда казакъ нашъ, бывало, тужитъ только о томъ, что снасти пропали и собраться бѣдняку опять нѣ съ чѣмъ. Впрочемъ, если-бы и не вынесло его на льдинѣ, такъ казаку и на саняхъ ину пору изъ моря выѣзжать удается, да не по льду, котораго уже нѣтъ, потому что его взломало бурей, разбило и разнесло; а таки просто на саняхъ по водѣ, по волнамъ: такъ по-крайней-мѣрѣ поправился не давно,

на нашей памяти, товарищъ Подгорнова, казакъ Дервяновъ, котораго таскало нѣсколько недѣль въ относѣ. Когда лошадь, въ крайнемъ положеніи этомъ, была уже съѣдена, то Дервяновъ, снявши съ нея шкуру, какъ человѣкъ догадливый и запасливый, *дудкой* или бурдюкомъ, т. е. цѣликомъ, завязалъ ее на взрѣзахъ, подвелъ подъ сани, надулъ, привязалъ, изъ оглобель сдѣлалъ весла, изъ армяка парусъ, не знаю гротъ-ли, фокъ-ли, или брамъ-топъ, и добился на кораблѣ этомъ благополучно до встрѣчной рыбопромышленой посуды, вышедшей изъ Астрахани.

Наловилъ Подгорновъ много красной рыбы на вѣку своемъ; много икры надѣлалъ и много отправилъ этого товару, продавъ его на мѣстѣ торговцамъ, въ Москву и въ Питеръ; была рыба его и за Царской трапезой, когда случалось ему попадать на Царское багренье, съ котораго отправляютъ, по древнему обычаю, ежегодно на почтовыхъ тройкахъ *Царскій кусъ* или такъ называемый *презентъ*; но самъ Маркіанъ по цѣлымъ годамъ и не отвѣдывалъ ни осетра, ни бѣлуги, ни шипа, ни севрюги; товаръ этотъ дорогъ, «не по рылу,» какъ выражался старикъ. Онъ объѣдался красной рыбы только въ лѣто, послѣ Бузачинскаго походу, когда былъ въ Гурьевской морской сотнѣ за приказнаго, и ходилъ съ есауломъ стеречь войсковыя воды, чтобы Астраханцы не обижали; тогда было у нихъ рыбы вдоволь, и хоть продавать ее не продавали, потому что за это строго взыскивается, а сами ѣли вволю. Дома варила хозяйка Подгорнова по временамъ, когда ловъ разрѣшался, черную рыбу, а не то барановъ рѣзали, ѣли каймакъ [8]); а какъ посты всѣ соблюдались во всей строгости, такъ и приходилось въ году мѣсяцевъ шесть хлебать постную кашицу да пустыя щи. На походъ снабжала хозяйка своего казака кокурками [9]), сколько можно было подвязать ихъ въ торока.

Маркіанъ, какъ человѣкъ бывалый и обтертый, хоть и не рѣшился бы ѣсть изъ одной посуды съ киргизомъ или калмы-

комъ «съ собачьей вѣрой,» но нашего брата не совсѣмъ чуждался, а признавалъ человѣкомъ, таки развѣ мало чѣмъ хуже себя. По-этому онъ готовъ былъ ѣсть съ нами изъ одной чашки, пить изъ одного ковша и не брезгалъ бы этимъ не только на походѣ, гдѣ все разрѣшается, но даже и дома; но хозяйка его была на этотъ счетъ другихъ мыслей и старинныхъ правилъ: за хлѣбъ-соль она ни съ кого и ни за-что не взяла бы платы, потому что это смертный грѣхъ; но посуды своей она «скобленому рылу» не подала бы также ни за-что, а полагала, что собаку, собачью вѣру Татарина и нашего брата бритоусца, можно кормить изъ одной общей посуды. Старикъ въ этомъ не смѣлъ больно съ нею спорить, а то бы она ему самому, какъ поганому, поставила щецъ на особицу, въ черепкѣ, какъ дѣлывала каждый разъ, когда мужъ приходилъ изъ походу, покуда не принялъ еще отъ своихъ очистительную молитву. Разъ какъ-то Подгорновъ поставилъ для дорогаго гостя, котораго никакъ не хотѣлъ обидѣть, самоваръ и подалъ чайникъ и чашки; хозяйка не случилась на ту пору дома, за-то послѣ онъ на-силу кое-какъ успокоилъ старуху, и ухаживалъ за нею, и упрашивалъ ее долго. Но и тутъ она, не бравши, какъ сказалъ я, ни за-что на свѣтѣ платы за хлѣбъ-соль, вытребовала съ проѣзжаго безъ всякихъ обиняковъ гривенникъ на очистительную для посуды молитву; не взяла его однакоже сама, чтобы не сочли этого платой, а просила отправить чашки и гривенникъ съ постороннимъ человѣкомъ къ старой дѣвкѣ, которая завѣдывала этимъ дѣломъ, и очистила опоганенную посуду. Хлопотъ за этимъ было много: нельзя было сдѣлать этого дома, а носили посуду на рѣку, сполоснули ее, и прочли молитву.

Сыновья Подгорнова были ребята нынѣшняго складу: высокіе, стройные и крѣпкіе какъ отецъ. Молодой народъ на Уралѣ чуть-ли не росліе стараго, и, что Богъ дастъ впередъ, не изводится, а крѣпокъ и дюжъ. Какъ растутъ они, такъ росъ въ свое время и отецъ, такъ росли въ свое время дѣды и пра-

дѣды ихъ; отмѣны нѣтъ никакой. Маркіанъ съ десяти годовъ пасъ табуны, ѣздилъ съ отцомъ на рыболовство и, выставивъ на саняхъ или телѣгѣ значокъ, какую-нибудь тряпицу, шапку, сапогъ, ѣхалъ берегомъ въ тысячной толпѣ саней, на саняхъ или телѣгѣ, провожалъ управлявшагося на водѣ отца и *зъвалъ*, т. е. кричалъ, впродолженіе цѣлыхъ сутокъ во всю глотку. Безъ этого рыбакъ въ суматохѣ толпы не нашелъ бы вечеромъ, приставъ къ стану, повозки своей, а потому каждый съ водѣ и съ берегу даютъ другъ другу голосъ, *зъваютъ*, и ровняются. Тутъ наостришь по неволѣ и глаза и уши. По-этому Подгорновъ и видѣлъ сѣрыми глазами своими ясно и чисто тамъ, гдѣ нашъ братъ не видалъ ничего кромѣ неба и земли; а гдѣ Маркіанъ поглядѣвши скажетъ бывало: «чуть мельтешитъ что-то» тамъ безъ хорошей подзорной трубы и не думай разгадать задачу. Онъ привыкъ и на морѣ вѣрно мѣрять разстояніе *закроями* [9]) и *завѣсивъ чѐрни*, т. е. скрывшись отъ берегу, не видалъ его потому только, что берегъ былъ уже подъ кругозоромъ и его нельзя было увидѣть ни въ какую трубу и стекла.

Граммать Подгорновъ не выучился, за недосугомъ: вѣкъ на службѣ и въ работѣ. Ему граммата и не нужна; это дѣло родительницъ, которыя должны замаливать вольные и невольные грѣхи мужей, отцовъ, сыновей и братьевъ. Родительницы сидятъ себѣ дома, имъ дѣлать нечего какъ сохранять и соблюдать всѣ обычаи исконные и заботиться, по своимъ понятіямъ, о благѣ духовномъ. Пусть же отмаливаютъ за казаковъ, на которыхъ лежатъ заботы о благѣ насущномъ, промыслы и служба.

Скотъ ходитъ у казаковъ Уральскихъ на подножномъ корму

зиму и лѣто, круглый годъ, пастухи и табунщики ходятъ за нимъ въ вѐдро и въ ненастье, въ мятель, дождь, зной и стужу.

Пастухъ и табунщикъ выгоняютъ скотъ свой на Уралъ не съ рожкомъ и со свирѣлкой, а съ винтовкой за плечомъ, съ копьемъ въ рукахъ и всегда верхомъ. Тамъ изъ станицы въ станицу рѣдко кто поѣдетъ безъ оружія, и казакъ-ямщикъ садится къ вамъ на ко́злы съ ружьемъ и въ подсумкѣ, съ боевыми патронами. Итакъ не мудрено, что Подгорновъ привыкъ къ винтовкѣ съизмала, съ двѣнадцати годовъ; въ опасномъ мѣстѣ всегда, не говоря ни сло́ва и не дожидаясь приказанія, вынетъ-бывало тряпицу изъ-подъ курка, осмотритъ по́лку, прикроетъ ее огнивомъ и поставитъ курокъ на первый взводъ. Подъѣзжая къ станицѣ, онъ бережно опять закладываетъ по́лку мячикомъ или клочкомъ овчинки, спускаетъ на нее курокъ въ-упоръ, а потомъ еще попробуетъ, не сыплется-ль порохъ съ по́лки, подбирая съ руки бережно каждое зернышко.

Случилось Маркіану и голодать по цѣлымъ суткамъ, и къ этому привыкъ онъ съ-молоду. Лѣтомъ сносилъ онъ голодъ молча, зимой покрякивалъ и повертывался; лѣтомъ жевалъ отъ жажды свинцовую пульку или жеребеекъ, это холодитъ; зимой закусывалъ снѣжкомъ. Солодковый корень, челимъ [10]), лебеда, яйца мартышекъ, даже земляной хлѣбъ [11]) и разныя другія съѣдомыя снадобья пропитывали его въ бѣдѣ по нѣскольку сутокъ сряду. Тамъ приходила опять пора, и Маркіанъ отъѣдался за прошедшее и за будущее. И добро и худо, и нужда и довольство живутъ *голмянами*, какъ выражался казакъ нашъ,

т. е. порою, временемъ, полосою. Но конины и верблюжины Подгорновъ не сталъ бы ѣсть ни за-что; скорѣе, говоритъ, издохну, а такого грѣха на душу не возьму.

Маркіанъ ходилъ подъ гладкой, круглой стрижкой, какъ всѣ старовѣры наши: т. е. не подъ Русской, не въ скобку, а стригся просто, довольно гладко и ровно, кругомъ. Отправляясь съ полками на внѣшнюю службу, стригся онъ по-казачьи или *подъ айдаръ*. На Уралѣ ходилъ онъ постоянно въ Хивинскомъ стегапомъ полосатомъ халатѣ и подпоясывался киргизской *калтой*, кожанымъ ремнемъ съ карманомъ и съ ножемъ; по праздникамъ щеголялъ въ черной бархатной куртке или *куртки*, какъ онъ ее называлъ, можетъ-быть, правильнѣе нашего. Зимой на немъ была высокая черная смушковая шапка, лѣтомъ синяя фуражка съ голубымъ околышемъ и съ козырькомъ. Сверхъ рубахи онъ всегда опоясывался плетенымъ узенькимъ поясомъ — обстоятельство въ глазахъ его большой важности, потому что въ рубахѣ безъ опояски ходятъ одни татары. И ребятишекъ маленькихъ хозяйка Подгорнова тщательно всегда подпоясывала и била ихъ больно, если который изъ нихъ разпоясывался или терялъ поясокъ: по опоякѣ этой и на томъ свѣтѣ отличаютъ ребятъ отъ некрещеныхъ татарчатъ и когда, въ прогулкѣ по вертоградамъ небеснымъ, разрѣшается имъ собирать виноградные грозды, то у нихъ есть куда ихъ складывать, за пазуху; татарчатамъ же, напротивъ, винограду собирать не куда.

Подгорновъ дома, на Уралѣ, никогда не божился, а говорилъ: «ей, ей» и «ни, ни;» никогда не говорилъ: спасибо, а «спаси тя Христосъ,» входя въ избу, останавливался на порогѣ и говорилъ: «Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй насъ!» и выжидалъ отвѣтнаго: аминь. Въ часовню ходилъ онъ не иначе какъ въ халатѣ на розпашку и съ пояскомъ поверхъ рубахи. Но, принимая кровное участіе въ родномъ и общемъ дѣлѣ, онъ далъ обѣтъ, помолиться усердно въ Православной

Церкви, если утвердятъ наконецъ окончательно за войскомъ сѣнокосы на лѣвомъ берегу Урала, камышъ-самару съ Узенями и обезпечатъ угрожаемыя нашествіемъ Астраханцевъ войсковыя морскія воды.

Такъ выросъ, такъ жилъ и такъ состарѣлся Подгорновъ, покрайней-мѣрѣ сталъ сѣдѣть, хотя ему было не съ большимъ 50 лѣтъ, потому что написанъ изъ малолѣтныхъ въ казаки по 18-му году, дослуживалъ нынѣ 34-й годъ службы и, надѣясь на милость начальства, собирался въ отставные. Онъ былъ много лѣтъ *линейнымъ*, вышелъ потомъ и въ *градскіе* казаки, тамъ опять попалъ въ линейныя, въ морскую сотню. Въ *Гражданскіе* или *городовые* [12]) онъ идти самъ не хотѣлъ, покуда силы есть и деньги нужны; но теперь уже поговаривалъ: «пора уважить старику, послужилъ Государю своему довольно и поставилъ за себя двухъ казаковъ, Вакха и Евпла.» Сыновья его получили малоизвѣстныя имена эти по заведенному на Уралѣ порядку, родившись за седмицу до дня празднованія церковью памяти сихъ святыхъ. Отъ этого обычая тамъ не отступаютъ и Уральское войско представляетъ въ этомъ отношеніи полныя до-никоновскія святцы. Спросите любаго Уральскаго казака, какъ его зовутъ, и вы рѣдко услышите употребительное между нами имя. Но если хотите знать прозваніе казака и хотите, чтобы онъ понялъ вопросъ вашъ, то спросите его: *чей ты*, или *чьи вы?* или даже пожалуй: чей ты прозываешься. На вопросъ чей? казакъ отвѣтитъ: Карповъ, Донсковъ, Харчовъ, Гавриловъ, Мальгинъ, Казаргинъ, и вы изъ окончанія видите, что это прямой отвѣтъ на вашъ вопросъ. Вы спрашиваете чей, т. е. изъ какой, изъ чьей семьи? онъ отвѣчаетъ: Донскова или сокращенно Донсковъ, Мальгина, или Мальгинъ, и проч. Въ Сибири спрашиваютъ вмѣсто этого: *чьихъ вы?* и отъ этого вопроса произошли прозванія: *Кривыхъ, Нагихъ, Ильиныхъ*, и проч.

Надобно вамъ еще сказать, что Маркіана Подгорнова, какъ и

всѣхъ земляковъ его, можно узнать по-говору, какъ онъ только слово вымолвитъ, и сказать ему положительно: ты Уральскій казакъ. Также легко узнать по-говору хозяйку его Харитину и дочерей Минодору и Гликерію, хотя въ говорѣ, въ произношеніи казаковъ и родительницъ ихъ нѣтъ ничего общаго. Казакъ говоритъ рѣзко, бойко, отрывисто; отмѣчаетъ языкомъ каждую согласную букву, налегаетъ на *р*, на *с*, на *т*, гласныя буквы, напротивъ, скрадываетъ: вы не услышите у него ни чистаго *а*, ни *о*, ни *у*. Ротительницы, напротивъ, живучи особнякомъ въ тѣсномъ кругу своемъ, вѣчно дома, всѣ безъ изъятія перенимаютъ другъ у друга шепелявить и произносить букву *л* мягче обыкновеннаго. Онѣ ходятъ гулять и веселиться на *синцикъ* въ *сѣльковой субенкѣ*, а синчикъ называется у нихъ первоосенній ледъ, до пороши, по которому можно скользить въ нарядныхъ башмачкахъ и выставлять впередъ ножку, кричать, шумѣть и хохотать. Послѣднее, по строгому чину домашняго воспитанія, имъ рѣдко удается. Упомянемъ здѣсь еще, возвращаясь къ семейству Маркіана, что старшую дочь свою, Ксенію, старикъ отдалъ уже за-мужъ, а приданнаго не далъ, по тамошнему обычаю, ни гроша; объ этомъ и рѣчи не бываетъ, женихъ, напротивъ долженъ по уговору справить невѣстѣ *сороку*, головной женскій уборъ, замѣняющій со времени замужества, въ праздничные дни, дѣвичью *подшизь*. Есть сороки на Уралѣ въ 10 и 15 тысячъ. Тамъ дѣвки всѣ безприданницы, и обычай этотъ конечно ведется съ-тѣхъ-поръ, какъ ихъ было еще мало, а холостежи казачьей набиралось много.

Итакъ Маркіанъ Подгорновъ дослуживалъ 34-й годъ службы и глядѣлъ, хоть еще и крѣпокъ былъ, въ отставные; да не выпускали, велѣли послужить еще съ годъ, а тамъ обѣщали начать забирать справки. Между-тѣмъ, потребовали съ Уралу полкъ въ Турецкую войну. Вышелъ на базарную площадь въ Уральскѣ экзекуторъ войсковой канцеляріи, прежде дѣлывалъ это войсковой Есаулъ, прочиталъ вслухъ казакамъ, которые

твѣтъ. Идетъ и послѣдняя сотня, прошелъ и послѣдній ъ послѣдней сотни, а всѣ казаки говорятъ ей, кивнувъ ою назадъ: «сзади матушка, сзади.» Когда прошелъ и ь и всѣ отвѣчали только *сзади*, то Харитина догадалась и на въ чемъ дѣло — ударилась объ-земь и завопила страш- ь голосомъ. Казаки увели ее домой, а Маркіана своего она болѣе не видала.

В. Даль.

собрались въ кружокъ и слушали, снявъ шапки, что: «велѣно-де поставить полкъ къ такому-то числу, приходится пяти служивымъ казакамъ поставить одного; сборное мѣсто городъ Уральскъ.» Прочелъ, и пошелъ домой; только и заботъ войсковому начальству, а полкъ къ сроку будетъ.

Заложилась наемка, какъ говорятъ казаки, или установилась цѣна, подможныхъ мірскихъ денегъ, по 800 рублей. Подгорнову не-гдѣ взять двухъ-сотъ рублей на свою долю, надо идти служить самому. Дай-поїду, говоритъ, возьму еще разъ деньжонки, авось въ послѣдній самъ соберусь и своихъ надѣлю и послужу на-послѣдяхъ Великому Государю.

Пошелъ, запѣлъ опять пѣсни, обзавелся трубкой на походъ, добылъ на походъ чубараго коня, оба уха и ноздри пороты, и рѣдкой прыти. Полкъ пробылъ два года въ Турціи, тутъ еще позадержали въ Польшѣ слишкомъ годъ, наконецъ спустили; пошли домой, на Уралъ. Выбыло изъ полка однако-же человѣкъ полтораста.

Большой былъ праздникъ въ Уральскѣ, когда вступилъ 4-й полкъ. Родительницы выѣхали на встрѣчу изъ всѣхъ низовыхъ станицъ, усѣяли всю дорогу отъ города верстъ на десять; вынесли узелки, узелочки, мѣшечки, стклянницы, штофчики, сулейки, все, вишь, жалѣючи своихъ, думаютъ голодные пріїдутъ, такъ напоить и накормить. Стоитъ старуха въ синемъ кумачномъ сарафанѣ, повязанная чернымъ китайчатымъ платкомъ, держитъ въ рукахъ узелокъ и бутылочку, кланяется пизехонько, спрашиваетъ: «Подгорновъ, родные мои, гдѣ, Маркіанъ?» Сзади, матушка, сзади. Идетъ вторая сотня, спрашиваетъ старуха: «гдѣ-же Маркіанъ Елисеевичъ Подгорновъ, спаси васъ Христосъ и помилуй, гдѣ Подгорновъ?» Сзади, говорятъ. Идетъ третія сотня — тотъ же привѣтъ, тотъ

же отвѣтъ. Идетъ и послѣдняя сотня, прошелъ и послѣдній взводъ послѣдней сотни, а всѣ казаки говорятъ ей, кивнувъ головою назадъ: «сзади матушка, сзади.» Когда прошелъ и обозъ и всѣ отвѣчали только *сзади*, то Харитина догадалась и поняла въ чемъ дѣло — ударилась объ-земь и завопила страшнымъ голосомъ. Казаки увели ее домой, а Маркіана своего она уже болѣе не видала.

В. Даль.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ

1) Бударка, долбленый челнокъ, тонко и красиво обдѣланный, легкій и ходкій. Онъ употребляется на всѣхъ лѣтнихъ рѣчныхъ рыболовствахъ и, по окончаніи каждаго, сдается по 5 часы, отъ каждой станицы отдѣльно.

2) Рубежами называются участки, по рѣкѣ назначенные, для суточной ловли; ниже рубежа никто до срока не смѣетъ прикоснуться къ водѣ. Въ каждый рубежъ встаиаютъ по вѣстовой пушкѣ.

3) До пушки, которая палитъ по условному знаку рыболовнаго атамана, никто не смѣетъ ступить на ледъ или спустить бударку на воду: по пушкѣ всѣ кидаются вдругъ и въ-запуски.

4) Рыболовному атаману, который назначается для каждаго рыболовства особенно, даны права и преимущества, какъ по возлагаемой на него власти, такъ и по выгодамъ за чрезвычайныя хлопоты его. Онъ судитъ и рядитъ всѣ возникающіе по промыслу споры, по старинным обычаямъ; распоряжается, сообразно нуждѣ, всѣмъ что относится до его дѣла, и заводитъ, для охраненія промышленниковъ отъ набѣгу орды, особою яртаульною командою.

5) Ятовь, омутъ въ который ложится красная рыба на зимовку. Она ложится тѣсно, въ нѣсколько ярусовъ и спитъ; шумъ и стукъ ея въ это время не пугаютъ и ее просто ощупываютъ слегка багромъ и вытаскиваютъ какъ изъ садка.

6) На ахавное рыболовство выѣзжаютъ на саняхъ, по льду морскому. При морянѣ ледъ ламываетъ и спираетъ; казаки говорятъ тогда: *шиханы ставить*. Если сдѣлается послѣ этого верховой вѣтеръ, то рыбаковъ уноситъ на огромныхъ ловучихъ льдинахъ въ открытое море. Это называется *быть въ относѣ*.

7) Каймакъ, упаренное до густоты молоко, со сливками и густыми пѣнками. Казаки сыраго молока не ѣдятъ.

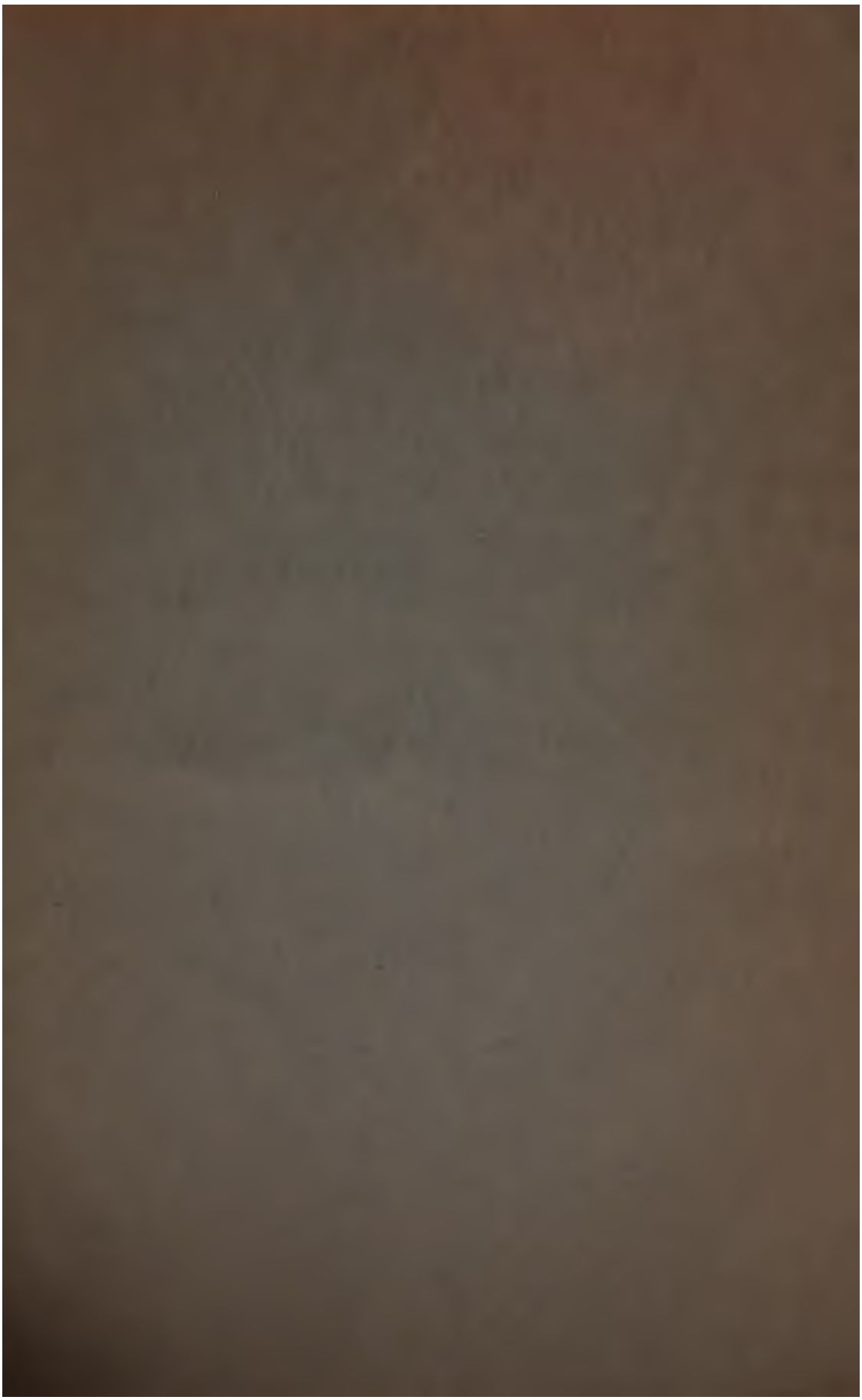
8) Кокурка, пшеничный хлѣбецъ, въ которое запечено яйцо; оно держится такимъ образомъ долго.

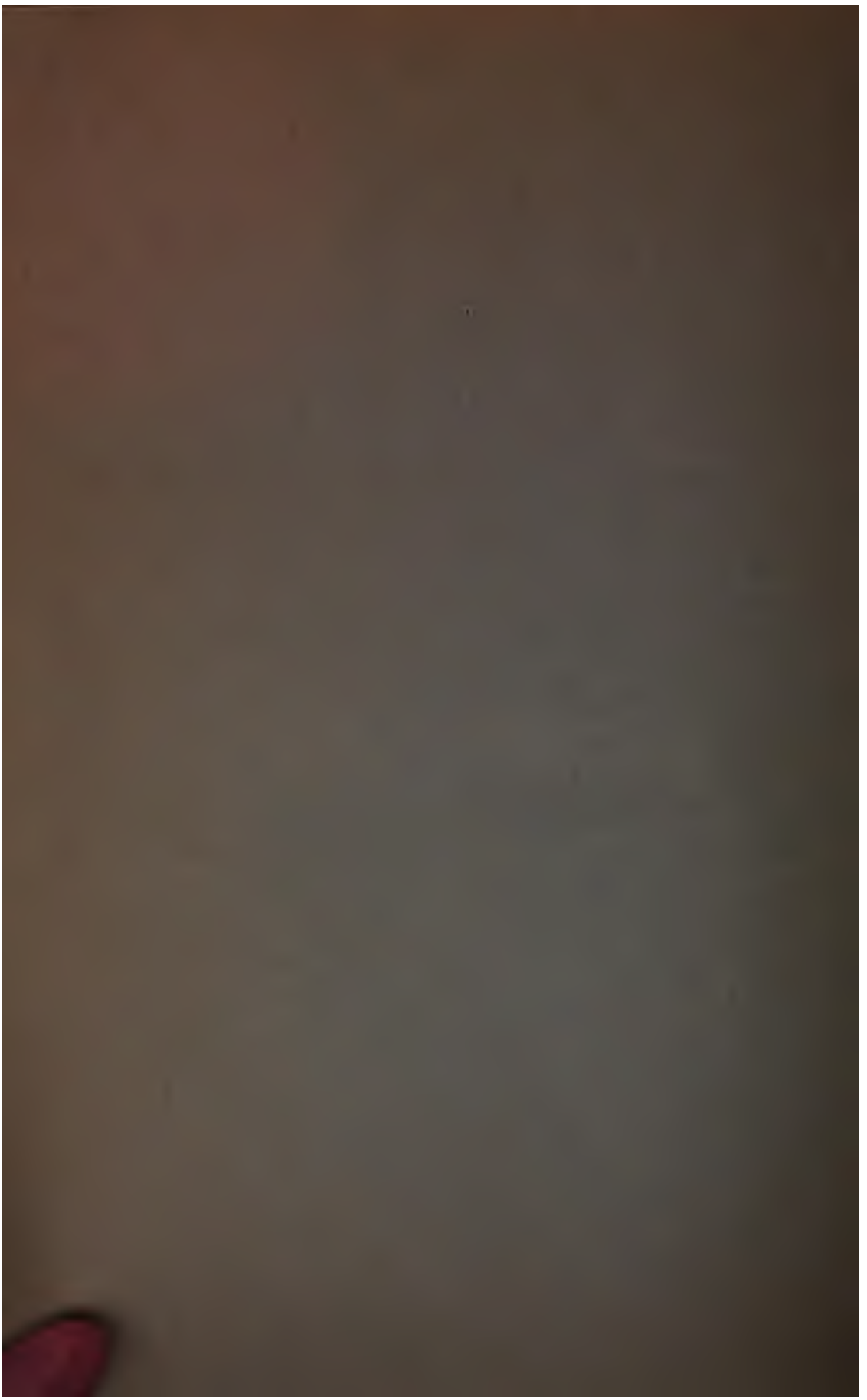
9) Разстояніе, на которомъ судно въ морѣ скрывается подъ кругозоромъ, называютъ *закроемъ*; это будетъ верстъ 10 — 15.

10) Челимъ, водяные орѣхи, вытаскиваемые со дна озёръ рогожами, за которыя цѣпляются рожками и колючками своими.

11) Земляной хлѣбъ, замѣчательный лишай Усть-Урта. Онъ растетъ катаясь свободно по землѣ, по камню, безъ всякой связи съ почвой. Въ немъ есть нѣкоторое сходство, судя по питательнымъ качествамъ, съ Исландскимъ мохомъ; въ голодные годы его ѣдятъ. Вкусъ дурной, новатый.

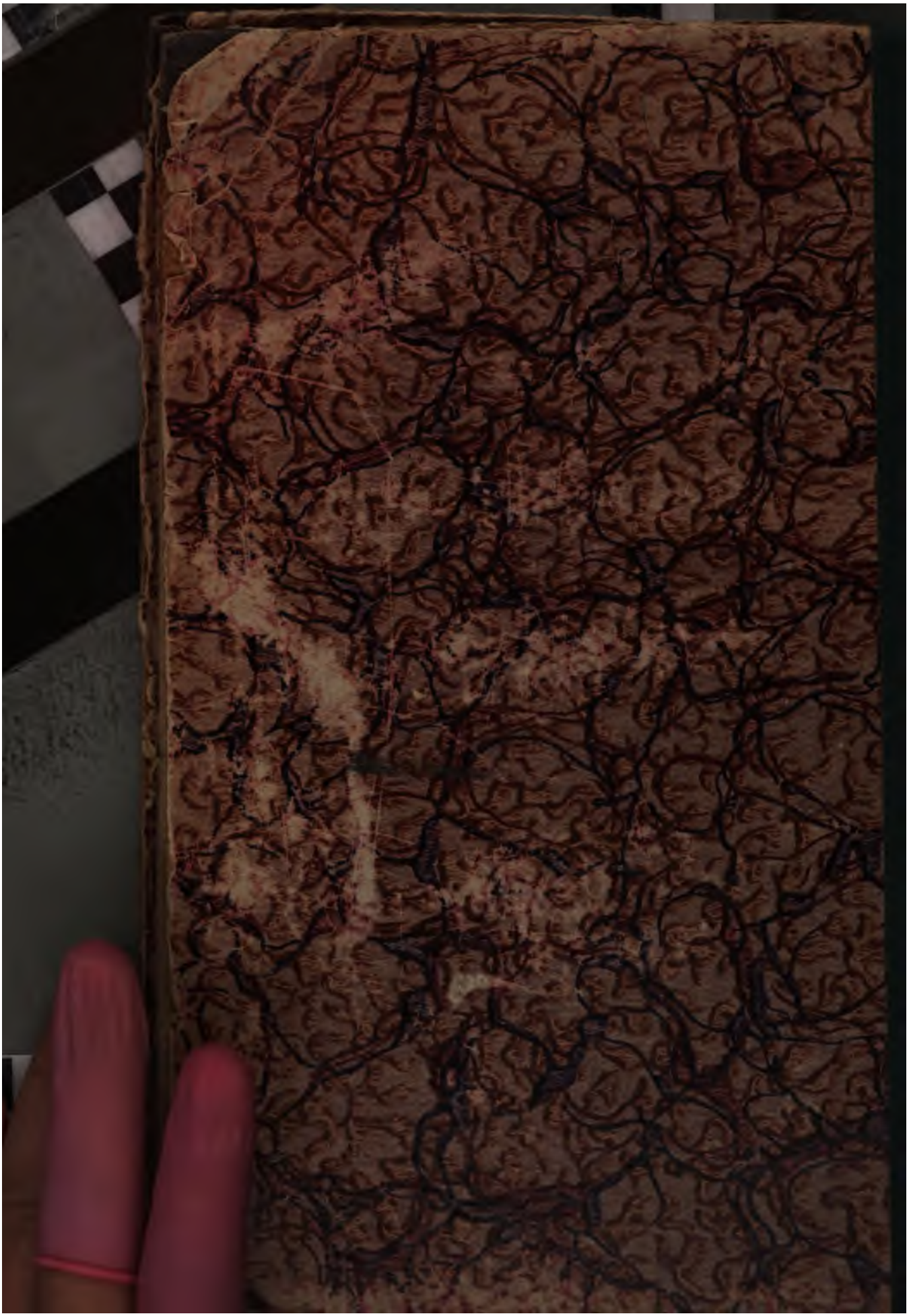
12) *Градскими* казаками называются всѣ служилые казаки, выставляющіе отъ себя требуемые полки и команды на службу; *линейными* тѣ, которые по наемкѣ или по мірскимъ подложнымъ деньгамъ, получаемымъ съ градскихъ ежегодно, охраняютъ линію; *Гражданскими* казаки называютъ особое отдѣленіе малоспособныхъ и дряхлыхъ служилыхъ казаковъ, выставляющихъ людей только въ городовыя команды и вообще на службу внутреннюю.





DK
32
.N3

DK 32 .N3 C.1
Nashi, spisannye s natury russ
Stanford University Libraries
3 6105 035 393 086

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305